

НОВАЯ ПОЛЬША

№12₍₁₃₆₎

2011

АДАМ ДАНИЭЛЬ РОТФЕЛЬД: ПРОРУБИТЬ ОКНО

МИХАЛ БОНИ: ПУСТЬ ЛУЧШЕ ПОЛЬША
БУДЕТ ПЕРЕКОПАННОЙ, ЧЕМ СОННОЙ

СЛАВОМИР ДЕМБСКИЙ: МЫ ХО-
ТИМ ДИАЛОГА С РОССИЕЙ

УМЕР АНДЖЕЙ МАНДАЛЬЯН

ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ
ОБРЕТЕННЫЙ И НЕЗАБВЕННЫЙ

ВАРШАВА

ISSN 1508-5589

**Всех наших читателей,
сотрудников и друзей
поздравляем
с Рождеством Христовым
и Новым Годом.**

Редакция

НОВАЯ ПОЛЬША

ISSN 1508-5589

№ 12 (136)
2011
декабрь

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК

Адам Даниэль Ротфельд 3
ПРОРУБИТЬ ОКНО

МАНДЕЛЬШТАМОВСКИЕ ДНИ В ВАРШАВЕ (18-23 сентября 2011)
Адам Поморский 8
МАНДЕЛЬШТАМ СРЕДИ ПОЛЯКОВ

Майя Пешкова 10
ДНИ ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА В ВАРШАВЕ

Роман Тименчик 14
АХМАТОВА И МАНДЕЛЬШТАМ

Ивона Смолька 20
РЫШАРД ПШИБЫЛЬСКИЙ,
СОЗДАТЕЛЬ ПОЛЬСКОЙ УЛИЦЫ МАНДЕЛЬШТАМА

Петр Мицнер 26
ПУТЬ МАНДЕЛЬШТАМА В ПОЛЬШУ

СТИХИ ПОЛЬСКИХ ПОЭТОВ,
ПОСВЯЩЕННЫЕ ОСИПУ МАНДЕЛЬШТАМУ 33

Виктор Кулерский 35
ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

Славомир Дембский 44
В ПОИСКАХ ДИАЛОГА С РОССИЕЙ

МЫ УЧИЛИСЬ СМЕЛОСТИ У РУССКИХ 49
Беседа с Генриком Вуецом

ПО МНЕ ПУСТЬ ЛУЧШЕ ПОЛЬША 52
БУДЕТ ПЕРЕКОПАННОЙ, ЧЕМ СОННОЙ
Беседа с Михалом Бони

Тадеуш Ружевич 59
СТИХОТВОРЕНИЯ

Лешек Шаруга 66
УСЫПЛЕНИЕ СТИХА

Эльжбета Савицкая 68
ПУСТОЙ ПЕРРОН
Прощание с Анджеем Мандальняном

Ярослав Клейноцкий
МИЛОШ ПОД ЛУПОЙ

70

Эльжбета Савицкая
КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

72

Лешек Шаруга
ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

76

Клавдия Ротманова
ОСКОЛКИ ПАМЯТИ НА ЗИМНЕМ СНЕГУ

80

Редакционный совет

Стефан Братковский
Генрик Возняковский
Ежи Клочовский
Кароль Модзелевский
Януш Тазбир
Станислав Цёсек

Ежи Помяновский

(главный редактор)

Редколлегия

Элиза Вольская
Наталья Горбаневская
Галина Дубик
Никита Кузнецов
Виктор Кулерский
Петр Мицнер (зам. гл. редактора)
Евангелина Скалинская
(секретариат)
Гжегож Пшебинда
Ежи Редлих
(зам. гл. редактора, секретарь редакции)
Эльжбета Савицкая
Лешек Шаруга
Дмитрий Шевионков-Кисмелов
(главный художник)

Графика и макет

Дмитрий Шевионков-Кисмелов

Техническая редакция

Паулина Зеленая

Адрес редакции

INSTYTUT KSIĄŻKI
al.Niepodległości 213
02-086 Warszawa
Ал. Неподлеглости, 213
02-086 Варшава
тел: (22) 608 27 95; 608 25 65
факс: (22) 608 25 05; 608 27 96
e-mail: nowpol@instytutksiazki.pl
Информация о журнале
для стран СНГ
Издательство МИК, Москва,
ул. Большая Переяславская, д.15, кв.49
тел: 621-41-42
e-mail: mic@inbox.ru

Журнал издается по поручению Министра Культуры
и Национального Наследия Республики Польша
WYDAWCA:
Instytut Książki, 31-011 Kraków
DZIAŁ WYDAWNICTW:
al. Niepodległości 213, 02-086 Warszawa
tel/fax (22) 608 24 88
Тираж 4700 экз.

Переводчики: А. Базилевский, Л. Гвозд, Е. Гендель, Н. Горбаневская,
Н. Кузнецов, С. Политыко, Е. Шиманская
Фото: Agencja Gazeta (стр 44, 49, 52, 66, 68), Archiwum (стр. 8)

**Адам Даниэль
Ротфельд**

ПРОРУБИТЬ ОКНО

Сегодняшним властителям России хотелось бы сделать ее современной страной, но так, чтобы всё осталось по-старому

В русских деревнях испокон веков ставили дома из бревен. Затем в них прорубали оконные проемы. Отсюда — слова Пушкина о Петре I, который «в Европу прорубил окно». Начатый в XVII веке процесс, когда Россия открывалась Европе, возвращается, словно рефрен, на каждом новом повороте в развитии страны.

I

Сегодня заново ставятся вопросы: «Как выстраивать отношения между Россией и Европой? Какой существует выбор путей для развития России, а какой — для Европы?»

Ответов на них ищут политики и ученые. Тема эта находится в центре внимания теоретиков и практиков. За последний год я участвовал во многих встречах, посвященных этому вопросу: в Риме и Риге, в Москве и Брюсселе, в Берлине, Париже, Вене и других городах Европы.

Банальностью звучит утверждение, что диалог Европы с Россией нужен и полезен. Несколько менее банален вопрос о том, каким образом должны складываться взаимоотношения Евросоюза с Россией в будущем. По инициативе польско-российской Группы по трудным вопросам продолжается работа над совместным докладом; выводы и предложения будут представлены общественному мнению еще в период польского председательства в ЕС.

Отношения Евросоюза с Россией меньше зависят от дипломатов, а больше — от того, что на практике принесет программа модернизации России и как Евросоюз справится с кризисом.

II

У проектов модернизации и европеизации России — долгая история. Я имею в виду как реформы Александра II, так и деятельность правительств Сергея Витте или Петра Столыпина, о котором критики писали, что он реализовал реформы левого толка правыми методами. Столыпин был реакционером, жаждавшим России современной, но консервативной.

Отнюдь не случайно, что во времена СССР к нему обращались разнообразные реформаторы. С момента его гибели от руки террориста минуло сто лет. Но и сегодня взгляды Столыпина служат точкой отсчета для премьер-министра Путина, а возможно, и для президента Медведева. Ностальгию по столыпинским реформам можно объяснить тем, что властителям России хотелось бы сделать ее современной страной, но так, чтобы всё осталось по-старому.

Специалисты по России обычно полагали, что спор о направлении ее развития ведется между «западниками» и сторонниками собственного пути («Москва — третий Рим»). Однако в действительности картина значительно сложнее. Уже много лет самое сильное влияние на внутреннюю и иностранную политику России оказывают люди, о которых для краткости говорится «государственники»; это не столько те, кто настроен этатистски, сколько сторонники возвращения России ее позиции глобального игрока. Той роли великой державы, которую на вершине могущества играл Советский Союз.

Сила этой державы основывалась на сырьевых ресурсах и военном потенциале — ракетно-ядерных и обычных вооружениях, чему сопутствовало наличие огромной армии. Милитаризация СССР имела во времена конфронтации решающее значение. Однако после холодной войны, распада СССР и окончания эпохи биполярного мира дорогостоящие вооружения стали серьезным бременем.

Позицию держав в решающей степени определяют сегодня совсем иные факторы: общественный и интеллектуальный капитал, информатизация, инновационность, конкурентные преимущества, способность реагировать на потребности мирового рынка во времена ускоренных перемен.

Руководителям сегодняшней России можно было бы посвятить слова выдающегося русского мыслителя Петра Чаадаева, который в 1829 г. писал: «Скоро мы душой и телом будем вовлечены в мировой поток... и, наверное, нам нельзя будет оставаться в нашем одиночестве. Это ставит всю нашу судьбу в зависимость от судеб европейского сообщества. Поэтому чем больше мы будем стараться с ним слиться, тем лучше будет для нас»*.

Пророческие слова! Это мнение разделял Александр Пушкин, который в письме другу заметил: «Горе стране, находящейся вне европейской системы»**. На протяжении двухсот последних лет в России было много разумных людей, которые занимали сходную позицию.

Во введении к трилогии «Россия и Европа. 1462-1921» выдающийся русский историк Александр Янов спрашивает, по какой причине руководители сегодняшнего государства не понимают того, что для философа и поэта было очевидным 200 лет назад. Со временем, признаётся Янов, он нашел ответы на многие вопросы, но на этот вопрос ответа не нашел.

Надеюсь, что российские участники варшавской дискуссии, организованной фондом им. Бронислава Геремека, помогут нам понять, в чем состоят дилеммы сегодняшней России в установлении своей позиции в мире, особенно во взаимоотношениях с Евросоюзом.

III

Ключевое слово во всех дискуссиях российских экономистов, социологов, политологов и политических руководителей — модернизация. По поводу разнообразных ее проявлений написаны тома литературы — экономической и технологической, культурной, юридической и даже дипломатической. Однако для будущности государства решающей остается модернизация в сфере политического и государственного устройства.

Что это означает? Снова сошлюсь на Чаадаева, по мнению которого сущность политической модернизации России элементарна: следует обеспечить гарантии безопасности от произвола власти. Это требование не утратило актуальности.

Следует добавить, что подобные мысли Чаадаева, записанные по-французски в декабре 1829 г. и опубликованные по-русски в 1836 г. в журнале «Телескоп», привели к тому, что Николай I приказал уволить цензора, который разрешил эту публикацию, и закрыть издание. Философа объявили сумасшедшим, посадили под домашний арест и предписали находиться под наблюдением лекаря.

Отношение власти к тем, кто мыслит независимо, сохранилось и даже «обогатилось» разными формами репрессий, причем не только после свержения царизма большевиками, но и после десталинизации — напомним лишь о ссылке Андрея Сахарова и его жены в Горький (ныне снова Нижний Новгород), где они находились вплоть до решения Михаила Горбачева об их освобождении.

* Здесь автор приводит цитату Чаадаева, по-видимому, в том виде, в каком она приведена в книге ниже цитируемого «выдающегося русского историка» Александра Янова. У Чаадаева: «Эта связь, очень слабая в действительности, не скрепляет нас с Европой так тесно, как это воображают, и не заставляет нас всем нашим существом почувствовать совершающееся там великое движение, но она тем не менее ставит всю нашу будущую судьбу в зависимости от судеб европейского общества. Поэтому, чем больше мы будем стараться слиться с последним, тем лучше это будет для нас. До сих пор мы жили совершенно обособленно. То, чему мы научились у других, оставалось снаружи, служа простым украшением и не проникая нам в душу. Но в настоящее время силы господствующего общества настолько возросли, его влияние на остальную часть человеческого рода столь далеко распространилось, что скоро мы душой и телом будем вовлечены в мировой поток. Это не подлежит сомнению, и, наверное, нам нельзя будет долго оставаться в нашем одиночестве. Сделаем же всё, что можем, чтобы подготовить путь нашим потомкам» (выделен текст, использованный А. Яновым).

** Ничего близкого к этой фразе в письмах Пушкина к друзьям мы не обнаружили. Возможно, автор статьи использовал какой-то польский пересказ, выданный за перевод, или «цитату» из того же Янова. — *Пер.*

Традиция произвола власти торжествует и в наше время тоже. Достаточно упомянуть Михаила Ходорковского, уже бывшего главу компании ЮКОС, и его заместителя Платона Лебедева, которые много лет сидят в тюрьме, а также смерть Сергея Магнитского.

IV

Упрощением было бы, однако, утверждение, что в России ничего не изменилось. Некоторые из мучителей, палачей и убийц оказываются перед судами, хотя Фемида в таких случаях действует, в общем-то, неспешно.

Значительно отчетливее видны проявления свободы слова — особенно печатного. Государственное телевидение, прежде всего 1-й канал, находится под полным контролем. Можно даже заметить следующую зависимость: чем меньше круг получателей информации — тем больше свободы. Научные книги с их малыми тиражами не подвергаются цензуре.

Замечательным примером служит превосходная монография Никиты Петрова «По сценарию Сталина. Роль органов НКВД-МГБ в советизации стран Центральной и Восточной Европы. 1945-1953 гг.» (М., 2011). Она вышла в издательстве «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН) в серии «История сталинизма», выпускаемой под покровительством Уполномоченного президента РФ по правам человека, Государственного архива, Фонда Первого Президента России Б.Н.Ельцина, Института научной информации Российской Академии наук. Под этой серией ставит свою подпись также общество «Мемориал», имеющее большие заслуги в выявлении сталинских преступлений.

Я отмечаю эту монографию и список спонсоров не только ввиду достойной восхищения добросовестности и документационной ценности названной книги, но в первую очередь потому, что одна из ее глав посвящена роли НКВД-МГБ СССР в советизации Польши.

Петров приводит полные тексты неизвестных до сих пор телеграмм начальника Главного управления контрразведки (ГУКР СМЕРШ) Наркомата обороны генерала Виктора Абакумова главе НКВД Берии от 21 июля 1945 г. по поводу преступной операции в Августовских лесах, где — на основании решения Сталина как верховного главнокомандующего и самого Берии — привлеченный с этой целью батальон палачей убил 592 поляков.

Как пишет Петров, Главная военная прокуратура РФ занималась этим делом в 1994 г., но в ответ на вопросы польской стороны сухо ответила, что были «проверены государственные архивные учреждения Российской Федерации, однако каких-либо данных о принятых к задержанным мерах обнаружить не удалось». Ответ вполне согласовывался с философией КГБ: нет человека — нет и дела. Но, как писал автор «Мастера и Маргариты» Михаил Булгаков, «рукописи не горят»...

Таких честных и благородных людей, как Никита Петров, в России тысячи. Это благодаря им российское общество узнаёт правду о прошлом страны.

Есть и такие, у кого хватает мужества писать правду о сегодняшнем дне. В начале июля — по случаю одной конференции в Москве — я получил доклад независимой группы российских экспертов под названием «Путин. Коррупция», опубликованный под эгидой партии народной свободы (ПАРНАС). Я был ошеломлен. И сказал знакомому русскому, что у этого доклада почти наверняка очень ограниченный тираж. А тот посоветовал мне взглянуть на выходные данные — 440 тыс. экземпляров!

Что-то в России изменилось. Широкий доступ к нецензурируемой информации заслуживает признания. Тем более что описываемые факты касаются отнюдь не маргинальных дел.

Во введении авторы написали, что, если говорить об уровне коррупции, то, по данным «Transparency International», среди подвергнутых оценке 178 государств Россия оказалась на 154-м месте (а насквозь коррумпированный Египет — на 98-м). Мы читаем: «Коррупция в России перестала быть проблемой, а стала системой». И эта система детально описана: банки и предприятия («Газпром» и «Газпром-медиа», «Газпромбанк» и «Газфонд», «Транснефть» и т.д.), яхты и виллы, дворцы и коллекция самых дорогих наручных часов планеты.

Примеры? Высокий государственный чиновник носит на руке хронометр за 78 тыс. долларов. Тендер на ремонт и реконструкцию известной по заставкам «Мосфильма» скульптуры «Рабочий и колхозница» выиграла Батурина, жена бывшего мэра Москвы Лужкова, за 100 млн. долларов!

Авторы доклада отнюдь не анонимны. И подписывают этот документ собственными именами, среди которых Владимир Милов, бывший заместитель министра энергетики, и Борис Немцов, бывший вице-премьер. Их вывод таков: коррупция угрожает национальной безопасности: в 2010 г. трансферт капиталов из России составил свыше 38 млрд. долларов. Зависимость судов от исполнительной власти приводит к правовому беспределу, в государстве царит беззаконие. Ни о какой модернизации и инновационной экономике при африканской коррупции не может быть и речи, говорится в заключительном разделе доклада..

V

Никакое государство не обладает иммунитетом против раковой опухоли коррупции. Можно было бы предположить, что этот доклад не только описывает фактическое положение дел, но и выражает неудовлетворенность и разочарование его отстраненных от власти авторов. Существуют, однако, десятки других российских свидетельств, которые не оставляют сомнений, что поставленный диагноз отражает истинное состояние государства.

Государство, пишет Дмитрий Тренин в опубликованной недавно в Вашингтоне работе «Постимперия. Евро-Азиатское повествование», «слишком коррумпировано, чтобы вдохновлять национальное сознание». Евгений Примаков, бывший министр иностранных дел и глава правительства во времена Ельцина, описывает, как коррупционный рак подтачивает высшие эшелоны власти. «Неравенство, по-фарисейски скрываемое официальной пропагандой, было у нас всегда. Но такого авантюризма, до которого дошло в 90-е годы, наше государство не знало», — констатирует он в книге-интервью «Я много проскакал, но не оседлан. 30 часов с Евгением Примаковым» (его собеседники: — Марина Завада и Юрий Куликов; М., 2009). Можно принять, что Примаков не говорит всего, что знает, но он наверняка знает, что говорит...

Много лет назад кое-кто из русских, с которыми я разговаривал о реформах Бальцеровича и шоковой терапии, иронизировал, что шок будет наверняка, но без терапии. Они были неправы. Точный диагноз служит исходной точкой для отыскания оптимальной терапии. После крымской войны (1856) князь Александр Горчаков, которого русские не без оснований считают самым выдающимся дипломатом в своей истории, поделился с царем хорошим советом: «*Нужно сосредоточиться*» [по-русски в тексте]. Он сохраняет ценность до сего дня.

Решение о будущем России примут ее граждане. А вот то, как сложатся стратегические взаимоотношения между Евросоюзом и Россией, равно зависит от того, каким образом партнеры разрешат свои внутренние проблемы и насколько они готовы нести совместную ответственность при противостоянии новым вызовам. Есть смысл задуматься над тем, какие проблемы являются общими и в чем могло бы состоять предотвращение новых угроз. Они касаются не только экономического обмена и торговли, но и фундаментальных вопросов — энергетического и демографического кризиса, климатических изменений и отношений с теми державами, которые определяют сегодня новую среду глобальной безопасности.

Поиски евро-атлантического сообщества безопасности не подвешены в вакууме. Ключевое значение имеют процессы глобализации и сопровождающие ее тенденции фрагментации. И в государствах Евросоюза, и в России есть политики, которые желали бы возвращения к тому, что было. Прав Влодзимеж Цимошевич, когда предлагает Польше и всему Евросоюзу новую стратегию «бегства вперед» (Газета wyborcza. 10.08.2011). Схожие пожелания мышления в глобальном масштабе выдвигает Генри Киссинджер — в контексте новой роли КНР это могло бы принять форму «тихоокеанского сообщества».

Однако никакое сообщество — ни евро-атлантическое, ни тихоокеанское — не будет эффективным, если оно вздумает опираться на принадлежащую XIX веку идею «концерта великих держав» или же на концепцию «привилегированных зон интереса» либо всяческих своего рода «директорий». Краеугольным камнем таких сообществ должно быть соблюдение норм правового государства применительно к собственным гражданам, а во внешних отношениях — признание равноправия всех партнеров.

Концепцию взаимного устрашения и сдерживания должна заменить политическая философия открытости и взаимозависимости. Неуверенность и угрозы вытекают сегодня не столько из отсутствия чувства безопасности, сколько из дефицита доверия. Источники нестабильности и непредсказуемости не столько лежат в негодной, страдающей изъятиями архитектуре безопасности между государствами, сколько вытекают из кризисной ситуации внутри государств.

Устранение этой затхлой атмосферы недоверия и подозрительности требует, чтобы окна в мир были широко открыты.

Адам Даниэль Ротфельд — профессор Института междисциплинарных исследований Варшавского университета. Бывший министр иностранных дел в правительстве Марека Бельки. Сопредседатель польско-российской Группы по трудным вопросам; член комиссии «Евро-Атлантическая инициатива безопасности» (EASI) и Консультативного совета Генерального секретаря ООН по вопросам разоружения.

Адам Поморский

МАНДЕЛЬШТАМ СРЕДИ ПОЛЯКОВ

С предложением провести очередные — уже шестые — Мандельштамовские чтения в Варшаве в год 120-летия поэта обратилось к Польскому ПЕН-клубу Международное Мандельштамовское общество, правление которого работает в Москве. Общество проводит чтения в местах, связанных с биографией поэта, — на этот раз впервые за пределами бывшего Советского Союза. Выбор места не был, однако, лишь вопросом любезности или юбилея: с 30-х годов XX века личность и творчество Осипа Мандельштама приобрели в Польше символический ранг и окружены неослабным вниманием и уважением — с ходом времени всё более широкого круга читателей и почитателей его поэзии.

Вместе с Мандельштамовским обществом и Польским ПЕН-клубом в организации Мандельштамовских дней в Варшаве участвовали Институт им. Адама Мицкевича и Центр восточноевропейских исследований при Варшавском университете. Главными партнерами организаторов стали Институт книги и «Газета wyborcza».

Программа включала четырехдневную Мандельштамовскую научную конференцию, литературные вечера в Польском ПЕН-клубе на Замковой площади в день открытия конференции, а в день ее окончания — в редакции «Газеты wyborczej», крупнейшей польской ежедневной газеты.

Заседания конференции проходили на территории Варшавского университета, в бывшем дворце Потоцких-Тышкевичей, где размещается Центр восточноевропейских исследований. Участие в заседаниях, проходивших два раза в день, приняли 32 исследователя из восьми стран (Бельгия, Германия, Израиль, Нидерланды, Польша, Россия, Украина, Франция). В ходе заседаний слышался сильный «польский акцент»: история восприятия творчества Мандельштама и его место в польском «Музее воображения» (пользуясь известным оборотом Андре Мальро) действительно заслуживают внимания. Начиная с середины 1940-х, даже в самые худшие времена, росло число профессиональных переводов его стихов на польский, а с 1960-х — и прозы. Переводы публиковались в периодике и книгами, в том числе в сам- и тамиздате. Песни на стихи Мандельштама — начиная с Эвы Демарчик — были свидетельством популярности поэта за пределами узкого круга знатоков. После западной публикации воспоминаний Надежды Мандельштам по-польски, чтение которых вызвало потрясение, «святый Осип» стал героем стихотворений видных польских поэтов — посвященные ему стихи Артура Мендзыжецкого, Ярослава Марека Рымкевича, Виктора Ворошильского, Яцека

Березина, Яцека Качмарского прозвучали на обоих литературных вечерах в переводе Владимира Британишского, Игоря Булатовского и Натальи Горбаневской. В оригинале и переводах они напечатаны также (наряду с очерками о мандельштамовских *rolonisa*) в изданной к Мандельштамовским дням иллюстрированной брошюре, посвященной польским связям поэта.

К радости участников, заглянул на конференцию выздоравливающий после тяжелой болезни Ежи Помяновский, один из самых замечательных польских переводчиков Мандельштама (не говоря уже о его роли основателя и главного редактора «Новой Польши»).

Вечер в Польском ПЕН-клубе, посвященный самому видному польскому исследователю и издателю Мандельштама Рышарду Пшибыльскому, собрал около сотни гостей, в том числе немало молодежи, а также польских писателей и деятелей культуры. Вели вечер президент Польского ПЕН-клуба Адам Поморский и председатель Мандельштамовского общества Павел Нерлер, а открыла его замечательная поэтесса Юлия Хартвиг. В ее выступлении не только были принесены почести памяти и творчеству Мандельштама, но и рассмотрена история польского восприятия поэта. После выступлений участников конференции Владимира Микушевича, Юрия Фрейдина и Мариэтты Чудаковой, после того как Адам Поморский и Наталья Горбаневская прочитали избранные польские переводы стихов Мандельштама и посвященные ему стихи польских поэтов, вечер завершился показом почти часового документального фильма, снятого подпольно в 1982 году, во время военного положения, — запись подпольного спектакля познанского «Театра Восьмого дня», поставленного по мотивам текстов Осипа и Надежды Мандельштамов. Фильм произвел сильнейшее впечатление на русских участников чтений, о чем они говорили потом в гостини ПЕН-клуба, где разговоры шли до полуночи.

На круглый стол в «Газете wyborczej» после официального завершения конференции собралась аудитория в полтора человека, по большей части польская, но и варшавско-русская. Вечер украсило выступление Доминики Свёнтек, которая исполнила свои песни на стихи Мандельштама по-польски и по-русски, в том числе поразительную песню на слова стихотворения «Вооруженный зреньем узких ос...». Ведущими вечера, на котором выступили Наталья Горбаневская, Владимир Сергиенко, Роман Тименчик, Борис Фрезинский, Юрий Фрейдин и Мариэтта Чудакова, были Павел Гозлинский (зав. отделом культуры «Газеты wyborczej»), Павел Нерлер и Адам Поморский. Выступавшие подчеркивали хорошую организацию и атмосферу Мандельштамовских дней, плодотворный характер обмена информацией во время конференции, предлагали продолжить эту традицию и проводить новые совместные мероприятия.

Выразительно прозвучала просьба, как мы уже сказали, многочисленной польской части публики: вести разговор по-русски, не утруждаясь польским переводом.

Из зала взял слово директор Института им. Адама Мицкевича Павел Поторочин, который подчеркнул участие института не только в пропаганде польской культуры за рубежом, но и в международных культурных мероприятиях в самой Польше — к таковым и принадлежали Мандельштамовские дни. Вторым оратором из зала был проректор Варшавского университета профессор Влодзимеж Ленгауэр. Поздравив участников конференции с ее успешным завершением, он сообщил о решении ректора университета (ныне это решение уже утвердил университетский сенат) назвать одну из внутренних улиц в университетском комплексе на Краковском Предместье улицей Мандельштама.

Добавим, что именно проф. Ленгауэр указал организаторам Мандельштамовских дней одну существенную деталь, способную оказать помощь в поисках следов семьи Мандельштама в Варшаве. До сих пор известные данные обрывались за десять лет до рождения поэта адресом купца Менделя Мандельштама на знаменитой еврейской улице Налевки. Степень родства этих — наверняка — ветвей одной семьи пока не выяснена. Проф. Ленгауэр, удивленный этими затруднениями ученых, вспомнил, что несколько лет назад скончалась госпожа Шапиро, урожденная Мандельштам, представительница известной варшавской семьи еврейских деятелей и интеллигентов. Во время посещения еврейского кладбища на Окоповой улице участники конференции поклонились ее могиле.

Два готовящихся события символически и фактически станут увенчанием Мандельштамовских дней в Варшаве: уже близкое торжество наречения улицы Мандельштама в Варшавском университете и выход в издательстве РГГУ подготовленного Мандельштамовским обществом тома материалов конференции — с участием польских докладчиков.

Майя Пешкова

ДНИ ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА В ВАРШАВЕ

Заметки корреспондента радиостанции «Эхо Москвы»

Ранняя осень в польской столице, на родине поэта, напоминает акварель со вписанными, словно водяными красками, шпилями соборов, спокойно прогуливающимися по Краковскому предместью и Замковой площади горожанам — отнюдь не статистами истории. Фигуры стройные, словно из старого кинематографа, переносят нас на 120 лет назад, когда поэт появился на свет, а может, мне просто хотелось, чтобы это было именно так...

Шесть дней, с 18 по 23 сентября, длились Мандельштамовские дни в Варшаве — VI Мандельштамовские чтения. Забегая вперед, замечу словами одного из главных руководителей Мандельштамовских дней, его души, инициатора — президента Польского ПЕН-клуба Адама Поморского: вопреки опасениям, которые всегда есть у организаторов, конференция удалась. Удалось самое главное — настроение, атмосфера, на редкость приятная, товарищеская, равно как и открытие, совсем не официальное, несмотря на присутствие и участие весьма официальных лиц. Ведь речи произнесли вице-президент Варшавы, директор и замдиректора Института им. Адама Мицкевича, было зачитано приветственное письмо от ректора Варшавского университета. Да и сам дворец Тышкевичей-Потоцких с лепными медальонами, статуями в нишах и богатой люстрой, а также зал бывший бильярдной подчеркивали ранг научного собрания. Никто не засыпал, слушая содержательные доклады.

Адам Поморский рад, что удалось подключить польский сюжет, и вообще подключить международный сюжет в рамках региона. «И сегодня, — сказал Поморский, — это для нас важно, потому что мы чувствуем со стороны России неумение разговаривать с культурой региона. Подход России — узко национальный. Узко национальное в культуре вообще невозможно. Тем более русская культура, которая сама по себе не узко национальная, не должна вынуждать, например, польскую, чтобы она таковой стала».

«Осип Мандельштам — поэт европейского единства», с подзаголовком из стихов об Ариосто «одно широкое и братское лазорье», — таков был доклад поэта и переводчика Владимира Микушевича. Доклад Петра Мицнера слушали с особым вниманием — видимо, потому, что сказанное им о восприятии Мандельштама в Польше в период между войнами, вызвало интерес тем обстоятельством, что стихотворение «Polacy!», написанное после начала войны, стало первым стихотворением поэта, переведенным на польский.

О родственных связях Мандельштамов и Вербловских поведала с приведением генеалогических древ, копий метрических записей и иных семейных материалов Ирена Вербловская, петербургская внучатая племянница матери поэта (т.е. мать Мандельштама была родной сестрой бабушки И. Вербловской).

Разные смыслы автобиографичности в «Шуме времени» рассмотрела в своем обстоятельном докладе санкт-петербургская исследовательница Марина Сальман, а программист из уральского города Снежинска Владимир Литвинов рассказал о воссоединенном цифровом архиве поэта как источнике к изучению его биографии. Присутствие Мандельштама в киевской печати, поиски и находки в киевских газетах — тема доклада П. Побережкиной.

Вечер в Польском ПЕН-клубе при переполненном зале длился до полуночи. Надолго запомнится выступление 90-летней поэтессы Юлии Хартвиг, автора книги об Аполлинере, русский перевод которой вышел еще в 1971 году. Мариэтта Чудакова рассказала о тернистом пути к читателю синего мандельштамовского тома Большой серии Библиотеки поэта с предисловием Дымшица.

Участники вечера покупали книги поэта и о нем, радовались встрече друг с другом, пришло много молодежи — многие, наверное, думают, что поэтическое слово нынче не востребовано, а это далеко не так.

Если секционные доклады первого дня были объединены темой «От Варшавы до Владивостока: путь поэта. Новое о биографии Мандельштама», то секционные доклады второго дня вместили тему «Мандельштам и его поэтика». Отмечу доклад Юрия Фрейдина.

О загадке «дремучих срубов» — центральном образе стихотворения «Сохрани мою речь...» рассказала в своем докладе Ирина Сура́т, проанализировавшая множество предложений, исторических и литературных толкований образа. По мнению И. Сура́т, большинство исследователей склоняются к тому, что «дремучие срубы» означают место казни. Однако докладчица считает, что у Мандельштама это колодезно-родниковые или рудничные крепи, вызывавшие ассоциации с актуальными историческими смыслами образа, связь с практикой подвальных расстрелов, особенно часто практиковавшихся Советской властью в начале ее становления. Ярким примером здесь может быть протопоп Аввакум, сожженный в срубе. Жизнь Мандельштама у брата Шуры в Старосадском переулке, напротив Ивановского монастыря, напоминала еще об одном «дремучем срубе», куда поместили Салтычиху, прожившую в нем 11 лет, без окон, без дверей, куда еду ей подавали сверху вместе со свечным огарком.

Загадку последней строки и скрытого имени в стихах «Мастерица виноватых взоров...» пытался объяснить Леонид Витгоф, утверждая, что заключительная строка «Уходи, уйди, еще побудь» есть желание уберечь дорогое, трепетно-нежное создание — Марию Петровых, увлечение которой приходится на 1933-1934 гг., когда за плечами поэта уже написанные антисталинские стихи, — от той погибельной судьбы, которую уготовала эпоха автору антисталинских строк, а последний стих, по мнению Л. Витгофа — напоминание о прежней любви поэта к Ольге Гильдебрандт-Арбениной, адресату мандельштамовских стихов «Я наравне с другими хочу тебе служить...», «За то, что я руки твои не сумел удержать...» и др.

Явных точек пересечения Мандельштама и Ходасевича нет, считает Павел Успенский, хотя не столь давно Ирина Сура́т высказала предположение, что стихотворение Ходасевича «Ласточка» — поэтический отклик на мандельштамовское «Я слово позабыл, что я хотел сказать...», а о влиянии Ходасевича на Мандельштама известно значительно больше. В докладе рассмотрен один аспект — возможное влияние Ходасевича на Мандельштама, когда речь идет о поэтической технике.

«Тютчевский подтекст в «Сумерках свободы» (одно из авторских названий стихотворения), не только «смыслообразующий», но и принципиально значимый для Мандельштама, выявляющий у него разнородные подтексты», — цитирую Ирину Сура́т, ее сообщение на тему «Мандельштам и Тютчев», цель которого — разобраться со смыслами, поспорив, как сказала докладчица, с Генрихом Киришаумом (к слову, выступившим на конференции с докладом совсем на иную тему, а именно об отношении Мандельштама к Гейне).

Изучение темы «Мандельштам и Белинский» только начинается. Доклад об этом сделала Анна Еськова. С интересным комментарием к докладу А. Фэвр-Дюпегр «Мандельштамовский Дант: прообраз поэта-музыканта» выступил Владимир Микушевич, прочтя Данте на языке оригинала и в своем переводе (правда, прозой) и проиллюстрировав то, на что специалисты-дантологи, по его мнению, не обратили внимания, — на единый синхронистический акт, который впервые установил Мандельштам в отношении Данте.

По мнению Мариэтты Чудаковой, прокомментировавшей доклад об образе поэта-музыканта, замалчиваются слова Мандельштама о том, что поэзия до конца проявляется только в исполнительстве. Ни один филолог не нуждается в том, чтобы кто-то читал ему то или иное стихотворение, считает М. Чудакова. Более того, по ее мнению, большинству филологов чтецы враждебны. Мариэтта Омаровна напомнила, что они с А.П. Чудаковым воспринимали Пушкина только в исполнении Валентина Непомнящего, при том что им были чужды его интерпретации. Именно Мандельштам натолкнул их на мысль, что поэзия есть высшая форма цветения родной речи.

Два доклада на тему «Мандельштам и акмеизм» звучали рядом. Собрать всё, что Мандельштам говорил об акмеизме, что писали о Мандельштаме как об акмеисте, что писали об акмеизме с 1919-1921 гг. до наших дней — таким видит Олег Ликманов свои ближайшие задачи. Материалом для его анализа послужил выявленный пока 131 текст: корпус статей и фельетонов об акмеизме в столичной и провинциальной прессе.

Не буду цитировать все данные, приведенные Олегом Ликмановым, скажу только, что имя Мандельштама в 1912 г. упоминалось 6 раз, Ахматовой — 19, Гумилева — 28, Зенкевича — 25. Мандельштам единственный, у кого тогда еще не было книги.

Впрочем, Юрий Фрейлин напомнил, что не следует забывать статистику малых групп.

Минуло сто лет со дня знакомства и начала диалога между Ахматовой и Мандельштамом, а также полвека с тех пор, как переводчик Северин Полляк, встречавшийся с Ахматовой трижды, переводил ей с листа свою статью о ней и она пометила: «История одной литературной дружбы». Спустя полвека Ахматова рассказывала Бобышеву и Рейну о первой встрече на башне Вячеслава Иванова: как Мандельштам стоял, вцепившись в перила смотровой площадки, и у него побелели пальцы от усилий. Такой образ Мандельштама — бледного и цепкого, сочетание страха и мужества, о котором она писала в стихотворении «Воронеж», определило для нее главные доминанты образа Мандельштама: его чувствительность, разговор с пространством на его языке, в который входит и страх пространства — страх равнин, страх высоты. Первая встреча определила диалог, который кончается только со смертью его участников, а может быть, и не кончается — так сказал сам Роман Тименчик в своем докладе (полный текст доклада публикуется в это номере «Новой Польши»).

Не Мандельштам и Эренбург, а «Мандельштамы и Эренбурги» — с таким докладом выступил петербургский историк литературы Борис Фрезинский. Тема охватывает время с 1891 по 1967 год — год смерти Эренбурга. Именно Эренбург делал все возможное, чтобы вернуть имя погибшего в пересыльном лагере под Владивостоком Мандельштама в советскую литературу. И как член Комиссии по творческому наследию Илья Григорьевич сделал многое для издания его книг, писал о нем в своих мемуарах «Люди, годы, жизнь». Молодые киевские художницы, будущие жены Мандельштама и Эренбурга, хорошо знали друг друга, у них были приятельские отношения. Любовь Михайловна (жена Эренбурга) настояла на поездке Мандельштама в Крым.

В докладе Леонида Кациса «Мандельштам в «Вечерней Красной газете»: от еврейского театра до анонимных аннотаций» были предложены результаты сплошного чтения указанной газеты за период 1925-1928 гг. Это издание никогда в мандельштамистике специально не рассматривалось. Л. Кацис, проанализировав анонимные аннотации как на переведенные книги, так и на книги на иностранных языках и сопоставив их с переводом, показал, что автором перевода был Мандельштам; ему удалось провести целостный анализ всего корпуса анонимных аннотаций в «Вечерней Красной газете» и показать, что они с большой вероятностью являются текстами самого Мандельштама. Вторая тема выступления — анализ дискуссии о плагиате и переделках чужих сочинений, что связано с именем Е.Э. Мандельштама. Третья тема — сведения о гастролях различных еврейских театров и их соперничестве между собой (Габимы, Госета, Клары Юнг и т.д.). Плотнo переплетясь, эти темы образуют ткань творческой, издательской, общественно-политической деятельности Мандельштама, ускользнувшей от исследователей. Изучение материалов в «Вечерней Красной газете» важно при работе над «Трудами и днями» и для комментирования писем Осипа Эмилевича к Надежде Яковлевне.

Самый авторитетный текстолог мандельштамовских произведений Сергей Василенко рассказал о первой публикации стихотворения «Медлительнее спешный улей», напечатанного в №9 журнала «Апполон» за 1910 год и включенного поэтом в его первый сборник ««Камень», где первая строка звучит: «Медлительнее снежный улей». Так она выглядит в переизданиях «Камня» и в машинописном списке, хранящимся в отделе редких книг Принстонского университета.

Почему же тогда «спешный»? Что это — вариант или опечатка? Николай Иванович Харджиев, приводя текст по сборнику 1973 года, отметил, что существенные исправления отмечены в примечаниях. Сергей Василенко приводит ряд наблюдений, как работали над текстами автор и составители.

С результатами анализа своих стихов, скромно назвав их «Заметками из практики стихотворца», выступила поэтесса и переводчица Наталья Горбаневская. Павел Нерлер, много лет собирающий стихи, посвященные поэту, рассказал о них. Увековечению памяти Мандельштама в Воронеже был посвящен доклад Г. Умывакиной.

Завершились Мандельштамовские дни в Варшаве поистине триумфальным вечером в редакции «Газеты выборчей». И хотя назывался он «Мандельштам и его посмертное бытие», более жизнеутверждающего вечера я не припомню. Песни на стихи поэта исполнила Доминика Свѣнтек. Мать двоих детей, филолог, влюбленная в строки поэта, она сама же и сочинила музыку.

«Как жаль, что вас не было с нами», — повторю любимое заглавие аксеновского произведения, равно как и слова Кюхельбекера, о том, что мы живем воспоминаниями о воспоминаниях.

Роман Тименчик

АХМАТОВА И МАНДЕЛЬШТАМ

Что значит «литературная дружба»

В нынешнем году исполнилось сто лет со дня знакомства Ахматовой с Мандельштамом и тем самым со дня начала их диалога, о котором уже немало написано за последние 40 лет, начиная с работы «Русская семантическая поэтика как потенциальная культурная парадигма» пяти авторов — Ю.И. Левина, Д.М. Сегала, В.Н. Топорова, Т.В. Цивьян и пишущего эти строки. В связи с темами цитации и автоцитации у этих двух поэтов там говорилось:

«Исследование этих вопросов в последнее время могло открыть совершенно новые пласты в смысловой структуре поэтических произведений. Следует указать, что особенно значительны взаимные цитаты, переклички, ссылки, намеки Ахматовой из Мандельштама (а также Мандельштама из Ахматовой). В ряде случаев они аранжируются в виде диалога так, что у исследователя есть право говорить о некоем общем тексте, построенном как последовательный ряд двойных зеркал, через которые проводится тема. Существенно то, что в этой системе ска-

занное одним поэтом отражено как бы с переменной авторства в зеркале другого поэта. Так накапливается общий фонд тем, образов, словесных ходов, на основе которого велся многолетний поэтический разговор и вычленялись элементы текста, функционировавшие как пароль».

Пожалуй, печатно об этом диалоге впервые было сказано по-польски:

«А ведь именно в “Anno Domini” Ахматова в некоторых стихотворениях больше всего сближается по тональности с позднейшими — после «Камня» и даже “Tristia” — стихами Мандельштама, когда его личные переживания отождествились с великим опытом его эпохи».

И услышано это было Ахматовой, когда Северин Полляк переводил ей с листа свою статью о ней. После этого она пометила в блокноте: «Северин Полляк. История одной литературной дружбы. Ахматова и О. Мандельштам», имея в виду, как это часто бывало с ней, не только то, что уже написано, но еще будет написано польским переводчиком после бесед с ней...

О дне 14 марта 1911 года на Башне Вячеслава Иванова на Таврической, 25, столетие которого упомянуто выше, Ахматова спустя полвека рассказывала Евгению Рейну и Дмитрию Бобышеву (мемуары которого я цитирую):

«А ведь именно там Николай Степанович познакомил меня с Осипом Эмильевичем...

— А как это было?

— На балконе или скорее на смотровой площадке в уровень с крышей. На нее можно было пройти через лестницу, что Осип и сделал. Он стоял, вцепившись в перила так, что косточки пальцев его побелели.

— А вы?

— А мы с Николаем Степановичем гордились своей спортивностью и вскарабкались туда из окна».

Здесь есть неточность в записи или самого рассказа, может быть, не неточность, а обычный прием устного рассказа — «сгущение», ибо 14 марта 1911 г., когда документированно произошло знакомство Ахматовой и Мандельштама, Гумилев был еще в Африке. Но важно образование «зерна» образа Мандельштама у Ахматовой: страх и мужество, бледность до костей и цепкость, — строки «дежурят страх и муза в свой черед», приписанные впоследствии к 13 строкам стихотворения о Воронеже, варьируют даже паронимически эту пару страха и мужества.

А «зерно» образа Ахматовой у Мандельштама, вероятно, связано с тем ее сочинением, которое он услышал (да и увидел записанным в ночь с 14 марта на 15-е, «в половине второго», когда по слову тут же сочиненного мандельштамовского экспромта «пииты» «по алфавиту» шли «к ответу», и М следовало за Г, Мандельштам, через Владимира Княжнина-Ивойлова, за Гумилевой):

*Я живу, как кукушка в часах,
Не завидую птицам в лесах.
Заведут — и кукую.
Знаешь, долю такую
Лишь врагу
Пожелать я могу.*

Это стихотворение, отобранное для записи в альбом присутствовавшего там же летописца Федора Фидлера, видимо, имело успех, и найденное в бумагах Ахматовой представляющее на первый взгляд отброшенным вариантом продолжение — «Беспокоен мой тесный приют, И колеса стучат, и иголки снуют», то есть описание внутренностей часового устройства, — это, возможно, не предварительные, забракованные черновые варианты, а попытка закрепления успеха, попытка «развития образа», как называли это в Цехе поэтов. Этим образом был парадоксальный взгляд из интерьера часового футляра, изнутри, из нутра со штифтами поворотного валика и кронштейном для кукушки. «Поэтическая находка» сезона 1911 г. — «я — кукушка в часах» — заметим, видимо, характерна для всякой «молодежной» поэтики, и полвека спустя Ахматова ворчала про стихи Новеллы Матвеевой «Я зайчик солнечный, снующий по занавескам в тишине» — мол, разве Пушкин написал бы про себя «Я зайчик»? Эта находка могла совместиться с вердиктом, вынесенным хозяином Башни, то ли в ту же ночь, то ли в следующие весной 1911 года посещения Башни. Как припоминала его Ахматова: «сказал, что я говорю недосказанное Анненским, возвращаю те драгоценности, которые он унес с собой. (Это не дословно)». И рассказывала: Вяч. Иванов «предложил ей место по правую руку от себя, то, на котором прежде сидел Анненский, потом объявил всем “Вот новый поэт, открывающий нам то, что осталось нераскрытым в тайниках души Анненского”». Одним из загадочно-навязчивых символов у Иннокентия Анненского был именно часовой механизм, «стальная цикада». По образцу заводного устройства Анненский строил и образ поэта: «Я заводжусь на тридцать лет, чтоб жить, мучительно дробя...» и т.д. (сонет «Человек»). Мандельштаму эта «часовая» метафорика была не чужда — вспомним сновидческое стихотворение 1910 года «Когда удар с ударами встречается», где фигурирует часовой механизм с маятником, стрелками, остриями, с его острием, *pointe* в финале, изображающем острие же — «и прямо в сердце просится / Стрела, описывая круг». Кстати, из весьма вероятных источников Мандельштама уместно указать на последнее стихотворение Андре Шенье, прерванное его казнью, которое пересказывал Анненский в книге «Театр Еврипида»: «Может быть, ранее, чем час, совершив свою круговую прогулку, начнет бодрой и звонкой стопой отбивать по блестящей эмали новые шестьдесят минут, гробовой сон смежит мои веки...». «В истории поэзии, — писал Анненский, — я не знаю другого случая, где бы красота так ярко торжествовала над жизнью и смертью: тени Орфеев и Арионов носились перед Шенье». Может быть, и гумилевские образы:

*Маятник старательный и грубый,
Времени непризнанный жених,
Заговорщицам-секундам рубит
Головы хорошенькие их,*

— восходят к тому же литературному впечатлению. Так это или не так, но существенно, что в диалоге Ахматовой и Мандельштама часто, если не всегда, присутствует этот третий голос, как бы иллюстрируя слова из письма Мандельштама к Ахматовой: «Знайте, что я обладаю способностью вести воображаемую беседу только с двумя людьми — с Николаем Степановичем и с Вами. Беседа с Колей не прерывалась и никогда не прервется».

Стихотворение «Когда удар с ударами встречается...» в свою очередь, весьма вероятно, стало предметом для полемики в ахматовском «Слаб голос мой...»: «Ушла к другим бессонница-сиделка, / Я не томлюсь над серою золой, / И башенных часов кривая стрелка / Смертельной мне не кажется стрелой» (вариант: иглой). Впрочем, и то и другое, возможно, отголоски стихотворения Теофила Готье «Часы».

Это первое литературное впечатление Мандельштама от дебютирующей поэтессы оставило в его «образе Ахматовой» два следа:

1) отношение к ней как к ученице, продолжательнице (однажды — вульгаризаторше) Анненского. Это вызывало «Анненские» отсылки (или квази-анненские, сдвинутые по смежности, как эсхилосская Кассандра вместо еврипидовских пророчиц, обычный для Мандельштама сдвиг) при касании к теме Ахматовой. Оба они имели мимолетное и боковое отношение к Анненскому. Мандельштам: «мальчиком он был у Анненского. Тот принял его очень дружелюбно и внимательно и посоветовал заняться переводами, чтобы получить навыки. ...К Анненскому он прикатил на велосипеде и считал это мальчишеством и хамством» (Н.Я. Мандельштам), а Ахматова говорила, что «одной из лучших драгоценностей Ани Горенко» был весьма ограниченный комплимент, «когда Анненскому сказали, что брат его невестки женится на старшей Горенко, он ответил: “Я бы женился на младшей”». И это, если угодно, минутное, но знакомство, а не только общее для обоих отношение к Анненскому как великому поэту, объясняет, почему «заветные заметки», домашние, «семейные», отсылающие к стихам Учителя, пронизывают весь корпус диалога Ахматовой и Мандельштама, например до известной степени демонстративное название «Тринадцать строк» (как у Анненского), первоначально данное стихотворению «Воронеж», навеянному посещением ссыльного Мандельштама. Анненский был для них той звездой среди миров, через которую они передавали друг другу привет, как говорится в одном стихотворении Ахматовой; обычай же этот, как мы знаем, был не чужд самому Анненскому;

2) второй след этого первоначального литературного знакомства со стихотворения о плененной птице (вскоре Ахматова напишет о другом своем двойнике — какаду), не завидующей (понятно, что завидующей — мы знаем эти законы поэтической негации) птицам в лесах — «птичий след». Потом у Мандельштама в разговоре об Ахматовой возникнут ласточка, касатка-Кассандра (здесь эсхилосский подтекст — в майковском переводе «Агамемнона» Клитемнестра говорит о Кассандре: «Ну ежели как ласточка она, на языке лепечет неизвестном»), плотоядная чайка, хищные птицы с их посвистом. Сюда же, к этим орнитологическим «гнездам», которые применительно к универсуму Ахматовой памятны по давним классификациям Виктора Виноградова, можно отнести и мандельштамовский комплимент: «У меня от Ваших стихов иногда впечатление полета». И по законам уже известного нам их взаимообмена метафорами — по свидетельству Георгия Адамовича, «Ахматова говорила, после одного из собраний “Цеха”: “сидит человек десять-двенадцать, читают стихи, то хорошие, то заурядные, внимание рассеивается, слушаешь по обязанности, и вдруг какой-то лебедь взлетает над всеми — читает Осип Эмильевич!”».

Еще до того, как идея диалога двух поэтов (и отсюда — форсированного сближения их по разным линиям) стала захватывать филологические и читательские массы, было сделано показательное замечание: «Из всех акмеистов Мандельштам и Ахматова наименее сходны, и все же “Скудный луч холодной мерою” напоминает лирику Ахматовой» (Ирина Бушман. Поэтическое искусство Мандельштама. 1964). Стихотворение это — 1911 года. «Скудный луч холодной мерою / Сеет свет в сыром лесу. / Я печаль, как птицу серую, / В сердце медленно несу. / Что мне делать с птицей раненой?» И т.д. Главный из совпадающих мотивов — раненая птица (у Ахматовой спустя три года появится знаменитое «Углем наметил на левом боку место, куда стрелять»; понятной отсылки к подстреленной птице Тютчева мы здесь не коснемся, напомним только, что мандельштамовские обращения к Ахматовой 1917-1918 годов прошиты тютчевскими реминисценциями). Это, конечно, пример «читательской рецепции», хотя мы имеем дело с литературоведом по образованию, выпускницей Ленинградского филфака, однокурсницей Юрия Лотмана. Но мы и в случае интересующего нас сегодня диалога (напомним: диалога как взаимопонимания и взаимонепонимания) рассматриваем два отдельных случая микрорецепции: образ Ахматовой у Мандельштама и наоборот. У Мандельштама был свой «образ Ахматовой», и, исходя из чистоты и цельности этого образа, он браковал какие-то частицы ахматовского текста, для

нее вовсе не второстепенные и отнюдь не необязательные. Так, структура стихотворения «Господь немилостив к жнецам и садам» (1915) строится на важном для Ахматовой соотношении, со-противопоставлении «деревенского» и «столичного» текстов (подражание, конечно, устройству пушкинской лирики), в данном случае (как и в нескольких других) «слепневского» и «царскосельского», когда автор, подобно Пушкину, который в одном наброске Ахматовой «видит большой свет за болдинским дождем», сквозь «водяную сетку» видит «притихший парк» и «китайскую беседку», т.н. скрипучую беседку Фельтена в Екатерининском парке Царского села. Но Мандельштам, который, как известно из воспоминаний Ахматовой, «люто ненавидел так называемый царскосельский сюсюк Голлербаха и Рождественского», не хотел видеть его и у «упрямой подружки». Он рассказывал Сергею Рудакову в Воронеже: «Я говорил Гумилеву: поменьше Бога в стихах трогай (то же у Ахматовой: “Господь”, а потом китайская садовая беседка)».

Мандельштам конструировал свой «образ Ахматовой» так же, как и многие читатели «Анны Ахматовой», близко, шапочно или никак знакомые с Анной Андреевной Гумилевой, урожденной Горенко. Иные читатели даже полемизировали с Мандельштамом, как поэт Дмитрий Коковцев:

«Я не совсем согласен с ее лирическим портретом, который сделан О. Мандельштамом. (“Зловещий голос — горький хмель — души расковыривает недра. Как <sic!> негодующая Федра стояла некогда Рашель”). Поза Рашели мало характерна для автора “Четок” и “Белой стаи”. Иногда голос Ахматовой хочет быть пророческим и властным. Иногда ему, действительно, удаются спокойно-зловещие ноты (“Не подумай, что в бреду, иль замучена тоскою, громко кличу я беду: ремесло мое такое”). Все это у нее очень серьезно и убедительно. Но очарование ее лирики не здесь. Мы любим другой ее голос, слегка придушенный, изнемогающий...».

Каковы были диалогические реплики самой Ахматовой на упомянутый мадригал? Диалог поэтов, смею полагать, строится так же, как вообще диалог: пароль-отзыв, вопрос-ответ, выпад-контрвыпад, фраза-фраза, фраза-молчание, фраза-жест, фраза-поступок. Чтение Ахматовой Расина в Слепневе летом 1915 года было таким поступком, частью диалога с Мандельштамом. Это чтение явственно отразилось в ее стихотворении «А это снова ты!», что было замечено К. Чуковским: «Мне показалось, что Ахматова изменила себе, что эти парижские интонации и жесты она, в своем тверском уединении, могла бы предоставить другим».

Ахматова не продолжала стилизацию в этом направлении, да и у Мандельштама впоследствии образ Ахматовой был перенесен из расиновского регистра в зону русского романа XIX века с его огромной сложностью и психологическим богатством: Толстого, Тургенева, Достоевского «и отчасти Лескова» — последнее наблюдение особенно остро, оно впоследствии было задекларировано и литературоведом Павлом Грозовым.

Полемическим жестом в этом диалоге, возможно, был образ с явственно ошутимым (вспомним отклики Пастернака и Цветаевой) полемическим нажимом — образ Лотовой жены, превращенной в столб соли. Словесная тема «столпа» могла возникнуть как ответный «Ахматовой укол» на остроту давнего друга (бывшего ранее с ней в отношениях чуть ли не романтических), обнародованную в августе 1923 года: «Но символисты по крайней мере были аскеты, подвижники. Они стояли на колодах. Ахматова же стоит на паркетине — это уже паркетное столпничество». Как вспоминала Н.Я. Мандельштам, после этого едкий критик «опасался встречи» с Ахматовой. Когда они пришли к ней в конце 1923 г., та «спросила Мандельштама про стихи и сказала: “Читайте вы первый — я люблю ваши стихи больше, чем вы мои”. Вот они — “ахматовские уколы”: чуть-чуть кольнуть, чтобы все стало на место. Это был единственный намек на статьи Мандельштама». Впоследствии Ахматова вспоминала мандельштамовский выпад «благодарно улыбаясь», как записывала Л.Я. Гинзбург: «В двадцатых годах Осип был очень радикально настроен. Он тогда написал про меня: “столпничество на паркетке”», в 1960-е она объясняла: «Его высказывания в начале 1920-х годов против А.А. (“столпница на паркетке”) соответствовали кратковременному настроению — боязни устареть. Это он не включил в свою книгу».

Одним из способов побороть обиду и было обернуть «столпницу» — «соляным столпом».

Следует сделать важную оговорку: принцип «Двух голосов переключка. Двух? а еще...», постоянный в поэтике Ахматовой, работает и в случае отголоска на голос Мандельштама (и это относится не только

к уже названному Гумилеву). Если мы и подчеркиваем эту линию — «Ахматова — Мандельштам и vice versa», то надо помнить, что она всегда входит в пучок отношений. И в данном случае «соляной столп» — это еще и полемический ответ на упреки в «застылости», «окаменелости» всего ахматовского универсума. И ответ на одно предсказание Ф. Сологуба, и отсылка к статье Н. Недоброво и т.д. и т.д.

Еще более важная оговорка: кто мы такие, чтобы пытаться реконструировать этот диалог! Он был, надо полагать, для стороннего уха столь же малопроницаем, как и их реальный неметафорический разговор, о котором вспоминал человек как-никак того же поколения и того же пласта, Николай Пунин:

«Остроумный, но без всякой остроты, находчивый, даже дерзкий, но с какой-то деликатной осторожностью, Мандельштам бросал вызов собеседнику и сам же его ловил, но уже с другого конца, как будто во время разговора он перебежал с места на место. <...> мне часто приходилось присутствовать при разговорах Мандельштама с Ахматовой; это было блестящее собеседование, вызывавшее во мне восхищение и зависть: они могли говорить часами; может быть, даже не говорили ничего замечательного, но это была подлинно-поэтическая игра в таких напряжениях, которые мне были совершенно недоступны».

Тем не менее читательское восприятие неизбежно и неостановимо будет искать взаимные уколы, выпады, репутации и, конечно, высказывания в унисон.

И у Ахматовой был свой образ Мандельштама — она тоже хотела бы цензурировать его корпус. Она сказала П.Н. Лукницкому о стихотворении «Морожено!»: «Терпеть не могу! У Осипа есть несколько таких невозможных стихотворений». Она назвала, например, «Зверинец», но прежде всего это касалось отражения ее собственного образа в стихах Мандельштама. Возьму наименее убедительный, слабо доказуемый пример — из «Еще далёко мне», из тех стихов, что после ухода друга Ахматова больше всего ценила — «средние», как она их называла (свидетельство Э. Герштейн):

*Я, как щенок, кидаюсь к телефону
На каждый истерический звонок:
В нем слышно польское: «Дзенькуе, пани»,
Иногородний ласковый упрек
Иль неисполненное обещанье*

— здесь черты польской фонетики, сопутствующие телефонному разговору, дзвяканье звонка, шум шипящих, этакая полоника, должны были напомнить обращенное к ней стихотворение «Твое чудесное произношение» — Ахматова объясняла читателю в 1960-е годы о берлинском издании «Tristia»: «...вместо “Во” должно быть “Цо”, но так набрали в Берлине. Ему казалось, что я так по-польски произношу» (о строках «“Что” — голова отяжелела. “Цо” — это я тебя зову! И далеко прошелестело: Я тоже на земле живу»). А междугородный «истерический звонок» — это одна из примет их взаимно-обидчивой дружбы конца 1920-х.

Это то, что по нашему предположению могло быть — вычитывание (или вчитывание — как будет угодно) собственного присутствия в стихе Мандельштама, но вот то, что несомненно было: Ахматова, работая над расширением одной строфы «Поэмы без героя», записывает в блокноте: «Сейчас пришло в голову, что мандельштамовское Что знает женщина одна о смертном часе (вар<иант>) идет от моего: Не смертного ль часа жду».

Анализ «рецепционного текста» — то есть стихотворения, пере-конструированного в восприятии читателя, текста с воображаемыми кавычками, с воображаемыми отсылочными курсивами и даже с воображаемыми астерисками сносок, — должен быть подобен по процедуре обычному анализу стихотворения, когда мы устанавливаем опущенные звенья смысловых переходов. В данном случае у нас есть счастливая возможность увидеть с графической наглядностью само место и время зарождения читательской мысли, читательской атрибуции. То, что «сейчас пришло в голову» владелице записной книжки, пришло в момент, когда она переписывала строки «А какой-то еще с тимпаном Козлоногоу приволок» — двумя строками, четырьмя миллиметрами выше цитированной записи. Козлоногоя — одна из балетных ролей и концертных номеров Ольги Судейкиной. Ахматовское стихотворение конца 1912 года «Все мы бражники», описывающее «Бродячую Собаку», завершалось *pointe*: «А та,

что сейчас танцует, / Непременно будет в аду», — и осведомленная в делах подвала современница писала: «По всей вероятности, это относилось к Глебовой-Судейкиной». Ахматова могла (не могла не) вспомнить другие свои строки об Ольге — «непременно будет в аду», а им предшествовали строки «О как сердце мое тоскует, / Не смертного ль часа жду». И вот в строчке черновика стихотворения «Соломинка» 1916 года «Что знает женщина одна о смертном часе» она увидела реплику на свою строку 1912 года «не смертного ль часа жду», и в стихотворении-портрете Саломеи Андрониковой в восприятии Ахматовой рядом с титульной героиней появилась другая «европейка нежная», такая же высокая и тонкая, подобно тому как Тэффи любила их, «высоких и тонких», усаживать рядом на диване. То есть здесь Ахматова обнаружила то, что она называла «заветными заметками» в стихах Мандельштама, когда писала в 1957 году: «Я над ними склонюсь, как над чашей, в них заветных заметок не счесть». В других случаях генезис вчитывания-вычитывания не предъявлен нам так прямо, и мы должны гипотетически восстанавливать эти опущенные звенья. Напомню известное свидетельство Н.Я. Мандельштам: «...Сохрани мою речь... не посвящалось никому. О.М. мне сказал, что только Ахматова могла бы найти последнее не хватавшее ему слово — речь шла об эпитете “совестный” к дегтю труда. Я рассказала об этом А.А. — “он о вас думал” (это его буквальные слова) потому-то и потому-то... Тогда А.А. заявила, что, значит, он к ней обращается и поставила над стихотворением три “А”». Но понятно, что это только последний аргумент, который искала Ахматова для атрибуции обращения («сохранение речи» она уже раньше подхватила в стих. 1942 г. «Мужество»), другими же «заветными заметками» в «Сохрани мою речь...» могли быть:

1) поставленные рядом слова «смола» и «круг» в стихе «за смолу кругового терпенья», которые выделяют друг в друге дантовские обертоны, а эту смысловую связь Мандельштам наметил еще в экспромте-портрете 1913 года «Ужели и гитане гибкой все муки Данта суждены», что могло быть мадригальным откликом на ахматовское стихотворение 1912 года «Умирая, томлюсь, о бессмертье»: «Пусть хоть голые красные черти, Пусть хоть чан зловонной смолы!...»;

2) и помимо новгородских колодцев, которые могут целить в попавшую в стихи Ахматовой ее новгородскую генеалогию: «ведь капля новгородской крови во мне как льдинка в пенном вине», — это еще упомянутый у Ахматовой рядом с этой каплей не растопивший ее «великий зной», татарская составляющая ее генеалогии, которая могла породить образ татарвы, топящей русских князей. Ахматовой было естественно и привычно высматривать в мандельштамовских стихах отголоски, подхватывающие свои мотивы, как в обращенном к ней «Что поют часы-кузнечик» (еще раз напомним, открывающегося прямо отсылкой к «стальной цикаде» Анненского) мотивы красного и черного шелка в огне печки цепляющегося за строку «лицо бледней от лилового шелка» из ахматовского автопортрета «Дама в лиловом», так же, где под ногами героини не плот, а квадратики паркета — источник мандельштамовского шаржа «столпники паркетины».

Диалог этот продолжен был Ахматовой в стихах на протяжении более чем четверти века после смерти друга, в память его обращенных к ней стихотворений, где он «подключался» к ахматовским мотивам, вроде «И в декабре семнадцатого года всё потеряли мы, любя» в стихотворении «Кассандра», подпевающем ахматовскому «Думали: нищие мы, нету у нас ничего, а как стали одно за другим терять...», или вроде ряда ласточка-дочка-челнок и «ласточка, ласточка, как мне больно, верно я птицей ему показалась» — слова умирающего царевича в «У самого моря».

И Ахматова подключается к поэтической системе Мандельштама, и это не только посвященное ему стихотворение «Я над ними склонюсь как над чашей...», это и несколько других попыток подключения, например, в элегии о 1910-х годах: «И вот я, лунатически ступая, / Вступила в жизнь и испугала жизнь: / Она передо мною стлалась лугом, / Где некогда гуляла Прозерпина». Не станем здесь описывать значимость этого имени (названного и неназванного) для раннего Мандельштама — об этом давно есть специальная статья (Donald Gillis. The Persephone Myth in Mandelstam's Tristia), об этом вдохновенно писал и Рышард Пшибыльский.

Как сказано выше, эти поэты поставили свои поэтические свершения друг против друга как два зеркала, бесконечно производящие взаимоотражения. В зависимости от местоположения забредшего между зеркал соглядатая они могут резко преумножиться, но могут и исчезнуть. Возможно, что для последующих читательских поколений звук этого диалога сойдет на нет, заменившись иными диалогами.

Ивона Смолька

РЫШАРД ПШИБЫЛЬСКИЙ, СОЗДАТЕЛЬ ПОЛЬСКОЙ УЛИЦЫ МАНДЕЛЬШТАМА

Рышард Пшибыльский не любил современную ему эпоху и, видимо, продолжает ее не любить. Он достаточно много знает о прожорливой истории, чтобы иметь в отношении ее какие-то иллюзии. В детстве, будучи на Волыни, во времена оккупации и резни, мальчик, сидя в конюшне, изучал историю. В найденном на чердаке усадебного дома четвертом томе Собрания сочинений Мауриция Мохнацкого он обнаружил статью «О характере московского захвата». Так он набирался знаний, изучая литературные произведения, в то время как вокруг бушевала практика войны: приходилось скрываться, бежать, терять родной дом.

Несколько лет спустя новым важным опытом после опыта войны и знания о том, как проявляется дикая ненависть, станет для него изучение латинского и греческого языков в гданьской гимназии, постижение античной философии и выбор для себя того мыслителя, который в значительной мере повлияет на его отношение к миру и понимание действительности — и это будет Демокрит.

Когда, годы спустя, он откроет для себя поэзию Осипа Мандельштама, его эссе и статьи, он отыщет в его творчестве то, что ему будет особенно близко.

Шел 1957 год. Анджей Дравич вместе со Студенческим театром сатириков оказался во Франции. Они поехали на сбор винограда. Но это стало для них также сбором книг. Дравич переслал в Польшу огромную пачку книг на русском языке, изданных на Западе. Среди них и сборники поэзии Мандельштама — тех его стихов, которые не вошли в сборник поэта, изданный в Советском Союзе в 1928 году.

Пшибыльский выбирает несколько книг, среди них стихи Мандельштама. Он начинает читать вечером; на рассвете, когда заканчивает чтение, он уже знает, что встретил одного из величайших поэтов, наряду с его любимыми Элиотом и Полем Валери, которые совершенно изменили мировую поэзию. С этих пор он будет стремиться к тому, чтобы найти доступ к полному наследию Мандельштама.

Рышард Пшибыльский ценит ум, мысль, которая неподвластна иллюзиям, мечтам. Он не терпит легковёрности, глупости, варварства.

В предисловии к изданной в 1966 году книге «Et in Arcadia ego. Эссе о мечтаньях поэтов») он пишет: «Есть школы и литературные течения — их изобилие мы можем наблюдать именно в нашем столетии, — которые стремятся резко порвать с традицией. Этот вид сознательного и целенаправленного варварства иногда давал определенные результаты, хотя следует признать со всей беспристрастностью, что случалось это очень редко».

Традиция для него, как и для Мандельштама, — это существование произведения «не на сегодня, не на завтра, а навсегда», и это означает необходимость взаимопроникновения наследия средиземноморской культуры и современности. То же касается веры в «связь времен» и уверенности в существовании неразрывной связи с миром мысли и искусства минувших поколений.

Как важнейшая вещь в искусстве Пшибыльского интересует новая мифотворческая активность, которую, как он писал в предисловии к «Мифическому пространству наших чувств», «порождает горячее кипение жизни. Наши современные тревоги и заботы, наша замороченность и неуверенность. Свои и общие дела, возникающие денно и нощно, среди которых мы постоянно теряемся, поэты переносят в мифическое пространство, чтобы мы могли распознать их в ярких лучах черного солнца мудрости наших предков». Он убежден, что только в этом мифическом пространстве чувства «обретают свою полную меру и свою красоту».

Профессор Рышард Пшибыльский — историк литературы, эссеист, переводчик и исследователь текстов Осипа Мандельштама, а также книг Надежды Мандельштам; работая над своей диссертацией о Достоевском, он познакомился с женой поэта в 1959 году.

Северин Полляк рекомендовал его переводчику польской литературы, который был дружен с Ахматовой. Это был Марк Семенович Живов. Рышард Пшибыльский знакомится с Анной Ахматовой. Сегодня он уже не помнит, удалось ли ему тогда купить в Москве цветы, но хорошо помнит, что очень долго их искал.

Ахматова и ее знаменитая шаль, ее рассказы о Мандельштаме — так начиналось первое его очарование, пока, наконец, в Москву не приехала сама Надежда Яковлевна — скрытно, потому что всё еще действовал запрет на ее пребывание в Москве и Ленинграде.

Для будущего исследователя творчества великого поэта эта встреча стала переломным моментом.

Сегодня он еще раз повторяет, что в его формировании сыграли роль три личности: Анна Ахматова, Надежда Мандельштам и великий польский художник и православный мыслитель Ежи Новосельский. Пшибыльский убежден, что знакомство с обеими женщинами, великими женщинами, было в его жизни событием фундаментальным.

Риску даже утверждать, что дружба именно с этой необыкновенной женщиной, с Надеждой Яковлевной, не только повлияла на его мысли о жизни и культуре, но и оказала влияние на его исследовательский метод, который он избрал, читая стихи Осипа Мандельштама.

Надежда Мандельштам связывает отдельные стихи с событиями из жизни своего мужа. Каждую запомнившуюся ей деталь из повседневных событий она связывает со строчками тех или иных произведений поэта. Рышард Пшибыльский ищет идею. Анализ текста должен помочь ему воссоздать ход мысли поэта.

В «Разговоре о Данте» Осип Мандельштам высказывает мнение, что в процессе чтения текста самое важное — следить за ходом поэтической мысли. Он был убежден, что готовое произведение, которое остается после творческого порыва, называемое им (как это определяла Надежда Мандельштам в эссе «Моцарт и Сальери») «буквенницей», может воскресить к новой жизни читатель. «В поэзии, — писал он, — важно только исполняющее понимание — отнюдь не пассивное, не воспроизводящее и не пересказывающее».

Рышард Пшибыльский в своем первом эссе, посвященном Мандельштаму, которое он назвал «1919. Отъезд на острова блаженных» (это мастерское истолкование стихотворения О. Мандельштама «На каменных отрогах Пиэрии»), идет за текстом поэта, давая ему объяснение в тесной связи с европейской традицией; он не рассказывает о стихотворении, а старается проникнуть в его связь с другими стихами Мандельштама, с жизнью самого поэта, а также с творениями других поэтов, с мифами и истолкованиями этих мифов, открывающих «блаженные острова».

В примечаниях мы находим такую пометку:

«Надежда Яковлевна была так добра, что сообщила мне много чрезвычайно важных сведений о жизни и творчестве поэта. Они помогли мне лучше понять идиллию».

Другая пометка звучит так:

«Поэт датировал стихотворение 1919 годом. По свидетельству Надежды Мандельштам, местом его написания был Киев. Несмотря на пылающий вокруг мир, стихотворение было написано в атмосфере покоя, которая возникает, когда есть настоящая любовь. Не исключено, что встреча с г-жой Хазиной, будущей женой поэта, открывавшая новую эпоху в его жизни, оказала влияние на возникновение нежного отношения к старой легенде о счастье».

Знаменательно, что эта информация, указывающая на любовь как творческий импульс к созданию стихотворения, никак не отражена в тексте эссе. Автор «Мифического пространства наших чувств», стремясь верно следовать тексту стихотворения, ищет в нем «внутреннюю тему», ибо, как писал Осип Мандельштам, стихотворение живет еще до его воплощения на бумаге, живет — своим внутренним образом, который слышит слух поэта. Остается только записать.

Пшибыльский, как и Мандельштам, убежден, что традицию мы не можем и не имеем права отрицать. Ибо она есть сокровищница человеческой мудрости. Поэтому так близко ему стихотворение, воскрешающее и обновляющее миф об Островах блаженных.

Далее следует описание истории этого мифа — начиная с Гесиода, Пиндара, Платона и Горация — как своеобразной разновидности легенды о золотом веке. Это — путешествие, в которое вслед за Мандельштамом приглашает нас с собой исследователь текста. Это — путешествие в мифическую страну, которая живет в современном сознании. Два основных отличительных свойства этого топоса, воспроизводимого на протяжении веков: постоянство и переменчивость, то есть Греция Гесиода и Греция Гомера, — это постоянная отправная точка в поэтическом воображении Мандельштама, и с той же силой, как представляется, они уводят за собой воображение Пшибыльского. Он уверен, что этот топос не поддается внезапной модификации, что идиллия, которая становится «песней о тоске по безвозвратно утраченному совершенству мира», как никакая другая вписывается в современную историю.

Анализируя функционирование этого мифа в искусстве разных эпох и, как он считает, фальсификацию его романтиками и символистами, которые последовали за александрийской традицией, Пшибыльский приходит к выводу, что только Осип Мандельштам, строго следуя творениям Гесиода, представил правду античности.

Любопытно, что в 1963 году, то есть за три года до выхода книги «Et in Arcadia ego», в которой было помещено эссе о стихотворении «На каменных отрогах Пиэрии», автор получил письмо от Надежды Мандельштам, в котором она писала:

«Знал ли О.М. Гесиода и Сафо? Чуть-чуть нюхал, а не знал. Но, верно, что-то текло в крови — вся поэтическая традиция, всегда необходимая и всегда обновляющаяся в новых руках... Вернее, губах...»

Анализ стихотворения, сделанный Рышардом Пшибыльским, не оставляет сомнений в том, что Греция, которую увидел поэт, представлена такою у Гесиода, и исследователь, невзирая на суждение Надежды Мандельштам, не отступает от своего мнения. Он пишет:

«В идиллии Мандельштама, таким образом, не будет панорамы идеальной красоты, нереального совершенства и “образных иллюзий”. Впервые за сотни лет Феокрит окажется предан в пользу простой Сафо и труженика Гесиода».

Сафо появляется в истолковании Пшибыльского, когда он находит совпадение двух стихов у Мандельштама: «Бежит весна топтать луга Эллады. / Обула Сафо пестрый сапожок», — и у Сафо: «...а ноги / пестрый ей ремень покрывал, / лидийской чудной работы».

Этот «пестрый сапожок», который отыщет в хаосе веков исследователь литературы, значит гораздо больше, чем просто продемонстрировать свою эрудицию. Интуиция того, кто стремится идти вслед за мыслью и воображением поэта, сделает для него возможным именно такое чтение, которое, по мнению Мандельштама, является «одновременно исполняющим пониманием».

Помещая идиллию Мандельштама в обширный контекст культуры, обращаясь в процессе интерпретации к различным литературным теориям, к переменчивости топоса о блаженных островах с его положением в русской литературной традиции, к переосмыслению в произведениях художников, давая нам знание о пейзаже Греции, каким видят его различные исследователи, в том первом своем эссе о Мандельштаме Пшибыльский отказывается от одного соблазна, а именно: выйти за рамки читаемого текста.

Исследователям случается испытывать соблазн дополнить прочтение стихотворения знанием дальнейшей судьбы его автора, который — когда создает конкретное произведение — еще не знает ничего о своем будущем.

Пшибыльский, следуя тексту, а вернее, многим текстам, которые вписываются в исследуемое им произведение, а также в другие стихотворения Мандельштама, в стихотворные произведения греческой и римской литературы, в произведения классиков и современных исследователей мифов, избегает биографичности. А ведь он сам, читатель и аналитик, постоянно присутствует в эссе через свои суждения, предлагаемые цитаты, через свое знание истории и ее механизмов. Неслучайно эссе, где он вспоминает, в какие жестокие времена описывал свои Острова блаженных Гораций в XVI оде (написанной, когда после резни под Филиппами участились политические убийства, когда люди погибали от рук наемных убийц, когда воцарились голод и «кровавый мир»), заканчивается очень характерным для Пшибыльского образом:

«Пребывание Мандельштама на островах блаженных, лежащих в океане поэтических снов, продолжалось недолго. Поэт вернулся на пылавшую землю (...) В мире лились водка и кровь, свирепствовали голод и огонь. Поэтому нет ничего более человеческого, чем эта идиллия, чем мечты о блаженных островах, на которых кроме извечных идиллических радостей — лугов, источников и мёда — появляется вдруг обычный, свежий хлеб».

Биография поэта понадобится Пшибыльскому в следующих эссе, посвященных автору «Tristia». Здесь ему было достаточно сравнения с эпохой Горация и необычного завершения, в котором он переносит аркадские луга на пылавшую землю 1919 года.

В первой половине 1960-х Рышард Пшибыльский работал над текстами Мандельштама. Его приезды в Москву стали чаще и продолжительней; совместная работа с Надеждой Яковлевной — сначала на квартире Василисы Шкловской, а позднее уже в собственной квартире вдовы поэта — увенчалась его новыми трудами.

В 1971 году в Польше впервые вышел сборник стихотворений Осипа Мандельштама. Составителем сборника и автором предисловия к нему был Рышард Пшибыльский.

С настойчивыми предложениями об издании этой книги Пшибыльский обращался в ПИВ (польский Госиздат) в течение двух лет. И раз за разом получал отказ. Казалось, что эта его затея останется неосуществленной. Но неожиданно редактор Ласонь, от которой зависело издание книг, переводившихся с русского языка, объявила, что они издадут Мандельштама, «только это надо сделать очень быстро». Обрадованный и вместе с тем заинтригованный таким решением, Пшибыльский начал расспрашивать своих знакомых женщин-редакторов, что такого случилось, что он вдруг получил согласие. И узнал, что г-жа Ласонь тяжело больна раком и, как она сама сказала, уже ничем не рискует.

Эта короткая история, рассказанная мне профессором Пшибыльским, как нельзя лучше соотносится своей трогательностью с историей восприятия Мандельштама.

В замечательном предисловии к этому избранному Рышард Пшибыльский писал:

«Драма Мандельштама — это фигура нашей судьбы. Возможно, это наиболее знаменательный поэтический опыт XX века. У Мандельштама, как и у Моцарта, нет могилы. Он навеки остается в памяти человечества».

Поначалу я хотел, чтобы настоящий сборник отражал эту драму».

Сборник стихов, однако, построен иначе, чем первоначально задумывалось, так как оказалось, что перевод Мандельштама — «занятие невероятно трудное».

«Поэтому нет ничего удивительного в том, — пишет Рышард Пшибыльский, — что даже маститые поэты отказались от попыток перевести отдельные стихотворения. Вместо планировавшейся конструкции возник сборник произведений, которые удалось-таки перевести».

Когда Пшибыльский писал книгу о Мандельштаме «Благодарный гость Бога», он, и это характерно, цитировал поэта в оригинале, по-русски, а в примечаниях, в конце книги, предлагал свой филологический перевод или же готовый перевод, если таковой существовал.

На мой вопрос, зачем он так усложняет задачу польскому читателю, который не всегда может прочесть цитируемое стихотворение, он отвечал, что любой перевод есть истолкование, а он предлагает как раз свое истолкование произведения.

Истолкования Пшибыльского указывают на еще одну, пожалуй, самую принципиальную трудность, с которой сталкивается переводчик. Об этом он писал в предисловии к сборнику стихов:

«Главная черта поэзии Осипа Мандельштама — принцип преобразования поэтических инструментов. Термином “поэтические инструменты” великий лирик обозначал все смысловые и звуковые возможности, содержащиеся в словесном материале, который дает поэту родной язык. Принцип преобразования проистекает из закона ассоциаций. Человек, живущий в определенной культуре, постоянно вынужден прибегать к ассоциациям. (...) Создание поэзии — это непрерывная и произвольная цепь сочетаний, которая благодаря звуковой или смысловой ассоциации вызывает к жизни целый ряд образов».

Работа исследователя текстов основана, следовательно, на воспроизведении также звуковых ассоциаций, культурных ассоциаций, но прежде всего на таком погружении в культуру, чтобы традиция стала движущей силой воображения.

Для того чтобы показать, как этот «принцип преобразования» поэтической материи выглядит на практике, Пшибыльский предлагает в предисловии, на пяти страницах, истолкование стихотворения «Поговорим о Риме», написанного в 1913 году.

Много лет спустя обстоятельное, невероятно глубокое истолкование этого стихотворения легло в основу эссе, написанного по-русски, а позже, еще раз, по-польски: «Рим, или Мечта о всеединстве». Эссе появилось сначала в посвященном русистике ежемесячном журнале, выходящем в Гааге, а затем вошло в книгу «Благодарный гость Бога», изданную в Париже в 1980 году.

Рим в поэзии Мандельштама, как это показывает Пшибыльский, противопоставляется Элладе.

Город, в который стремится поэт, — это «Эллада, лишенная милости». Идея всеединства, воспринятая от Владимира Соловьева, определяет русское путешествие в Рим. Другим мыслителем, который покровительствует возникновению цикла римских стихов, становится Чаадаев. И, как пишет Пшибыльский:

«Чаадаевское путешествие в Рим становится для Мандельштама символом паломничества к надгосударственному сакральному Центру, в котором история не есть механическое истечение времени, но в котором собственную внутреннюю свободу не надо нести на жертвенный алтарь в угоду некоему сообществу либо ведомству».

Интерпретируя очередные стихотворения из римского цикла, обращая особое внимание на топос купола базилики св. Петра и топос луны над Форум Романум — образ, известный со времен элегий Овидия, веками существующий в мировой поэзии вплоть до Тютчева, — автор напоминает нам, откуда доносится до нас голос поэта. Он доносится до нас из Центра, он идет к нам от космической оси мира. Это то место, которому принадлежит поэт. Великий среди великих сего мира, ибо «тот, кто находится в Риме и происходит из Рима, находится в мире и принадлежит миру».

В следующей главе книги «Благодарный гость Бога», получившей название «Эллинизм как система», автор анализирует и раскрывает три элемента эллинизма, принятые Мандельштамом, а именно: слово, имя, символ. Можно сказать, что для Пшибыльского, ученика Демокрита, чрезвычайно важным было открытие в поэзии Мандельштама материального мира вещей, осязаемой, поддающейся контролю разума действительности. Если в эпоху эллинизма средством Бытия стал человек, не его сознание, а его личность, мыслящее тело, то также и слово становится знаком, свидетельством феномена.

Пшибыльский, анализируя понимание Мандельштамом символа, который объединяет людей, одновременно показывает полемику акмеистов с символистами. Он пишет:

«Мандельштам не хотел познавать вещей в себе, не стремился к умопостижению тайн ноуменов. Он знал, что человек окружен символами, в которых сокрыт весь исторический опыт людей. Ведь символ — это совладелец времени через всех его попутчиков, соискателей и сооткрывателей. Читая символ, раскрываешь самую невероятную тайну, тайну материального мира. Символическая форма не была для Мандельштама знаком трансцендентной субстанции, она была для него функцией культурного опыта людей».

Любое исследование автора «Мифического пространства наших чувств» вводит читателя в широко понимаемый мир культуры. Так например, задумываясь над тем, как поэт понимал слово, он представляет нам полемику акмеистов с футуристами и с их концепцией заузного языка.

Другие главы «Благодарного гостя Бога» знакомят нас с образами идей, содержащихся в стихотворениях поэта, как представляет их себе Пшибыльский, — мандельштамовским пониманием времени (здесь находит свое место знаменитый анализ концепции, возникшей под влиянием бергсоновской философии, концепции веера времени), вечности и вечности вне времени, или вечности Бога.

К проблеме религиозности Мандельштама, к его мистицизму Пшибыльский возвращается многократно, чтобы перейти от описания религиозного восприятия мира, которое отразилось уже в самом восхищении существованием конкретных вещей, простейших предметов, к размышлениям над радостью приятия этого мира — двorca Бога. И тогда мы можем прочесть такое вот утверждение: «Мандельштам считал, что символ — это оружие людей, которые составили заговор против Небытия. Символы объединяют живых и мертвых в единую общность, которую апостол Павел называл Церковью, а мы — культурой».

Пшибыльский анализирует труды Мандельштама, не оставляя без внимания очерков поэта, которые в его переводе и с его примечаниями были опубликованы в Польше в 1972 году книгой «Слово и культура». Особенно существенную роль играют очерки Мандельштама при анализе его отношения к музыке и архитектуре. Здесь в полной мере проявился, по мнению Пшибыльского, эллинизм автора, который не рассматривал мысль и дело как антиномию. И далее читаем:

«Для Мандельштама архитектурный характер имело даже само существование человека, форма его бытия, его *graxis*. Просто оказалось, что “мыслящее тело” есть строение. Ничего удивительного, ведь создал его Величайший Архитектор».

Последняя глава книги «Благодарный гость Бога», которая носит название «Феноменология текста», представляет собой великолепный анализ нескольких воронежских стихотворений, буквально ошеломляющий богатством содержания и глубиной сопереживания.

Именно сопереживанию научился молодой исследователь проклятых вопросов Достоевского, вращавшийся в кругу людей, близких к Ахматовой и Надежде Яковлевне. К Надежде Яковлевне в шестидесятые годы приходили люди, выпущенные из лагерей, — и их надо было выслушать и понять. Надежда Яковлевна говорила, что она, как и ее муж, не любила сострадания. Важным для них было сопереживание.

Рышард Пшибыльский, анализируя стихотворения, написанные поэтом в конце жизни, ссылается на свидетельства его жены. Они раскрывают отдельные фрагменты повседневной действительности и тогдашних событий, которые повлияли, как, например, похороны военных летчиков, жертв катастрофы, на написание стихотворения «Не мучнистой бабочкою белой...».

И лишь один раз точный во всем исследователь текстов и фактов позволяет себе сделать предположение. Вот этот фрагмент, очень знаменательный и для меня потрясающий:

«Сын Божий был исключительно благодарным гостем в обители своего Отца, хотя и был обречен на муку и преждевременную, если говорить о человеческих мерках, смерть. Подражать Христу — значит подражать его благодарности. Не хотел бы говорить слишком много, но мне кажется, что в последние четыре года своей жизни Мандельштам понимал написание стихов как подражание Христовой прижизненной жертве. Написание каждого стихотворения было очередной станцией на его крестном пути. И очередным свидетельством того, что несмотря на беспощадность и дикую жестокость палачей, несмотря на глупость и хамство толпы он до конца оставался благодарным гостем Бога».

Заглавие книги получило объяснение. Мы знаем, кем для Рышарда Пшибыльского был Осип Мандельштам. Остается еще один аспект, и зовется он Улицей Мандельштама, улицей, а вернее глубокой ямой, или иначе — улицей Мандельштама, который подобно тому, как Элиот, как Валери, как Данте, как Гораций, принадлежит миру, а значит, и нашей, польской культуре. И вот в эссе возникает поворот к нашей истории. Рышард Пшибыльский прямо обращается к читателю:

«Когда ты идешь улицами Варшавы, ты спускаешься к мертвым, потому что каждый в этой толпе несет в себе тяжкий груз времени предков. Эта уличная толпа и есть наша вечность, то есть могила великого поэта Осипа Мандельштама. Прах, который он одолжил у материи, мучившиеся рядом с ним свалили в глубокую братскую яму в лагере под Владивостоком. А его время, превратившись в свет, не могло быть погребено, и теперь этот свет льется над варшавской толпой, падает на широкие форумы полей и колоннады лесов, зажигает ночью лампу у изголовья польских студентов, которым предстоит пройти хоть и короткий, но очень тяжелый путь: *per aspera ad astra*».

И уже не вызывает удивления, что в конце книги среди близких и дорогих ему людей, в квартире Варвары Шкловской, оказывается сам поэт, к личности которого обращается на протяжении многих страниц своего эссе автор исследования его текстов, переводчик его литературных очерков, замечательный писатель — Рышард Пшибыльский.

Петр Мицнер

ПУТЬ МАНДЕЛЬШТАМА В ПОЛЬШУ

Первый этап (1925-1947)

Это был один из лучших в Польше знатоков поэзии. Проницательный, начитанный, независимый, иногда убийственно злоязычный. Речь идет о Кароле Викторе Заводзинском (1890-1949) — критике, legionере, поклоннике женщин и любителе лошадей. В 1930-е годы ему случалось писать обзоры польской поэзии в «Рочник литерацкй» («Литературный ежегодник»), раньше он писал в «Пшеглэнд варшавский» («Варшавское обозрение»), где обозревал и русскую пореволюционную поэзию. Писал он так, словно сам лично знал Хлебникова, Маяковского и особенно Ахматову.

В интервью, которое Заводзинский дал в 1935 г. Адаму Галису, он вспоминал, как учился в Петербургском университете — накануне Первой Мировой войны:

«Я вышел из кругов русских формалистов и постсимволистской поэзии, акмеизма. Моими товарищами по университету были Жирмунский во всё время ученья, а в более короткие периоды — Гумилев, Мандельштам и Шкловский; товарищество близкое, так как аудитория, точнее отделение факультета, насчитывала около 15 слушателей. Может быть, это объяснит вам фундамент моего отношения к предметам критической оценки».

Галису это, наверное, «объяснило», но большинству читающей публики названные имена двух поэтов и двух теоретиков литературы еще мало что говорили.

Архив Заводзинского сохранился, а в нем — дневник, очень ценный, хоть вел он записи нерегулярно. В него входят и записи университетских времен. Там мало следов общения с русскими писателями, с русской литературой. Если Заводзинский писал о стихах, то о польских — оценивал их, переоценивал. Может быть, они должны были защищать его от искушения русификации? Для польской поэзии это были не лучшие годы.

Заметки в дневнике об итальянской и французской поэзии (он учился на романском отделении) весьма любопытны. Кроме литературы автора дневника занимает еще эротика и собственные сны. В феврале 1914 г. он писал: «Сны мои во время жара беспрерывно патриотические. Какие-то полонезы, речи, восстания». Снам предстояло исполниться вскоре: в августе того же года он вступил в 1-ю кадровую компанию Пилсудского.

И тут стоит вспомнить об одном политическом стихотворении Осипа Мандельштама — стихотворении против легионов, написанном сразу после начала войны и озаглавленном по-польски: «Polacy!» Я уже писал (Новая Польша. 2007. №1), что именно по этой причине стихотворение стало первым текстом Мандельштама, переведенным на польский язык; более того, это был вообще первый перевод Мандельштама на Западе. Переводчик, Генрик Варденский, был по профессии полицейским, а стихотворение (без одной строфы) поместил у себя в книге, говоря о польско-русских отношениях во время войны.

Несколько слов о первом польском переводчике Мандельштама. Генрик Варденский родился в 1878 году. Учился на юридическом факультете Казанского университета. В 1915 г. в Варшаве вступил в Гражданскую охрану, а в 1917-м был одним из инициаторов создания первого полицейского училища. В свободной Польше он в 1918 г. стал сначала президентом (начальником) Варшавской коммунальной полиции, а через год — комендантом Варшавской воеводской государственной полиции. В 1922-1929 гг. возглавлял Катовицкое училище полиции. Позже вышел на пенсию в чине генерала и с 1934 по 1951 г. руководил частной нотариальной конторой в Пётркове-Трибунальском. Точной даты его смерти мы не знаем. Кроме воспоминаний, вышедших в 1925 г., он напечатал еще два тома рассказов.

В поэзии Мандельштама Польша, кстати, появляется не только в стихотворении «Polacy!», но еще и в двух других, написанных в конце 1914 года. Что тут было импульсом — общее положение или, быть может, воспоминание о товарище по университетскому семинару, который попался на удочку Габсбургов?

Как шел дальше путь Мандельштама в Польшу?

Для порядка воспользуемся датами. Перевод Варденского появился в 1925 году, интервью с Заводзинским — в 1935-м. За это время важным местом, где Мандельштама читали и говорили о нем, стали редакции газет «За Свободу!» и «Молва» и квартира их редактора Дмитрия Философова, тесно связанного с варшавской интеллектуальной элитой. Юзеф Чапский, друживший с Философовым, несколько раз вспоминал одну и ту же запомнившуюся ему сцену. Полнее всего он записал ее в «Дневниках» в 1965 г., когда у него в руках оказалось стихотворение Мандельштама «На страшной высоте блуждающий огонь...». Чапский приводит последнюю строфу:

*Прозрачная весна над черною Невой
Сломалась, воск бессмертья тает,
О если ты, звезда — Петрополь, город твой,
Твой брат, Петрополь, умирает.*

Стихотворение вызвало воспоминания:

«Сколько-то там лет тому назад читал мне это Димка на Сенной в Варшаве. Вижу его в его крохотной комнате, на старом потертом диване, под свисающей с потолка лампочкой (1923 год?), после целого дня тяжелой работы в редакции. И это стихотворение перед ним на столе. Оно дошло тогда к нему из России нелегальным путем. Вижу еще его подавляемое волнение, суровые, голубые, почти белые глаза, и слушаю это стихотворение с четырехкратным рефреном: “Твой брат, Петрополь, умирает”».*

В эмиграции в Польше оказался также поэт Соломон Барт, который лично знал Мандельштама и каким-то образом участвовал в издании первого «Альманаха стихов» (1915), где были напечатаны стихи их обоих. В Варшаве Барт оставался несколько на обочине литературной жизни, как русской, так и польской, но встречался, например, с Ежи Камилем Вейнтраубом.

Есть еще один след, который стоит отметить. В остатках варшавского архива Философова сохранилось письмо 1926 года от Михаила Хороманского, будущего польского прозаика, а тогда еще начинающего русского поэта. К письму приложены стихи, на полях снабженные критическими замечаниями редактора. Нас, однако, в настоящий момент интересует не это, а тот факт, что Хороманский пишет о современных русских поэтах, цитируя Мандельштама, и (со смирением или/и гордыней дебютанта) добавляет: «Но мне кажется, и пусть простят мне это, что я не совсем принадлежу к ним». Этот, на первый взгляд, ничтожный след важен постольку, поскольку Хороманский вращался тогда в кругу выдающихся творцов (Виткацкий, Кароль Шимановский, который *pota bene* посоветовал ему связаться с Философовым) и там тоже мог говорить о Мандельштаме. Может быть, стоит заглянуть в позднейшую прозу Хороманского и проверить, не найдем ли мы там каких-то мандельштамовских реминисценций.

В 1927 году в «Пшеглёнде вспулчесном» («Современном обозрении») вышла статья Сергиуша (Сергея) Кулаковского, тогда уже постепенно полонизировавшегося русского эмигранта. Это попытка взглянуть на русскую поэзию XX века. Говоря об акмеистах, он обращает внимание на то, что «Анна Ахматова и Осип Мандельштам внимательно изучают русских классиков, Пушкина и Боратынского, что не остается без влияния на их творчество». И далее о Мандельштаме:

* Примечание Р.Д. Тименчика, любезно сообщенное автору доклада:

Но все же эпизод с «На страшной высоте...» остается изложенным неточно. Ведь речь идет о публикации в варшавской газете «За Свободу!» 23 октября 1921 без подписи автора. О чем, как я уже говорил и писал, рассказано в заметке: Тименчик Р. Из комментариев к мандельштамовским текстам // Пятые тыняновские чтения. Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига, 1990. С.130.

«...свободный от экзотизма [это явно укол по адресу Гумилева. — П.М.], чувствительный только к красоте Эллады и России, он упорно оттачивает стих, достигая исключительной скупости в сфере поэтической техники:

*Да обретут мои уста
Первоначальную немоту,
Как кристаллическую ноту,
Что от рождения чиста».*

Мы не знаем точно, в каком году сошлись пути Философова и Влодзимежа Слободника, автора первого литературного перевода Мандельштама на польский. В 1935 г. он читал свои переводы из Пушкина: «Моцарт и Сальери» и «Домик в Коломне» в клубе, который так и назывался, основанном редактором «За Свободу!» и его польскими друзьями. Одно стихотворение Мандельштама («Старик») Слободник перевел еще в 1931 году (Квадрига. 1931. №103, январь-июнь). Людвик Б. Гженевский (похоже, что со слов самого Слободника) пишет, что внимание польского поэта обратил на Мандельштама Лев Гомолицкий и что по его совету Слободник пошел в варшавский книжный магазин Серебрянникова «Rossica» (Хмельная, 5), где купил «Tristia».

В 1933 г. имя Мандельштама дважды прозвучало в статьях Теодора Парницкого (будущего выдающегося прозаика), который провел детство и юность в России и в Харбине (русский был его первым языком), хорошо знал русскую литературу и читал о ней лекции в разных городах Польши. Его взгляды, нередко спорные, не раз вызвали полемику. В первой, довольно короткой статье «неоклассик Мандельштам» выступает всего лишь как один из «менее значительных» акмеистов. Однако уже в обширном эссе, напечатанном в «Пшеглэнде повшехном» («Всеобщем обозрении») Парницкий пишет о поэте шире:

«Встречаясь с поэзией акмеистов вообще, а Осипа [в польском тексте — Юзефа] Мандельштама в частности, и образованный читатель, и критик мог убедиться, сколь ложным было мнение о Вячеславе Иванове как классике и в основе, и по побуждениям исключительно внешним и несущественным. Только теперь стало ясно, что не тема из античной мифологии или древней истории, но всё творческое отношение поэта к миру и искусству дает принадлежность к классичности или, можно сказать, к неоклассицизму. Именно в произведениях Мандельштама, особенно четко в «Tristia», выступает этот акмеистический неоклассицизм: тема часто мифологическая или историческая, но нередко и совершенно современная — однако гармония между всеми элементами формы и содержания, стих в совершенстве развитый, полный и в то же время умеренный, спокойный, с точки зрения ритмики и рифмы безупречно последовательный; прибавим к этому теоретические рассуждения автора об искусстве, от каких не отказался бы ни один член Французской Академии времен Людовиков, — вот критерии, которые превращают акмеизм Мандельштама в настоящий неоклассицизм, то есть неизменный предромантический классицизм, однако увиденный глазами человека XX столетия. К сожалению, сам Мандельштам не сумел сохранить это идеальное равновесие между элементами произведения искусства: в последних его произведениях всё ярче стал выступать тревожный факт: оскудение содержания, которое у других менее значительных акмеистов и близкого к ним, хотя и не принадлежащего к их числу, поэта Кузмина переродилось в бесплодие».

У нас нет оснований догадываться, какие «последние произведения» поэта имел в виду Парницкий, тем более трудно полемизировать с ним по этому вопросу. Однако нет сомнения, что мы имеем дело с внимательным читателем не только поэзии, но и прозы Мандельштама.

Еще один мандельштамовский след ведет к поэтессе Зузанне Гинчанке, родившейся в Киеве в 1917 г., отец которой, Шимон Гинзбург, вроде бы дружил с автором «Камня». Так, во всяком случае, утверждает в своих воспоминаниях о ней Юзеф Лободовский. А вдобавок в статье, написанной на рубеже 1934 и 1935 гг., где речь идет о переводах из русской поэзии, Лободовский жаловался, что переводчики не проявляют интереса к творчеству Мандельштама (которого он назвал в числе полутора десятков русских поэтов) и остаются в кругу хорошо знакомого: Ахматова, Блок, Есенин, Маяковский, Пастернак.

И вот вскоре после статьи Лободовского, хотя не обязательно в ее результате, в 1935 г. наконец выходят новые переводы Слободника. Нельзя, разумеется, исключить, что они возникли под влиянием Философова, так как напечатаны они как раз во время существования «Домика в Коломне». Вот их перечень:

Декабрист (Камена. 1935. №2);

«Сестры — тяжесть и нежность...» (Камена. 1935. №4);

«Вот дароносица...» и *«На перламутровый челнок...»* (Околица поэтов. 1935. №3);

«Что поют часы-кузнечик...» (Камена. 1935. №6).

В свой сборник «Стихотворения. 1922-1935» Слободник наряду со своими стихами включил переводы из Мандельштама: «Декабрист», «Природа — тот же Рим...», «Вот дароносица...», «Старик» и «Черепаша». Тогда же свой первый перевод из Мандельштама («Золотистого меда струя из бутылки текла...») печатает Северин Полляк (Курьер виленский. 1936. №35). В том же году и в том же «Курьере виленском» вышло его эссе «Перспективы», посвященное творчеству Велимира Хлебникова, снабженное эпиграфами из Давида Бурлюка, Вячеслава Иванова, Виктора Шкловского, передовой статьи журнала «ЛЕФ» и из Мандельштама: «Хлебников прорыл в земле ходы для будущего на целое столетие...»*

В октябрьском номере «Камены» (1936/1937. №2) напечатана статья Юрия Иваска «Провинциальные заметки», где цитируется стихотворение Мандельштама «Зачем петух, глашатай новой жизни...».

В следующем, 1937 году вышел сборник Слободника «Вечернее беспокойство», где он перепечатал перевод стихотворения «Сестры — тяжесть и нежность...».

В 1938-м печатают свои переводы Казимеж Анджей Яворский («Я не слышал рассказов Оссиана...» // Камена. 1938. №7) и Северин Полляк («Возьми на радость из моих ладоней...» // Пион. 1938. №47).

Характеристику поэзии Мандельштама польский читатель мог найти в очень важной книге Сергиуша Кулаковского «Пятьдесят лет русской литературы. 1884-1934», законченной осенью 1937 года, а вышедшей изданием автора в 1939-м, перед самой войной. Я привожу выдержки из нее, так как книга Кулаковского на несколько десятилетий стала главным путеводителем по русской литературе XX века, и да станет ему это удовлетворением за нападки, которым он подвергался от Заводзинского.

«Варшавянин родом, который выработал свой стиль на впечатлениях от архитектурной монументальности Петербурга, от суровой и скупой возвышенности образов античного мира и трагической истории нашей эпохи. Le bloc résistant Готье был у Мандельштама равнозначен образу камня, который, как прекрасно сказал Тютчев, "с горы скатившись (...) лег в долине", обретя тем самым дар речи. Тетрадь своих лирических стихотворений "Камень" (1913) Мандельштам расширил и издал книгой под тем же заглавием в 1916 году.

Мандельштам не признаёт эмоциональности. Он долго носит в душе слово, которое неожиданно падает из его уст, образцово отшлифованное и не требующее никаких изменений. В поэзии, по мнению Мандельштама, должна царить суровая архитектоника. Дар поэта — груз, а творчество — ответственность перед самим собой. Это основа классичности Мандельштама. Свои взгляды на поэтическое творчество он сформулировал несколько раз (сборник статей "О поэзии"). Поэт живет творчеством, произносит слова, звучащие "медью торжественной латыни". Этот оборот Блока можно применить к поэзии Мандельштама, для которого античный мир стал действительностью. Одиссей, Приам, Федра — фигуры нашей эпохи. Архитектура и скульптура содержат для Мандельштама несказанное очарование классической античности. Его поэтические образы всегда выразительны, а ритмика с ходом времени приобретает широту и спокойствие античных метров, доказательством чему служат великолепные стихотворения из сборника "Tristia" (1922).

* Полная цитата: «Хлебников возится со словами, как крот, между тем он прорыл в земле ходы для будущего на целое столетие...». — Пер.

Избранные стихи ("Стихотворения", 1928) свидетельствуют о том, что возвышенность поэтического стиля Державина, ведущего русского поэта XVIII века, через лирику Тютчева нашла отражение в поэтическом творчестве нашего времени. Ряд этих стихотворений напоминает величественные оды былых времен.

Своеобразный характер носит и проза Мандельштама ("Шум времени", 1925, перепечатанный как вторая часть книги в прозе "Египетская марка", 1929). Поэт дает выражение чувству бега времени, слышит его тяжелые, медленные шаги. Полуавтобиографические заметки на полях этой книги о дореволюционном Петербурге и Феодосии в Крыму во время гражданской войны содержат скорее формулировки, чем определения, причем выпукло даны соответствующие детали. Этим автор достигает конкретной цели, и каждая мелочь, каждая фигура живы и выразительны.

В целом, однако, из акмеистов в Польше известнее всех была Ахматова, и ее поэзия в некотором смысле повлияла на межвоенную польскую лирику еще в ранние двадцатые годы. Важными были Маяковский, Блок, Есенин. Знали Пастернака. Да кто знает: не был ли самым популярным русским поэтом Северин? Почему не Мандельштам? Почему Заводзинский ничего не сделал для распространения поэзии своего товарища по университетскому семинарию? (Он посвятил ему всего несколько предложений, излагающих взгляды Жирмунского на поэзию Мандельштама.) Да, разумеется, он называл его имя, характеризуя в 1938 году важнейшие школы русской поэзии. Мандельштам упомянут и в портрете Заводзинского, который написал Францишек Седлецкий. Он формулирует там интересный упрек: Заводзинский «не вышел за рамки акмеистов». Решительно больше, чем Заводзинский, написал о Мандельштаме Кулаковский, которого Заводзинский дезавуировал как знатока русской литературы и даже предостерегал от сотрудничества с ним — сохранилось письмо такого содержания редактору «Камены».

Возвращаясь к вопросу такого пунктирного присутствия Мандельштама в польской литературе тридцатых годов, может быть, следует констатировать, что в межвоенное двадцатилетие польская поэзия не владела языком, пригодным для перевода мандельштамовского стиха.

После войны это меняется, и предвестие позднейшего широкого восприятия этой поэзии приносят первые послевоенные годы. Северин Полляк перепечатал перевод стихотворения «Золотистого меда струя из бутылки текла...» в «Творчости» (1945. №3, октябрь), хотя его опередил Павел Герц, напечатав в июне того же года в «Жиче литератком» (1945. №1)* стихи «В Петрополе прозрачном мы умрем...» и «Природа — тот же Рим...». В исправленном виде он напечатал их в своем сборнике «Два путешествия» (1946). Стоит добавить, что русскому языку Герц выучился в лучшей школе — в тюрьмах и лагерях, где находился с 1940 года. Мало того, в СССР, уже выйдя из лагеря, он впервые прочитал тексты Мандельштама. «Я не жалуюсь, — писал он в 1948 г., — на холодный зал ташкентской библиотеки, где библиотекарь не удивлялся, что в суровые дни войны я прошу том старого Державина или старательно изданные в пореволюционные дни книги Мандельштама либо Бориса Пастернака».

В 1946 году напечатал свои переводы еще один переводчик, который овладел русским языком в местах принудительного пребывания, — Ежи Помяновский: «Еще далеко мне до патриарха...» (Кузница. 1946. №21) и «Сегодня ночью, не солгу...» (Одрозене. 1946. №24). Надо подчеркнуть, что эти стихи не входили в сборники поэта: второй публиковался только в журнале (Новый мир. 1927), а первый существовал лишь в рукописных копиях и по-русски был впервые напечатан только в 1966 году. Оба текста переводчик получил в 1945 году от Надежды Мандельштам, и, что существенно, «Еще далеко мне до патриарха...» — это другой вариант, более короткий, чем канонический (текст обрывается после пятой строфы), опубликованный Струве и Филипповым в «Собрании сочинений». Надо добавить, что с поэзией Мандельштама переводчик познакомился еще раньше, в донбасской шахте «Краснополье». «Я нашел, — вспоминает Помяновский, — его «Tristia» в библиотеке лазарета. Фа-милия автора была предусмотрительно вырезана из шумцитула. Я выучил сборник наизусть».

* Здесь автор подписан как Józef Mandelsztam, так же как в книге Сергиуша Кулаковского «Пятьдесят лет русской литературы».

Несомненно важным шагом стала тогда, в 1946 году, перепечатка «Декабриста» в переводе Слободника (Жечпосполита. 1946. №164) — стихотворения, к которому так был привязан Философов. Может быть, переводчик таким образом почтил память скончавшегося во время войны редактора?

В 1947 г. Полляку и Мечиславу Яструну удалось включить в антологию «Два века русской поэзии» пять уже печатавшихся раньше переводов Мандельштама вместе с биографической заметкой Леона Гомолицкого: с датой рождения поэта, без даты смерти и с краткой характеристикой его поэтики, в которой мягкие укоры наверняка должны были предупредить возможные нападки, хотя и не исключено, что они были основаны на личном отношении автора заметки:

«Знаменательно для этого поэта тяготение к классическим образам и исторической экзотике (Рим, Эллада, Палестина); его поэзия стремится быть “вневременной”, нечувствительной к голосам современности. Искусство он понимает как “ценностей незыблемую скалу над скучными ошибками веков”. Крайний индивидуализм Мандельштама, его отшельничество и фатализм, его культ формы ради формы — всё это велит зачислить его в ряд последних представителей чистого эстетизма».

Во всяком случае следует подчеркнуть немалую решимость авторов антологии, раскритикованной еще до выхода, в ноябре 1946 года, на встрече делегации Союза советских писателей с польской делегацией, в которую входил и Гомолицкий. Марк Живов обращал внимание на то, что слишком много места в ней занимают Гумилев, Мандельштам и Кузмин, творчество которых лежит на обочине главного течения русской поэзии.

Стихи Мандельштама убрали из второго издания антологии (1951). Волну публикаций Мандельштама надо было дожидаться: всерьез она хлынула только в начале 1970-х, если не считать нескольких публикаций сразу после «оттепели».

Здесь, однако, стоит вспомнить, что и до того, то есть в самые тяжелые времена, под властью соцреализма, Мандельштама читали, о чем вспоминал эссеист Людвик Б. Гженевский, который открыл для себя поэта через переводы Павла Герца и читал взятую из библиотеки Варшавского университета «Tristia». Через Анджея Валицкого (в будущем — видного исследователя русской философии) он раздобыл и перепечатки стихов Мандельштама, привезенные из Советского Союза Земовитом Федецким. Можно сказать, что эти стихи, распространявшиеся студентами, читавшиеся вслух в кругу близких знакомых, были тогда в Польше своего рода самиздатом. Любопытно, что Гженевский, поклонник раннего творчества Мандельштама, сдержанно относился к его поздним стихам. Он честно в этом признавался, в принципе вторя тезисам Парницкого из его статьи об акмеизме. Своему мнению он остался верен. Много лет спустя он писал:

«Сегодня, когда я читаю собрание стихотворений Мандельштама в целом, я вижу, как поэзия с ходом лет покрывается трещинами, а ее восприятие бывает деформировано непозитическими факторами. В “Tristia” поэт — партнер событий, позже он становится их невольником. Его поздние стихи оказываются соломинкой, запутавшейся в спицы колес большой телеги. Всякая поэзия — как и жизнь — возвращается на жиру стихий, а не в их сердцевине».

Зато в этом месте, может быть, стоит, несколько выходя за принятые мной временные рамки, упомянуть, что Гженевский, который писал и стихи, был автором первого польского стихотворения о Мандельштаме. Оно называется «Поэзия и поэт», датировано 15 июня 1959 года и состоит из двух нумерованных строф. Первая:

*Z przyćmionych komnat nagłych dróg
tyś wypłynęła w tiulach szali
nikomuśmy nie przeszkadzali
nie budziłyśmy śpiących sług*

представляет собой польский перевод строфы Мандельштама:

*Из полутемной залы, вдруг,
Ты выскользнула в легкой шали -
Мы никому не помешали,
Мы не будили спящих слуг...*

Вторая:

*Oto pochyla się nad stołem
zwykłym sosnowym stołem w lagrze
klasyczna strofa spokój niesie
osiąga trwałość przez pogardę*

— в дословном переводе: «Вот наклоняется над столом / обычным сосновым столом в лагере / классическая строфа покой несет / достигает прочности презрением».

■
Подводя итог, обратим внимание на то, что первые переводы Мандельштама на польский за период 1925-1947 гг. — это 15 стихотворений, из которых четыре взяты из сборника «Камень», восемь — из «Tristia» (по изданию 1922 г.) и три — из не входивших в сборники.

Это не так много, но тем более каждый след появления одного из величайших поэтов XX века в польском литературном пространстве заслуживает быть отмеченным. Это всегда свидетельствует о наличии какого-то поля артистизма и свободы.

Перевод
Натальи Горбаневской

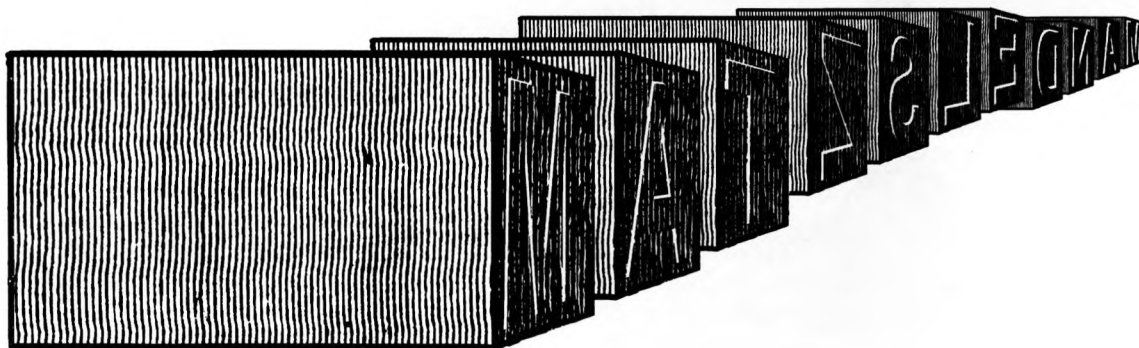
СТИХИ ПОЛЬСКИХ ПОЭТОВ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ОСИПУ МАНДЕЛЬШТАМУ

Адам Загаевский

В энциклопедии опять не хватило места Осипу Мандельштаму

В энциклопедии опять не хватило места
Осипу Мандельштаму опять он
бездомный квартиру найти так трудно
прописаться в Москве почти невозможно
гулкий призывает его Кавказ
Азии низкий лесок эти дни еще не наступили
кто-то другой собирает камушки на пляже у Черного моря
скачками всё тянется следствие хоть гимнастерка
по-иному сшита и опять другой круглоголовый
портной купается в глубоких поклонах
Закрываешь книгу раздается выстрел и белая
бумажная пыль щекочет нос вот и вечер
латинский кружится снег никто уж не придет сегодня
спать пора но когда он постучится в твои тонкие двери
открой

1982

Адам Поморский

Бомбардировкою звездной
И адской кометы огнем
Пикируют птицы на мерзлый
Любой человеческий дом.

А месяц фанатиком ярим,
Весь мир выдирая из тьмы,
Глядит в негативы пожаров,
Безумья, измены, тюрьмы.

1975

Петр Мицнер

Из поэмы «ГРАД ПЕТРА»

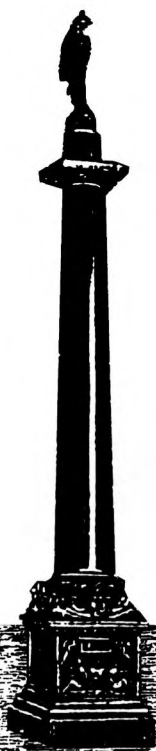
Ждем указания секундантов
Добегут ли?

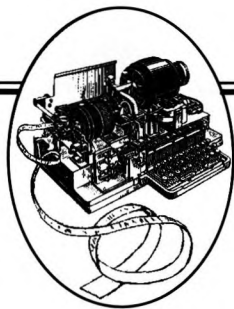
когда мы в тумане
спинами срослись

Черная Речка
Вторая Речка

— Пушкин!
— Осип!
черные чайк
маски кричат

2004

Виктор Кулерский

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

• «Вчера в Колонном зале Президентского дворца президент Бронислав Коморовский подписал два документа. Первый — это указ о принятии отставки правительства коалиции «Гражданской платформы» и крестьянской партии ПСЛ. Второй — назначение на пост премьер-министра Дональда Туска — главу победившей по итогам ноябрьских выборов ГП (...) Маршалом Сейма избрана Эва Копач, [бывшая] министр здравоохранения (...) Она стала первой в истории Польши женщиной на этом посту. Дональд Туск в свою очередь стал первым в Третьей Речи Посполитой премьер-министром, оставшимся на второй срок (...) В своем обращении к Сейму президент Коморовский (...) напомнил депутатам и правительству, что Польшу ожидает «исключительно длинный период без выборов», а это «налагает на власть обязательство не потратить время зря» (...) Он говорил также, что общество на выборах проголосовало за продолжение, но «смелое продолжение» (...) «У нас хватит смелости и фантазии», — заверил Дональд Туск (...) Вечером, рекомендуя Всепольскому совету ГП коалицию с ПСЛ, Туск говорил уже прямо: «Президент не оставил нам иллюзий: нас избрали для выполнения трудных задач». Премьер добавил, что его правительство проведет «глубокие и жесткие реформы, но при этом всегда будет отстаивать интересы людей и государства», — Павел Вронский. (*«Газета wyborcza»*, 9 ноября)

• «Богдан Борушевич избран маршалом Сената седьмого созыва. Этот пост он будет занимать уже третий раз подряд». (*«Жечпосполита»*, 9 ноября)

• ««Неуверенность на европейском континенте достигла небывалого с 1945 г. уровня, — считает премьер (...) — В раздираемой кризисом Европе Польша обрела исключительный статус стабильного государства (...)», — сказал Дональд Туск на заседании Всепольского совета ГП». (*«Газета wyborcza»*, 9 ноября)

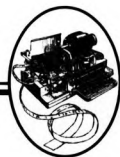
• «К началу ноября бюджетный дефицит достиг 22,5 млрд. злотых. Это 56% плана на текущий год, — сообщила замминистра финансов Ханна Майщик. — Бюджетная ситуация очень благоприятная. Это объясняется (...) более низкими расходами и более высокими доходами», — объяснила Майщик. Опубликованные данные — предварительные. Оценочные данные о выполнении госбюджета за первые десять месяцев 2011 г. министерство финансов представит в середине ноября. Октябрьский результат никого не удивил. Дефицит, значительно более низкий, чем заложенные в бюджет 40,2 млрд. зл., удерживается много месяцев (...) Похоже, что к концу года дефицит будет даже ниже, чем 30 млрд. зл., которые уже несколько месяцев обещает министерство финансов», — Петр Сквировский. (*«Газета wyborcza»*, 9 ноября)

• «74% опрошенных ЦИОМом доверяют президенту Брониславу Коморовскому. Второе место занимает Дональд Туск (65%). В рейтинге недоверия лидирует председатель «Права и справедливости» (ПиС) Ярослав Качинский — ему не доверяют 54% поляков. Далее в списке — Януш Паликот и Антоний Мацеревич — по 36%, а также Дональд Туск — ему не доверяют 29% респондентов». (*«Жечпосполита»*, 19 окт.)

• Согласно опросу TNS ЦИМО, ГП поддерживают 42% поляков, ПиС — 22%, Движение Паликота и Союз демократических левых сил (СДЛС) — по 7%, ПСЛ — 5%. Затруднились с ответом 14%. (*«Газета wyborcza»*, 10-11 ноября)

• Согласно опросу ЦИОМа, 90% поляков считают, что политические партии несут ответственность за распри и хаос в стране, а по мнению 86%, партии — это клики политиков, борющихся за власть. (*«Жечпосполита»*, 9 ноября)

• «Доля граждан с высшим образованием увеличилась у нас с 7 до 25%. Среди молодежи она составляет уже 40%. Ничего удивительного, что эти люди по-другому думают. Поляки на-

чали также ездить за границу (...) Произошло постепенное изменение норм и убеждений: что важно, а что нет, что ушло в прошлое, а чему принадлежит будущее (...) Постепенно происходит переориентация мышления (...) После смены строя характерной чертой ментальности и жизненной позиции поляков стал материализм. [Однако] поляки — приверженцы принципа социальной справедливости. Никто не хочет, чтобы жертвы системных преобразований были слишком многочисленны. Никому не нравится близость бездомных или соседей, которые не могут прокормить детей. И я думаю, что никто, в том числе и богатые, не будет иметь претензий к политикам за то, что они обращают внимание на людей, которым в жизни не повезло (...) У нас появятся цивилизованные партии, которые будут отличаться друг от друга деталями, вместо того чтобы быть полными противоположностями», — проф. Януш Чапинский. (*«Пшеглэнд»*, 13 ноября)

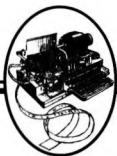
• «В 1989 г. поляки обрели свободу политического самовыражения. И сразу обнаружились две группы с разными позициями (...) Одна с одобрением и надеждой восприняла «круглый стол», правительство Тадеуша Мазовецкого, его экономические реформы, открытость страны для иностранных инвестиций и капитала, а также западные ценности. Она решительно поддержала вступление и далеко идущую интеграцию в Евросоюз. Поляки из этой группы (около 70% активных избирателей), если только они верующие, уже давно поют: «Свободную родину благослови, Господи» (...) Есть и другая группа, для которой «круглый стол» был хитрым маневром коммунистов, позволившим под новым названием и маской демократии сохранить пээнэровские привилегии и связи. Эти поляки в плане Бальцеровича усмотрели прежде всего обман, расхищение страны номенклатурой и частью верхов «Солидарности», а также ее распродажу иностранцам. Для них Германия — это враг, зарящийся на польские западные земли, а Россия только и ждет случая, чтобы снова воцариться на берегах Вислы. Что касается ЕС, то это для них брюссельская капуста, которую нужно взять, отвергая все остальное, ибо Европа угрожает нашей независимости и польскому духу. Эти поляки (около 30% участвующих в выборах

избирателей) продолжают считать, что страна поработана, терпеть не могут Третью Речь Посполитую и тоскуют по своей мифической Польше, распевая: «Свободную родину верни нам, Господи!», — Вальдемар Кучинский. (*«Жечпосполита»*, 24 окт.)

• «“Общественный диагноз-2011” показывает, что общество разделилось на две части (...) Первая группа — это образованные люди, скорее молодые, чем старые, предприниматели, жители крупных городов, не признающие теорию заговора и не имеющие предубеждений против различных меньшинств. С другой стороны, есть люди, привязанные к церковным традициям, более бедные, менее образованные. Обе эти группы существовали с самого начала преобразований, но первая изначально была микрогруппой. Для меня самый важный показатель ее численности — доля поляков, которые не ходят в церковь. В начале 90-х их было 13%, в начале 2000-х — 26%, сегодня — 33%. Через 10-15 лет они составят половину общества. И тогда Паликот или кто-нибудь паликотообразный придет к власти», — проф. Януш Чапинский. (*«Газета wyborча»*, 22-23 окт.)

• «Значительную часть избирателей Движения Паликота составляют критики Церкви, антиклерикалы, а также «личные враги Господа Бога», считающие религию вредным суеверием. Вторую группу избирателей этого движения составляют люди, которые, голодая, стремились выразить протест против политического истеблишмента. Их было особенно много среди молодежи (...) Да, в Польше всё больше критиков Церкви, а процесс секуляризации идет всё быстрее. Однако это не главное течение (...) Паликот может заработать еще несколько процентов, но у него нет шансов создать крупную политическую силу», — Александр Халль. (*«Газета wyborча»*, 2 ноября)

• Согласно опросу TNS ЦИМО, большинство поляков отвергает предложение Паликота убрать распятие из зала заседаний Сейма. 70% опрошенных считают, что оно должно там остаться. Противоположного мнения придерживаются 20%. Почти полное одобрение вызывает присутствие креста в больницах — за это высказываются 84% опрошенных при 14% против. В школах крест хотят видеть 72%, не хотят — 23%. В учреждении

ях распятие приемлемо для 53% опрошенных, а 41% высказывается против. (*«Газета wyborcza»*, 18 окт.)

• «В выходные актер и режиссер Артур Жмиевский покажет в Драматическом театре... мессу (...) «Откуда взялась идея мессы в театре?» — «Религиозный ритуал и церковный язык можно встретить повсюду — в кино, в изобразительном искусстве, на гостелевидении, которое транслирует мессу и показывает такие сериалы, как «Отец Матеуш». Нет его только в театре. Театр отстаёт, давайте позволим ему примкнуть к авангарду». (*«Газета wyborcza»*, 29-30 окт.)

• «Начальствующие запретили о. Адаму Бонецкому публично высказываться [точнее, выступать и печататься в СМИ, кроме «Тыгодника повшехного»] (...) Это один из по меньшей мере нескольких известных священников, которым в последние годы церковные власти запретили публично выступать. В 2006 г. свещ. Тадеуш Исакович-Залеский получил запрет на любые высказывания, особенно в СМИ, на тему сотрудничества духовенства с коммунистической госбезопасностью (...) Покойному свещ. Генрику Янковскому дважды запрещали проповедовать по причине антисемитских высказываний. За критику понтификата Иоанна Павла II (...) орденское начальство (...) запретило общаться с СМИ [бывшему священнику-иезуиту] о. Станиславу Обиреку (...) Свещ. Петр Натанек тоже получил запрет на публичные выступления, прежде чем был запрещен в служении», — Эва К. Чачковская. (*«Жечпосполита»*, 4 ноября)

• «Я не согласен, что польские католики несут секуляризованной Европе свет религиозного и нравственного просвещения (...) В нашем обществе появляется множество тревожных сигналов. Главное статистическое управление (ГСУ) сообщает, что растёт число разводов. В 2010 г. оно достигло почти 27 тысяч (...) В том же году 20% детей родились вне брака», — о. Дариуш Пюрковский, иезуит. (*«Тыгодник повшехный»*, 6 ноября)

• «В семинарии и монастыри поступило больше клириков, чем год назад (...) В этом году учебу в семинариях начали 906 человек, на 30 больше, чем в прошлом». (*«Жечпосполита»*, 9 ноября)

• «Газета «Файнэншл таймс» опубликовала вчера рейтинг 65 вузов мира, дающих лучшее магистерское образование в области управле-

ния (...) 35-е место заняла частная Академия Леона Козьминского, а 50-е — государственная Главная торговая школа (...) Наш регион представляет также Высшая экономическая школа в Праге, занявшая 52-е место». (*«Жечпосполита»*, 20 сент.)

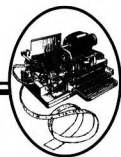
• «Я 10 минут объяснял Елизавете II, как польскому эмигранту без капитала удалось создать фирму», — рассказывает 35-летний житель Щецина Яцек Островский. Год назад британская королева вручила поляку самую престижную на Британских островах бизнес-премию — «Queen's Awards for Enterprise-2010», присужденную ему за 400-процентный рост сбыта в фирме (...) Островский раскручивал бизнес в спальне своей квартиры; сегодня он ворочает миллиардами фунтов. Он продает британскую одежду фирмам из 20 стран на трех континентах», — Агнешка Невинская, Петр Влочик. (*«Жечпосполита»*, 18 окт.)

• «Во вторник Тадеуш Врона, капитан «Боинга-767» авиакомпании ЛОТ, посадил самолет, у которого не выдвинулось шасси (...) Он больше часа кружил над Варшавой, избавляясь от горючего после полета из Нью-Йорка, а потом идеально приземлился на брюхо, спасая жизнь 231 пассажиру (...) За несколько часов, прошедших после этого события, на быстро созданные сайты фанов Тадеуша Вроны зашли почти 60 тыс. человек», — Станислав Маеровский. (*«Польска»*, 4 ноября)

• ««Поздравляю капитана Врону, его экипаж и всех, кто способствовал столь удачному окончанию этого полета, со счастливой аварийной посадкой без единой контузии», — такие поздравления капитану Тадеушу Вроне прислал Чесли «Салли» Салленбергер (...) «Салли» стал героем Америки после того, как почти три года назад умело посадил полный пассажиров самолет на реку Гудзон». (*«Польска»*, 4 ноября)

• «Президент Коморовский наградил орденами и медалями экипаж самолета, а также наземных работников, участвовавших на прошлой неделе в аварийной посадке «Боинга-767» в аэропорту Окентье». (*«Жечпосполита»*, 8 ноября)

• «За последние десять лет каждый десятый взрослый поляк работал за границей. Согласно опросу ЦИОМа, основные места временной трудовой миграции поляков — это Германия и Вели-

кобритания (...) За пределами Польши работали (или по сей день работают) 15% выпускников профтехучилищ, 13% лиц со средним образованием и 16% — с вузовскими дипломами». (*«Дзенник — Газета правна»*, 3 ноября)

• **«К концу сентября в Польше было 213 тыс. безработных с высшим образованием (...) За последний год их число увеличилось на 11,6%. Число безработных со средним профессиональным образованием выросло на 3,3%, с общим средним — на 2,5%, с неполным средним — на 1,1%, с начальным — на 0,4%. Такая же проблема наблюдается и в других странах ЕС».** (*«Дзенник — Газета правна»*, 7 ноября)

• «Предприниматели, ведущие разведку альтернативного газа, платят специалистам целые состояния, инвестируют в оборудование и всю принимают на работу. «Рождается новая отрасль. А если добыча сланцевого газа будет окупаться, то появится и новая промышленность», — говорит Петр Возняк, председатель совета Европейского энергетического агентства ACER (...) «Мест, где будут буриться скважины, в перспективе должно быть около тысячи», — говорит Павел Поправа из Государственного геологического института. А это означает, что непосредственно добычей газа могут заниматься 30-35 тыс. человек. К этому надо добавить обслуживание — начиная с питания и гостиничного сервиса и кончая разведкой каждой скважины (...) «Вокруг этой промышленности возникает в два раза больше рабочих мест, чем в ней самой», — добавляет Поправа. Следовательно, новая отрасль может дать работу около 100 тысячам человек», — Мариуш Станишевский. (*«Дзенник — Газета правна»*, 25 ноября)

• **«В последнем престижном рейтинге Всемирного банка «Doing Business» Польша опустилась с 59-го места, которое занимала в прошлом году, на 62-е. ВБ проверял условия ведения коммерческой деятельности в 183 странах».** (*«Жечпосполита»*, 20 окт.)

• «Фильмом о чиновниках, разоряющих польских бизнесменов, интересуются иностранные прокатчики (...) Премьера фильма Рышарда Бугайского «Замкнутая система» состоится в мае на фестивале в Гдыне. Однако иностранные прокатчики уже хлопочут о покупке прав на его показ, ибо проблема законов, создающих благоприятные условия для злоупотреблений и

коррупционных схем в учреждениях, касается и многих стран ЕС. Показом заинтересованы фирмы из Франции и Германии (...) В кинотеатрах фильм появится осенью 2012 года. Это рассказ о том, как крупная шишка из налогового управления (...) и коррумпированный прокурор (...) разоряют молодых предпринимателей (...) Сюжет фильма основан на реальных событиях». (*«Жечпосполита»*, 5-6 ноября)

• **«244 млн. дней — ровно столько в прошлом году провели поляки на больничном. Издержки, покрываемые работодателями и Управлением социального страхования, составили более 23 млрд. злотых (...) Мы опережаем Румынию, Россию, Словакию. «Это абсурд — ведь с другой стороны у нас больше всего сверхурочных, т.е. мы работаем дольше всех, — говорит Моника Гладох, советник председателя Конфедерации польских предпринимателей, младший научный сотрудник кафедры трудового права в варшавском Университете им. кардинала Вышинского. — В чем же дело? К сожалению, в повсеместной нечестности работников, а также, что может не всем понравиться, и врачей» (...) Согласно отчету УСС за 2010 г., средняя продолжительность отсутствия по болезни составила 13 дней», — Катажина Влодковская.** (*«Газета wyborча»*, 28 окт.)

• «Перед операцией пациенты подписывают список ее побочных эффектов, насчитывающий несколько, а иногда и полтора десятка страниц. Это в наших больницах нечто новое. Таким образом хирурги хотят оградить себя от судебных исков о возмещении ущерба здоровью». (*«Газета wyborча»*, 4 ноября)

• **«Более 2 млн. поляков испытывают трудности с ежемесячной оплатой счетов и кредитов (...) За последние два года число тех, кто не платит вовремя, увеличилось почти на полмиллиона человек, но вот уже несколько месяцев как этот рост прекратился (...) Два года назад просроченная задолженность поляков не превышала 12,5 млрд. злотых. Сегодня она составляет 32,5 млрд.»** (*«Газета wyborча»*, 17 окт.)

• ««Трудности иностранных владельцев польских банков могут стать угрозой для нашего банковского сектора и экономики», — предостерегает Стефан Ковалец (...) Банки с иностранным

капиталом контролируют две трети активов польского банковского сектора. Это они помогли нам его модернизировать. Однако сегодня многие иностранные владельцы банков срочно нуждаются в новом капитале. Они должны компенсировать потери по греческим облигациям и увеличить собственный капитал (...) Поэтому они будут распродавать активы, в т.ч. и в Польше, а также ограничивать кредиты. Жертвой падут польские предприниматели, отрезанные от кредитов». (*«Газета wyborcza»*, 7 ноября)

• **«Марек Белька был признан лучшим шефом Центробанка в категории европейских стран восходящих рынков (...)»** Вчера в Вашингтоне во время ежегодной встречи представителей Всемирного банка и МВФ президенту Польского национального банка была вручена награда». (*«Газета wyborcza»*, 26 сент.)

• **«Марек Белька вступил в должность председателя Комитета развития Всемирного банка и МВФ. Комитет из 24 человек действует с 1974 года. Это совещательный форум Совета управляющих обоих учреждений по вопросам, связанным со стратегией развития».** (*«Жечпосполита»*, 4 ноября)

• **«Еврозона идет вперед, практически исключая других. Например, встречи министров финансов Еврогруппы закрыты для стран, не входящих в зону евро, — даже для страны, председательствующей в ЕС (в чем недавно убедился, в частности, Яцек Ростковский). Эта маргинализация касается стран, которые остаются вне еврозоны по своей воле (как Дания и Великобритания) или же еще не отвечают условиям (как Польша) (...) ЕС уже давно стал Европой двух (или даже большего числа) скоростей. Зона евро более сплочена, в т.ч. и политически, чем весь ЕС. Не все страны входят в Шенгенскую зону, в которой нет пограничного контроля. Не все хотят близкого сотрудничества, например, в области оборонной или иммиграционной политики (...) Председательствуя в Совете ЕС, Польша старается залатать дыру между этими Европами, а особенно между 17 странами еврозоны и остальной десяткой (...) Недавно премьер-министр Дональд Туск предостерегал от создания институтов, конкурирующих с европейскими, и «разделения Европы на два отдельных формата». (...) Оставаясь вне**

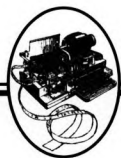
зоны евро, Польша обрекает себя на маргинализацию — мы от этого в ущербе не только в политическом, но и экономическом смысле», — Яцек Павлицкий. (*«Газета wyborcza»*, 27 окт.)

• **«Мюнхенская газета «Зюддойче цайтунг» опубликовала статью о том, как в Брюсселе Дональд Туск поцеловал руку Ангеле Меркель. По мнению газеты, поцелуй Туска à la Polonaise сопровождался страстной жестикуляцией и был настолько неожиданным, что Меркель смотрела на макушку польского премьера с легким ужасом».** (*«Пшеглэнд»*, 6 ноября)

• **«Министр иностранных дел Радослав Сикорский приехал в понедельник в Ливию (...) Он встретился с председателем Национального переходного совета Ливии Мустафой Абдель Джабилем, министром обороны и и.о. министра иностранных дел (...) «Польские фирмы принимают здесь с распростертыми объятиями», — сказал Сикорский после переговоров. Ливийцы пообещали, что будут признавать контракты, заключенные при Каддафи».** (*«Жечпосполита»*, 25 окт.)

• **«В результате нападения на польский патруль в Афганистане погиб старший рядовой Мариуш Дептула (...) Это 30-й польский военнослужащий, убитый в ходе миссии».** (*«Жечпосполита»*, 24 окт.)

• **«До сих пор в случае смерти солдата на миссии министерство национальной обороны выплачивало единовременную компенсацию в размере 18 зарплат (жене или ребенку) или на одну зарплату больше (другим членам семьи), а также 250 тыс. злотых со страхового полиса, выкупленного министерством в Польском страховом союзе. Армия гарантировала также другую помощь, например пособие на похороны, семейные пенсии по инвалидности, стипендии для детей. Однако семьи погибших считали, что этой компенсации недостаточно (...) В дело включился премьер Дональд Туск (...) Высказался и верховный главнокомандующий президент Бронислав Коморовский (...) В конце концов министр обороны Томаш Семонок (...) заявил: «Мы готовы выплачивать компенсации». Неофициально известно, что каждый из ближайших родственников погибших солдат (таких лиц около ста) получит по 250 тыс. злотых (независимо от звания в**

момент смерти). Это означает, что на дополнительные выплаты МНО выделит 25 млн. злотых», — Игорь Рыцьяк. (*«Ньюсуик-Польша»*, 31 окт. — 6 ноября)

• «Выступая в пятницу у Могилы неизвестного солдата по случаю Дня независимости президент Бронислав Коморовский сказал, что «от качества польской политики будет зависеть благополучие граждан» (...) В четверг президент вручил высшую польскую награду — орден Белого орла — архиепископу Тадеушу Гоцловскому, а также Збигневу Ромашевскому и Анджею Велёвейскому». (*«Газета wyborcza»*, 12-13 ноября)

• «Фанаты сорвали Марш независимости (...) Они нападали на полицию, которая вынуждена была применить слезоточивый газ и водометы. Президент обещал внести изменения в закон о собраниях (...) До 23.00 полиция задержала более 200 человек (...) Ранения получили 30 гражданских лиц (значительно большему числу оказали помощь врачи скорой помощи). Пострадали также 40 полицейских. Трое из них госпитализированы. Повреждено 14 полицейских автомобилей, а также машины ТВН-24 и ТВН-Метео, Польского радио, «Польсата» и «Суперстации». По неофициальным подсчетам полиции, в марше участвовали около 7 тыс. человек, а в блокадах [организованных его противниками] — около 2 тысяч». (*«Газета wyborcza»*, 12-13 ноября)

• «Двое мужчин в капюшонах уничтожили табличку на опольском здании, принадлежащем Немецкому меньшинству, а также автомобиль одного из членов союза (...) В Опольской Силезии постоянно уничтожаются двуязычные таблички с названиями населенных пунктов (...) Нападения на дома, принадлежащие Немецкому меньшинству, в этом году тоже случались». (*«Газета wyborcza»*, 12-13 ноября)

• «В гмине Орля установлены двуязычные польско-белорусские таблички с названиями населенных пунктов. Это произошло на рубеже сентября и октября (...) По данным всеобщей переписи населения 2002 г., в гмине Орля проживало 3647 человек, из них 2514 белорусской национальности, 37 — украинской и 1070 — польской». (*«Пшеглэнд православный»*, ноябрь)

• «В Пунск возвращаются польско-литовские таблички. Такое решение принял в пятницу совет гмины. Таблички были уничтожены в августе

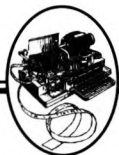
— вероятно, ультраправыми группировками (...) Представители литовского меньшинства размышляли, должны ли двуязычные таблички вернуться на свое место — они опасались очередных нападений националистов (...) Преступников ищет специальная группа представителей полиции и Агентства внутренней безопасности. Контроль над следствием осуществляет генеральный прокурор», — Эмилия Романюк, Якуб Медек. (*«Газета wyborcza»*, 31 окт. — 1 ноября)

• «В очередной раз провалились переговоры польско-литовской рабочей группы по вопросам образования для национальных меньшинств. Литовская сторона категорически отвергла требования польского меньшинства, касающиеся отмены единого выпускного экзамена по литовскому языку, а также обязательного двуязычного образования в польских школах в Литве». (*«Жечпосполита»*, 8 ноября)

• «Я не вижу ничего предосудительного в том, чтобы [польские дети] изучали историю и географию Литвы по-литовски. На севере Франции, где польское меньшинство в абсолютных цифрах больше, чем в окрестностях Вильнюса, польские дети ходят во французские школы, а если такова воля их родителей, восполняют свое образование в воскресных польских школах (...) Никто не протестует и не бастует. Всё дело в том, что перед Францией, Германией и Великобританией мы ходим по струнке, а Литва должна быть послушна нашим фантазиям», — Людвик Стомма. (*«Политика»*, 14-20 сент.)

• «Две трети цыганских детей с заключением об инвалидности могли бы учиться в обычных школах (...) У половины детей, получивших заключение об инвалидности, не обнаружено признаков умственной отсталости. Другие дети могли бы догнать своих сверстников благодаря дополнительным урокам польского (...) «Психолог, дававшая им заключения об инвалидности, признала, что совершила по отношению к цыганским детям преступление, так как направляла их в спецшколы только потому, что они плохо знали польский язык», — говорит председатель Общества польских цыган Роман Квятковский». (*«Газета wyborcza»*, 27 окт.)

• Свящ. Станислав Опоцкий освобожден от своих обязанностей. «Начиная с 1996 г. он был пастырем цыган, которые называют его «Роман

Рашай» — цыганский священник. Своим главным достижением он считает открытие 14 школьных классов для цыганских детей на территории южной Польши (...) «Сегодня священник может вызвать недовольство, если проявляет милосердие. Истинно христианский подход отличается терпимостью и уважением к другому человеку. Если священника за это наказывают, то как будто обвиняют его в том, что он слишком христианский», — говорит свящ. Опоцкий. (*«Газета wyborca»*, 10-11 ноября)

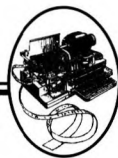
• Ромуальд Якуб Векслер-Вашкинель, поляк, еврей, католический священник. Родился в 1943 г. в гетто. Рукоположен в 1966 г. в Ольштынской духовной семинарии. Изучал философию в Люблинском католическом университете, потом был научным сотрудником Института теоретической философии. В 2009 г. выехал в Израиль. Работает архивистом в Институте «Яд-Вашем». Отрывки из интервью: «Я — еврей. Мне не доверяют, меня боятся (...) В ЛКУ были люди, не скрывающие своего антисемитизма; для меня там не было места (...) Знаете, почему я в Израиле? Потому что в Польше я не выдержал. Я не хотел уходить из ЛКУ, но (...) я не могу читать автора, который призывает к «десемитизации» Польши (...) Пожалуй, я мог бы даже оставить Церковь, но Иисуса оставить не могу. Церковь — это только люди, но Иисус? Разве Он виноват, что мы Его всё еще не понимаем?» (*«Жечпосполита»*, 12-13 ноября)

• ««Сегодня мы имеем дело с явлением, которое многих удивляет. Антисемитизм нарастает в старых странах ЕС, а в новых, во главе с Польшей, значительно ослабевает, — сказал генеральный секретарь Европейского еврейского конгресса (ЕЕК) Серж Цвайгенбаум. — Это, в частности, следствие т.н. нового антисемитизма, истоки которого — в неприязни к Израилю», — добавил он (...) Цвайгенбаум подчеркивает, что Польша сейчас считается «лучшим другом Израиля» в Европе (...) «Многие молодые поляки интересуются евреями и их историей. Они настроены очень филосемитски. С другой стороны, существуют круги, которые не слишком нас любят, — например, сторонники радио «Мария», — сказал Цвайгенбаум», — Петр Зыхович. (*«Жечпосполита»*, 4 ноября)

• «Такого большого съезда раввинов не было в Польше со времен Второй Мировой войны. В Варшаве их собралось почти 200 — со всей Европы. Они прибыли из крупнейших городов Старого Света, чтобы встретиться с польскими властями и провести 27-й съезд Конференции европейских раввинов, председатель которой — главный раввин Москвы Пинхас Гольдшмидт (...) Раввинов принял президент Бронислав Коморовский. В понедельник вечером с ними поужинали президент (мэр) Варшавы Ханна Гронкевич-Вальц, Тадеуш Мазовецкий и проф. Владислав Бартошевский». (*«Газета wyborca»*, 2 ноября)

• «Работы Барбары Энгелькинг «Такой прекрасный солнечный день...» и Яна Грабовского «Judenjagd» касаются последнего, по разным причинам хуже всего известного этапа Катастрофы. [Именно тогда] появилось выражение «отстрел евреев» (...) Для польского читателя книги эти необычайно важны, и не только ввиду содержащихся в них фактов. Последний этап Катастрофы еврейского народа — это также время, когда, по словам Энгелькинг, поляки — прежде лишь свидетели преступления — обрели новый статус: у них появилось реальное влияние на судьбы конкретных жертв (...) Когда Катастрофа вошла в свою последнюю фазу, главными «охотниками» в этой кровавой бойне стали поляки. Картина, которую рисуют обе публикации, ужасает прежде всего масштабом убийств и их необычайной жестокостью (...) И хотя Грабовский и Энгелькинг подчеркивают, что ответственность за Катастрофу (...) несут немцы, все-таки после прочтения обеих работ трудно не прийти к страшному выводу, что и поляки были соучастниками истребления евреев», — Анна Зембинская-Витек. (*«Нове ксёньжки»*, 2011, №8)

• «Фильм Артура Жмиевского «Пятнашки» был исключен из программы берлинской выставки «Рядом. Польша — Германия. 1000 лет истории в искусстве» (...) «Пятнашки» — это длящийся всего несколько минут фильм, снятый в 1999 г. в газовой камере одного из бывших нацистских лагерей смерти, а также в обычном подвале. Мы видим группу нагих людей: сначала неуверенно, а потом без особого стеснения они играют в детскую игру (...) Вероятно, дирекция музея сочла, что, исключая

фильм из программы выставки, она бережет память о Катастрофе», — Петр Косевский. (*«Тыгодник повшехний»*, 6 ноября)

• «В пятницу пройдут первые похороны жертв сталинских репрессий, эксгумированных на Особовицком кладбище во Вроцлаве (...) В результате работ, которые ведутся на двух участках, должны быть эксгумированы более 350 узников (...) В этих могилах похоронены, в частности, члены организации «Освобождение и народ», офицеры Войска Польского, а также солдаты армии Андерса, участники Силезских восстаний и Варшавского восстания, солдаты Свентокшиской бригады НВС (Национальных вооруженных сил), а также участники польско-советской войны 1920 года. Жертвы были со всей Польши», — Зенон Барановский. (*«Наш Дзенник»*, 18 окт.)

• «Августовская облага, в результате которой погибли 592 человека (...), была самым крупным убийством поляков после Второй Мировой войны. В июле 1945 г. ее организовали войска НКВД при поддержке польской коммунистической госбезопасности. Жертвами преступления стали простые граждане. Мужчины, женщины и дети (...) До сих пор неизвестно, ни где проходила казнь, ни где находятся могилы убитых (...) Москва не передала Польше никаких документов, касающихся этого дела (...) Заместитель председателя правления общества «Мемориал» Никита Петров нашел в советских архивах шифрограмму начальника Главного управления контрразведки Виктора Абакумова наркому внутренних дел Лаврентию Берии от 21 июля 1945 г., которая пролила новый свет на это преступление», — Петр Зыхович. (*«Жечпосполита»*, 22-23 окт.)

• «Снова выпачкан краской памятник Благодарности Советской Армии на главной аллее парка Скарышевского в Варшаве. Это уже не первое надругательство в этом году». (*«Газета wyborча»*, 22-23 окт.)

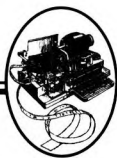
• «Несколько десятков тысяч человек участвовали в праздновании Дня народного единства в память об изгнании поляков из Кремля в 1612 году (...) Президент Дмитрий Медведев и премьер-министр Владислав Путин традиционно призвали россиян к единству. Патриарх Московский и Всея Руси Кирилл сравнил из-

гнание поляков с победой над Гитлером (...) В последнее время были созданы два фильма антипольского содержания: «1612» и «Тарас Бульба». Именно после них началась настоящая карьера этого праздника», — говорит Хиероним Граля, историк, член Польско-русской исторической комиссии» — Войцех Лоренц, Татьяна Серветник. (*«Жечпосполита»*, 5-6 ноября)

• «29 октября 1611 г. по Краковскому предместью в Варшаве (...) везли в карете пленного царя Василия Шуйского и его семью. В Королевском замке (...) царь поклонился польскому королю до земли (...), его брат Дмитрий бил челом, а самый младший князь Иван трижды бил челом о землю (...) Информационный центр правительства сообщил, что в праздновании годовщины русской присяги «премьер-министр не участвует». Министерство культуры тоже не планирует никаких мероприятий (...) «МИД не отвечает за историческую политику и организацию годовщин в стране (...)», — сказал пресс-секретарь МИД Мартин Босацкий (...) Мероприятий в память годовщины русской присяги не планируют и музеи», — Антоний Тшмель, Цезарий Гмыз. (*«Жечпосполита»*, 29-30 окт.)

• «Российская часть Центра диалога и согласия начнет работу 1 января — соответствующий указ подписан в пятницу президентом Дмитрием Медведевым. «Это большой успех. Ни в одной [другой] стране нет институтов сотрудничества с Россией, созданных указом президента», — говорит Славомир Дембский, директор польского Центра диалога и согласия с Россией, действующего с мая. Решение о создании обоих институтов было принято премьер-министрами Польши и России в Катыни 7 апреля 2010 года». (*«Газета wyborча»*, 18 окт.)

• «Преуспевающие жители городов по собственной воле замыкаются в гетто — охраняемых микрорайонах. Однако не только они: в последнее время их заборам позавидовали жители обычных многоэтажек (...) Наше отгораживание от соседей — это эксперимент европейского масштаба. Для сравнения: в Варшаве закрытых микрорайонов несколько сот, в Берлине — один (...) Ни исследования, ни полицейская статистика не подтверждают, что в микрорайонах с забором

и мониторингом преступность ниже, чем в неохранных местах», — Анна Шульц. (*«Впрост»*, 28 сент. — 2 окт.)

• «Еще никогда нас не охраняло так мало полицейских. Число вакансий в полиции достигло рекордного уровня — 6921». (*«Дзенник — Газета правна»*, 18 окт.)

• «Варшавская девелоперская фирма снесла памятник истории, казармы полка Гродненских гусар, чтобы на их месте поставить жилой дом. Такие случаи регулярно случаются по всей стране. Польша не справляется с охраной памятников», — Адам Тыцнер. (*«Жечпосполита»*, 27 окт.)

• «Более половины приютов переполнены, а чиновники не интересуются проблемой бездомных собак и кошек, — бьет тревогу Высшая контрольная палата (ВКП) (...) В приютах многие животные не выживают, кроме того их усыпляют. Это касается в среднем каждой четвертой принятой собаки и каждой третьей кошки (...) Более чем в половине проконтролированных приютов животных было больше, чем мест, — иногда вдвое (...) В приюте в Бытоме (...) смертность животных достигает 50%. В Стараховице (...) за изученный ВКП период было отловлено около 396 животных и почти все они умерщвлены», — Гражина Завадка. (*«Жечпосполита»*, 19 окт.)

• «Пока что закон о защите прав животных и практика его исполнения многое говорят о функционировании государства. О его беспомощности, анемии и путанице с задачами и целями» — Тадеуш Выпых. (*«Тыгодник повшехный»*, 30 окт.)

• «Американская норка — это хищник, угрожающий местным видам. Поэтому год назад министерство охраны окружающей среды занесло ее в список животных, подлежащих строгому контролю (...) В Польше на нескольких сотнях ферм разводят более 4 млн. норок (...) Годовой оборот польских животноводов, разводящих норок, составляет миллиард злотых (...) Через несколько месяцев норка из списка исчезла (...) Сенатор от ГП Петр Грушинский получил от норководов деньги на избирательную кампанию (...) Депутат от Движения Паликота Анджей Пёнтек, крупный норковод (...) на вопрос, сколько норок он убивает в год, ответил: «Не убиваю, а усыпляю. 40 тысяч». Хуберт Куявский из Союза животноводов ин-

формирует, что в Польше потенциально можно разводить не четыре, а десять миллионов норок», — Мартин Концкий и Адам Вайрак. (*«Газета wyborcza»*, 29-30 окт.)

• «В первом полугодии текущего года число родившихся в Польше детей было почти на 16 тысяч меньше, чем за год до этого (...) В первом полугодии у нас родилось 192,2 тыс. детей. За то же время умерло 194,2 тыс. человек. Впервые с 2005 г. у нас был отрицательный прирост». (*«Дзенник — Газета правна»*, 15 сент.)

• «В 2010 г. польки родили в Великобритании почти 20 тыс. детей. На каждую из них приходится в два раза больше рождений, чем в Польше (...) Польки рожают на Британских островах больше, чем все остальные меньшинства, — сообщают британские СМИ (...) Наши соотечественницы опередили даже пакистанок — почти на две тысячи детей. С момента вступления Польши в ЕС число родов среди польских гражданок в Великобритании выросло в шесть раз», — Бартош Марчук. (*«Дзенник — Газета правна»*, 21 сент.)

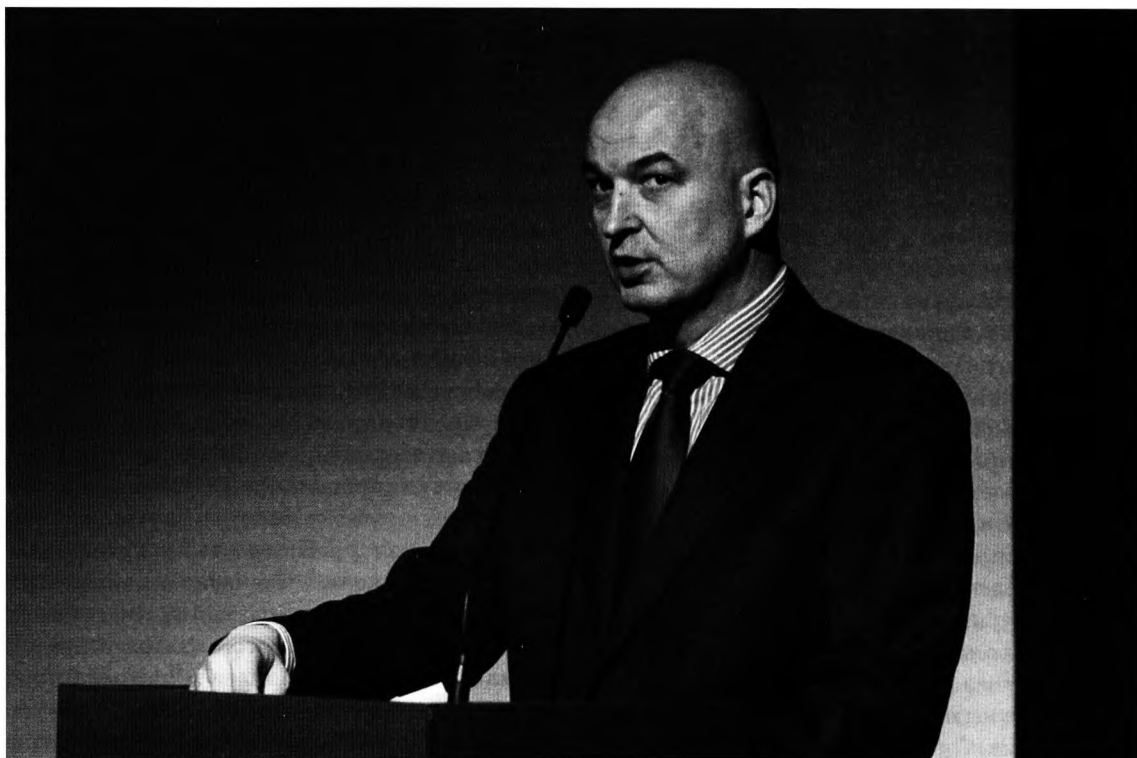
• «В преддверии Дня Всех святых (...) в интернете можно найти почти два миллиона из более чем 10 млн. польских могил. Самой крупной базой данных (750 кладбищ в 90 городах) располагает фирма «Артлук» из Миколова в Верхней Силезии, которая уже несколько лет назад создала портал www.polskie-cmentarze.com. В поисковой системе Grobonet.com (...) чтобы найти могилу, достаточно вписать имя и фамилию покойного. Каждая могила имеет описание (имя, фамилия, дата рождения и смерти), фотографию, номер и место, обозначенное на плане кладбища (...) Многие жители Израиля находят могилы поляков, которые помогли им во время войны, и зажигают виртуальные свечи», — Катажина Фрыц. (*«Газета wyborcza»*, 29-30 окт.)

• «Согласно статистике ООН, в понедельник 31 октября должен родиться семимиллиардный житель Земли. Никто не в состоянии предсказать, где это произойдет, но известно, что он (или она) застанет (...) В этот день на свет появятся еще триста тысяч других детей. Часть из них не доживет до пятого года жизни (...) Другие до конца жизни будут страдать от отсутствия воды, еды, работы...» — Уршуля Домбровская. (*«Газета wyborcza»*, 29-30 окт.)

Славомир Дембский

В ПОИСКАХ ДИАЛОГА С РОССИЕЙ

Славомир Дембский

Создание Центра польско-российского диалога и согласия в Варшаве и Центра российско-польского диалога и согласия в Москве — это попытка преодолеть ту схему, которая сформировалась в польско-российских отношениях на протяжении последних двадцати лет.

После распада Советского Союза польско-российские взаимоотношения характеризовались цикличностью: за периодами напряженности следовали попытки улучшить отношения. Не слишком частые встречи высших представителей обоих государств ненадолго интенсифицировали их взаимоотношения. Тем временем многие из проблем постепенно приобретали системный характер. Различия между политическими интересами России и Польши на протяжении последних двух десятилетий повлияли на широкое распространение в обществе обеих стран уверенность во взаимной неприязни, которую неоднократно подкармливали стереотипами и предубеждениями.

■ Стихийные отклики

По политическим причинам образ Польши в России нередко подвергался намеренным искажениям и извращениям. Нашу устремленность к интеграции с Евросоюзом и НАТО, а также поддержку нами идеи о расширении этих союзов на восточную часть континента Москва воспринимала как недружественные действия. А вдобавок еще и мотивированные польской русофобией. В течение последних полутора десятков лет российские власти не интересовались оттенками поступающих от поляков сигналов о восприятии России, не хотели замечать различий в их отношении к россий-

скому государству и обществу. Польская осторожность применительно к российскому государству и к способам его действий, которые, что ни говори, по-прежнему имеют много общего с советским прошлым, изображалась Москвой как проявление враждебности к России и русским. Укрепление этого стереотипа российской стороной приводило к ответной обратной связи с польской стороны. В этом одна из причин, из-за которых в обеих странах после смоленской катастрофы присматривались к своим стихийно доброжелательным откликам с определенным удивлением — как к сюрпризу.

Точно так же и наш подход к проблеме прошлого польско-российских отношений не раз изображался в России как результат антирусских предубеждений. Польскую чувствительность к этой проблематике в Москве топили в океане релятивизма, в других случаях ее инструментально использовали, чтобы сигнализировать о недовольстве той политикой, которая в данный момент проводилась Варшавой и противоречила российским интересам. В этом контексте можно напомнить о заявлении российского МИДа от 17 сентября 1999 г., где российская дипломатия в шестидесятую годовщину советской агрессии на Польшу вступила в полемику с этим историческим фактом — в соответствии с традицией, начало которой положили Сталин, Молотов и Жданов. Активное обращение к этому вопросу было, вероятно, выражением недовольства и разочарования поражением российской кампании, имевшей целью захлопнуть перед Польшей двери в Североатлантический союз. Различия в восприятии совместной истории сыграли в российской политике похожую роль и в 2005 году. В связи с напряженностью, возникшей между Варшавой и Москвой на фоне противоположного отношения к «оранжевой революции» на Украине, представители российских властей демонстративно расхваливали Сталина в качестве победоносного вождя, а также прославляли и возвеличивали Ялтинские соглашения.

■ Дефицит экспертов

Показателем состояния польско-российских взаимоотношений стало также поведение различных учреждений и институтов российского государства применительно к катынскому следствию. Засекречивать российское следствие, разжигать сомнения по поводу виновников этого преступления — таков был до недавнего времени интегральный элемент российской тактики.

В результате многолетнего воздействия негативных сигналов в польско-российских отношениях появилась серьезная системная проблема. В России начал систематически и последовательно уменьшаться интерес к нашей стране. Год за годом падало число молодых ученых, заинтересованных изучением польского языка и готовых посвятить свою научную карьеру польской проблематике. Это явление стало находить отражение в дефиците экспертов, занимающихся российско-польскими отношениями. А это, в свою очередь, ограничило для обоих государств возможности оптимально выстраивать двусторонние отношения.

Так сложился целый комплекс проблем, отягощающих перспективы развития двусторонних отношений. Без обращения к ним, без предпринимаемых попыток их решить никакое сколько-нибудь прочное улучшение атмосферы между Варшавой и Москвой было невозможно. Такое состояние дел обе стороны осознавали уже десять лет назад. В 2002 г. руководители Польши и России решили создать Группу по трудным вопросам. В своем первом составе эта группа собралась только дважды, и на первых порах эта инициатива не принесла никаких ощутимых результатов, на что наверняка оказали влияние еще и проявления политической напряженности между Польшей и Россией на фоне сначала отношения к «оранжевой революции», а затем — российского эмбарго на поставки польского мяса, введенного осенью 2005 года.

«До принципиального изменения состава Группы и придания ей по существу нового статуса дело дошло лишь в декабре 2007 года», — написали во введении к книге «Белые пятна, черные пятна. Сложные вопросы в российско-польских отношениях (1918-2008)» (Москва, 2010) сопредседатели нового состава группы, профессор Адам Даниэль Ротфельд и академик А.В. Торкунов. Далее в тексте мы читаем: «В центре внимания оказалась необходимость понять и выяснить, каким образом можно общими усилиями справиться с общими историческими проблемами. (...) Уже в самом начале — в процессе первого заседания — было принято решение, что (...) нашей задачей будет выработка реко-

мендаций для властей обоих государств, которые должны носить принципиальный и реалистический характер, поскольку эти рекомендации должны касаться того, каким образом лучше и быстрее устранять препятствия исторической природы из повестки дня текущей политики».

■ Проблемы спорные и бесспорные

Уже в ходе работ группы оказалось, что по катынскому делу среди ее членов нет сколько-нибудь серьезных разногласий. Для профессиональных российских исследователей ответственность Сталина со товарищи за решение об уничтожении весной 1940 г. польских военнопленных представляет собой исторический факт, который доказан вне всякого сомнения. Поэтому возник вопрос, что еще может сделать группа по этому делу. Было очевидно, что широкое распространение в России правды о катынском преступлении требует последовательных долгосрочных действий образовательного и просветительского типа. Да и другие, уже упоминавшиеся ранее проблемы в польско-российских отношениях оказались трудно решаемыми в каком-то экстренном или срочном порядке. Членам группы стало ясно, что польско-российские отношения требуют институционального укрепления. Эталонной точкой отсчета выступали при этом образцы хорошего опыта в польско-немецких отношениях, а до определенной степени — также в отношениях российско-немецких.

В июне 2009 г. профессора Адам Даниэль Ротфельд и Анатолий Торкунов, сопредседатели Группы по трудным вопросам, обратились в совместном письме к премьер-министрам Польши и России с рекомендацией о создании в обоих государствах учреждений, которые «посредством поддержки исторических исследований противодействовали бы попыткам фальсифицировать историю» и занимались бы «образовательной деятельностью, обращенной прежде всего к молодому поколению». В сентябре 2009 г. эта рекомендация была принята премьер-министрами Дональдом Туском и Владимиром Путиным. Во время очередной встречи обоих глав правительств 7 апреля 2010 г. в Смоленске было одобрено решение поручить учредительную инициативу по этому вопросу двум министрам культуры. В марте 2011 г. Сейм утвердил закон о Центре польско-российского диалога и согласия, после чего был начат процесс организации нового учреждения.

В России тоже продолжаются законодательные действия, связанные с возникновением аналогичного российского центра. Он создается на основании президентского указа и будет иметь статус государственного фонда, похожего на «Русский мир». Благодаря этому российский центр сможет выполнять точно такой же комплекс задач, какой определен в польском законе о Центре польско-российского диалога и согласия.

В нем установлено, что целью деятельности центра будет «инициирование, поддержка, содействие и стимулирование действий, предпринимаемых Республикой Польша и Российской Федерацией в деле диалога и согласия в польско-российских отношениях».

■ Исторические споры

Центр должен не монополизировать польско-российский диалог, а стимулировать и поддерживать начинания в этом направлении. В ходе польско-российских согласований было установлено, что бюджет каждого из центров составит в начальный период сумму, эквивалентную миллиону евро. Такие средства нельзя назвать большими. Трудно предполагать, что подобная квота позволит запустить программы обмена молодежью в более или менее широком масштабе. Во-первых, в общей сложности оба государства начнут выделять на укрепление общения между Польшей и Россией, а также на поиски возможностей диалога около двух миллионов евро в год, которых они до сих пор на эти цели не предназначали. Во-вторых, хорошо построенные стипендиальные программы или же проекты, рассчитанные на интенсификацию контактов молодежи, должны в будущем предоставлять возможности по привлечению финансирования из внебюджетных средств.

Принимая во внимание опыт Группы по трудным вопросам, научные исследования, проводимые в российском центре, должны быть направлены на углубление честных и добросовестных исторических знаний о польско-российских отношениях, на охрану памяти о судьбах поляков в России, а также о польском национальном наследии, особенно о ценностях польской культуры, находящихся

в настоящий момент на территории Российской Федерации. Существует срочная необходимость подготовить поименный список тех красноармейцев времен войны 1920 г., которые умерли в польских лагерях военнопленных. Такой список мог бы кардинально и бесповоротно положить конец спорам между польскими и российскими историками о количестве умерших в этих лагерях. Исследования в этом направлении должны также касаться более широкой проблемы положения в лагерях военнопленных на Восточном фронте во время Первой Мировой войны, благодаря чему польские и российские историки смогли бы больше сказать о стандартах, которые господствовали в тот период.

По-прежнему остается незакрытым катынское дело, так что и в этом случае тоже требуется разработать полный поименный список жертв названного преступления. Это требует нахождения «белорусского катынского списка» или же его научной реконструкции, основанной на сложных архивных разысканиях. Необходима интенсификация исследований по Августовской облаве. Здесь тоже возникает необходимость подготовки поименного списка жертв. Последние публикации российского историка, активного деятеля «Мемориала» Никиты Петрова дают надежду на научный перелом в этом деле. На данном примере лучше всего видно, какую пользу мы можем извлечь в результате хорошего сотрудничества польских и российских научных кругов.

Огромное значение будет иметь обращение к таким научным проблемам, по которым результаты исследований могут вызвать интерес у российского общества. Одной из них может быть составление поименного списка советских военнопленных, убитых немцами на польских землях в 1941-1943 гг., а также списка красноармейцев, погибших на польских землях в 1944-1945 гг. Совместные польско-российские научно-исследовательские проекты должны увеличивать заинтересованность общественности обеих стран теми целями, ради которых создавались два Центра диалога и согласия. Из сферы их научных интересов не должны выпадать и вопросы, касающиеся тех политических, общественных и экономических факторов, которые обуславливают современные польско-российские отношения.

Большое внимание следует уделять издательской деятельности обоих центров. С одной стороны, она должна фокусироваться на распространении первоисточников по истории польско-российских отношений, а также результатов научных исследований, проводимых либо поддерживаемых одним или другим центром, тогда как, с другой стороны, надо стремиться к тому, чтобы коммерческие издательства в своих книгоиздательских программах чаще учитывали проблематику польско-российских отношений. Польский центр должен поддерживать издательские проекты, складывающиеся в достаточно протяженные серии, которые основаны на принципиальном намерении приобщать польских читателей к наиболее важным трудам российской историографии, политической мысли и публицистики, особенно касающимся отношений России с внешним миром, в том числе и польско-российских отношений.

Лучшее знакомство с ведущимися в России интеллектуальными спорами об истории Российской империи, о значении большевистского переворота и его последствиях, о сталинизме, а также о месте и роли этой державы в современном мире содействовало бы лучшему и более повсеместному пониманию того контекста, в рамках которого складываются наши современные отношения с Россией. А посему есть смысл не упускать из виду, что и в нашей стране начинает обозначаться серьезный дефицит знаний о России. Мы уже ощущаем всё более заметную нехватку экспертов, аналитиков, дипломатов, журналистов, специализирующихся на российской проблематике. Не хватает хороших переводчиков литературы. Совсем недавно, во время I Польско-российского конгресса СМИ во Вроцлаве, организованного в первые недели деятельности Центра польско-российского диалога и согласия, Адам Поморский, президент польского ПЕН-клуба, констатировал, что на хорошем уровне переводы русской литературы на польский язык выполняют в нашей стране не больше пяти-шести переводчиков, а система университетского обучения по специальности «русская филология» находится в плачевном состоянии и требует радикальной реформы в масштабах всей страны. Популяризация интереса к России, расширение знаний о ней, выстраивание хорошего уровня экспертизы по тематике крупнейшего соседа Польши лежит в наших интересах.

В то же время, принимая во внимание принцип взаимности, который встроен в сотрудничество как польского, так и российского Центров диалога и согласия, это облегчало бы продвижение в России достижений польской историографии, политической мысли и публицистики. Не сомневаюсь,

что ознакомление русских читателей с крупнейшими завоеваниями польской политической мысли и публицистики, а также историографии, с работами Яна Кухажевского, Леопольда Лабендза, Лешека Колаковского, Павла Ясеницы, Юлиуша Меровского, Ежи Гедройца, Анджея Валицкого оказало бы хорошую услугу будущему польско-российских отношений.

■ Холодное понимание

В обоснование к закону о Центре польско-российского диалога и согласия авторы правительственного проекта включили точку зрения Юлиуша Меровского, одного из самых выдающихся польских политических публицистов XX века, который в 1967 г. писал: «Польско-русский вопрос представляет собой проблему политическую, а не мистическую. Чтобы эта проблема могла найти позитивное решение в политической плоскости, надо первым делом извлечь ее на свет из гуши эмоций, неконтролируемых реакций, глухой и унижительной ненависти. Будучи народом с западной культурой, мы должны в польско-российском диалоге представлять не восточный фатализм, приправленный бессильной ненавистью, а холодное понимание, основанное на бесстрастном анализе наших национальных интересов. Некоторые истины носят бесспорный характер. Вековая взаимная враждебность между Польшей и Россией — не в польских интересах. Честное и справедливое выравнивание отношений между будущей Польшей и будущей Россией неизмеримо укрепило бы Речь Посполитую, открывая перед ней широкие перспективы развития, которых она лишена со времен разделов».

К попыткам провести в жизнь подобную концепцию честного и справедливого выравнивания польско-российских отношений, их опоры на историческую истину и на добрую волю обеих сторон смогла приступить лишь свободная и суверенная Польша. Поэтому появляющиеся кое-где голоса, которые доискиваются в формировании Центра польско-российского диалога и согласия некое продолжение традиций Общества польско-советской дружбы (ОПСД) — пропагандистского учреждения, которое действовало в ПНР, — имеют мало общего с интеллектуальной честностью. Юлиуш Меровский членом этого «общества» не состоял, но, вне всякого сомнения, осознавал стратегическую важность для Польши программы преодоления взаимной неприязни поляков и русских значительно лучше, чем все члены ОПСД. И, что самое важное, он прекрасно знал, что осуществление этой программы требует свободы обоих народов и их честного взаимодействия. Центр польско-российского диалога и согласия был призван к жизни Сеймом свободной и суверенной Польши, которая тем самым создала для себя новый инструмент. Возможно, в будущем он поможет воплотить в жизнь концепцию Юлиуша Меровского. Следует надеяться, что и российская сторона тоже станет замечать в этом собственную пользу и интерес. Вместе с тем не будем забывать, что вся эта инициатива лишь создает дополнительный шанс, но сама по себе не дает никакой гарантии успеха.

Nowa Europa Wschodnia

Славомир Дембский — историк, преподаватель и научный сотрудник Варшавского университета; с апреля 2011 — уполномоченный министра культуры и национального наследия по организации Центра польско-российского диалога и согласия, член польско-российской Группы по трудным вопросам, в 2007-2010 гг. — директор Польского института международных дел.

МЫ УЧИЛИСЬ СМЕЛОСТИ У РУССКИХ

Беседа с Генриком Вуецом

Генрик Вуец

— *Спустя четыре года в Кремль возвращается Владимир Путин. Остановит ли он процесс модернизации, объявленный в 2009 году президентом Дмитрием Медведевым?*

— Похоже, господа договорились обменяться должностями. Это свидетельствует о том, что они сотрудничают друг с другом. Правда, между ними могут появиться некоторые различия, но по сути они проводят общую, продуманную политику. Я не думаю, что Путин изменит что-то в вопросе реализации программы модернизации России. Наверняка этот процесс будет осуществляться таким же образом, как и сейчас, то есть больше всего внимания и финансовых вложений поглотит развитие и использование современных технологий, а частично и совершенствование экономических процессов. В этих областях прогресс достаточно заметен, благодаря им Россия хочет обозначить свое участие в мировом соперничестве.

Модернизация же, понимаемая в категориях демократической системы, не развивается, и даже наступил регресс. Российская власть использует видимость демократии, проводя мнимые выборы. Так будет сделано и во время декабрьских парламентских выборов, и во время президентских в будущем году.

— *Что вы считаете проявлением этого «отступления»? Обмен должностями между Медведевым и Путиным и уверенность обоих политиков в победе за несколько месяцев до выборов?*

— Это пример, демонстрирующий «мнимую демократию» в России. Эти выборы — инсценировка, театральный спектакль, который российские власти разыгрывают перед всем миром. В этой игре известно, кто выиграет, а кто проиграет. Поэтому уровень демократии — в том, что касается функционирования фундаментальных механизмов, — гораздо ниже, чем на Украине. В России можно было бы не проводить выборы и серьезно сэкономить, отказавшись от этой инсценировки.

— *Может ли Россия рассчитывать на демократизацию в полном смысле этого слова?*

— Пока Россией будет править «тандем», ни о каком подлинном процессе демократизации не может быть и речи. Надо ждать, пока не минует их эпоха. Тогда к власти придет поколение молодых, образованных людей, готовых проводить смелые реформы. Люди, противящиеся авторитарной власти, существуют, и число их будет расти. Важно изменение ментальности, которое будет происходить, в частности, благодаря технологической модернизации, развитию Интернета. Изменение произойдет, но этот процесс будет долгим.

Я всегда верил, что в России существует смелое, гуманистическое движение. Впрочем, мы как оппозиция в значительной мере учились смелости у русских. Прежде чем в Польше появилась оппозиция, у русских уже был самиздат, они смело устроили демонстрацию на Красной площади, протестуя против ввода войск Варшавского договора в 1968 году в Чехословакию.

Стоит также обратить внимание на то, что в момент передачи власти Путину из рук Бориса Ельцина в обществе существовало ощущение угрозы экономического распада, а может быть, даже и распада государства. Новый президент обеспечил стабилизацию, дал ощущение безопасности, и получил высокий уровень поддержки. Путин так укрепился в структурах власти, что, даже не имея всеобщей поддержки, владеет ситуацией и не дает возможности возникнуть оппозиционным партиям.

— *А может быть, старшее поколение российских граждан не желает перемен, ибо только сохранение нынешнего режима может обеспечить России позицию сверхдержавы? Может, ностальгия сильнее?*

— Ностальгия по империи по-прежнему сильна в России, особенно среди тех, кто помнит Великую Отечественную войну. Русские готовы многим пожертвовать ради укрепления державности. После того как Путин получил власть, у многих появилось удовлетворение в связи с тем, что с Москвой снова начали считаться в мире, и она может диктовать свои условия соседям. Хорошим примером тут стала Украина и желание подчинить ее России политически и экономически. Кое-кто по-прежнему считает, что Украина — это часть России. Путин на этой ностальгии играет и завоевывает поддержку в обществе.

— *Многие европейские политики и эксперты утверждают, что российская модернизация — это фикция, что она существует лишь «на бумаге». Вы согласны с таким мнением?*

— Польша вновь обрела свободу в 1989 году, но в Евросоюз вошла лишь в 2004 году. Это большой отрезок времени, и в какой-то момент заметно обнаружилось нетерпение поляков. Однако процесс все время продолжался. Введение норм и реформ ЕС шло то лучше, то хуже, но процесс развивался, так как мы были настроены решительно.

В России этого не наблюдается. Российские власти не желают перемен. Пойти по пути демократии — значит ограничить свою власть и привилегии. Тогда им пришлось бы считаться с другими политическими опциями. А именно это их интересует меньше всего.

— *Объявленная Медведевым модернизация — это лишь риторика властей, адресованная внешнему миру?*

— Да, но речь идет о том, чтобы показать российскому обществу, что для достижения перемен предпринимаются усилия. Всегда найдутся наивные люди, которые в это поверят. Это пропаганда. Разница между Путиным и Медведевым наверняка существует, но по сути осуществляется модель власти, сформированная нынешним премьером.

— *Может ли Евросоюз реально принять участие в ускорении трансформации России?*

— Евросоюзу следует реагировать в драматических ситуациях нарушения демократических ценностей. Известно, что выборы будут фикцией, и, несмотря на то что доказать это будет трудно, надо говорить правду.

Россия оказывает также экономическое и политическое давление на Эстонию и Литву. Это, правда, связано со стремлением улучшить положение русского меньшинства, но одновременно используется как предлог для оказания давления на правительства этих стран. Когда Россия нарушает принципы, принятые в международных отношениях, осуществляя, например, кибер-атаки на Эстонию, то политики ЕС должны реагировать. ЕС не может молчать в таких случаях, ибо это придает России смелости.

Кроме того, важно также развивать хорошие отношения с Россией в экономической сфере, ибо это связывает партнеров определенными обязательствами и ограничивает вредное влияние Москвы.

В этом контексте очень важно обратить внимание на общество. Как бумага постепенно впитывает чернила, так и российское общество, постоянно контактируя с общественностью стран ЕС, будет впитывать идеи свободы, демократические идеи. Этот процесс взаимного проникновения должен быть открытым, ибо облегчит перемены в российском обществе. Важно, чтобы контакты устанавливались независимо от воли высоких руководителей. Надо действовать на благо сотрудничества в рамках, в частности, неправительственных организаций или органов местного самоуправления. Взаимный обмен опытом — самый лучший метод достижения демократии.

У нас этот процесс начался благодаря частичному открытию границ в 70-е годы. Тогда можно было ездить, например, в Швецию, и я этим тоже воспользовался. Я видел многих поляков, которые выезжали и «подсматривали», как функционирует свобода слова в других странах. Такая открытость в отношении российского общества будет полезна. Положительным шагом в этом направлении стало введение во всей Калининградской области безвизового режима в малом пограничном движении. Если получится там, то удастся и в других районах России.

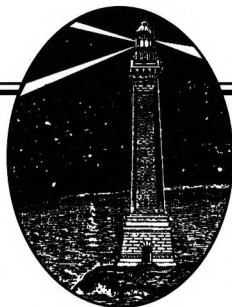
— **Почему ЕС не реагирует на нарушения демократических свобод и прав человека? После повторного осуждения Михаила Ходорковского демократический мир молчал.**

— Пример Белоруссии свидетельствует, что ЕС имеет весьма малое влияние на то, чтобы блокировать недемократические действия, чтобы защитить жестоко преследуемых людей. В случае с Ходорковским реакция общественного мнения была слабой, ибо российские власти использовали экономический предлог для политического преследования.

Беседу вела Иоанна Котович, корреспондент Польского агентства печати

TYGODNIK POWSZECHNY
KATOLICKIE PISMO WSPÓŁCZESNO-KULTURALNE

Генрик Вуец — советник президента Бронислава Коморовского, в прошлом антикоммунистический общественно-политический деятель. Свою общественную деятельность начал в 1962 в варшавском Клубе католической интеллигенции. Сотрудник и член Комитета защиты рабочих (КОР), редактор подпольного издания «Роботник» («Рабочий»), один из основателей «Солидарности». После введения военного положения находился в заключении в 1981-1984 и 1986. Участник заседаний «круглого стола» (1989) в группе по вопросам профсоюзного плюрализма.

ПО МНЕ ПУСТЬ ЛУЧШЕ ПОЛЬША БУДЕТ ПЕРЕКОПАННОЙ, ЧЕМ СОННОЙ

*Беседа с Михалом Бони, министром администрации и цифровизации**

— Вот какой анекдот рассказывает Владислав Бартошевский: к премьер-министру Туску приходит Михал Бони, как всегда, озабоченный тем, что случится в 2030 году. Премьеру не до того — у него тысяча текущих дел. Он прерывает вас и говорит: «Михал, я не знаю, что будет в 2030 году, но одно точно: на моих и твоих похоронах с речью выступит Бартошевский». Действительно так было?

— Этот анекдот показывает нашу уверенность в бессмертии Владислава Бартошевского. Но я воспользуюсь случаем — протащу контрабандой другой сюжет. В 50-е или 60-е годы мысли о свободе, которые характеризовали таких людей, как профессор Бартошевский, казались безумием, ибо невозможно было представить, что они воплотятся. Никто не мог представить себе возникновение «Солидарности» или крах СССР. Но всё же не исчезала вера, что наступит минута, когда жизнь изменится к лучшему. Доклады коллективов, которыми я руковожу, посвященные Польше 2030-го и молодежи 2011-го, тоже настроены на такую длинную волну. И, как деятельность Бартошевского знакомила с возможной будущей свободой, так наши доклады знакомят с вызовами, которых нам не избежать.

— Анекдот показывает также, насколько неблагоприятна судьба министра прогнозирования, который сталкивается с «real politics». Тяжело быть Кассандрой?

* Когда Михал Бони давал это интервью, он был главой группы стратегических советников премьер-министра.

— Я не вещаю о грядущих трагедиях, а лишь указываю, что следовало бы сделать, чтобы использовать все польские козыри. И мало кто помнит, что с учетом области моих задач в правительстве я, пожалуй, ближе других к тому, что «здесь и сейчас».

— ***Вас даже называют «министром действительности»...***

— С самого начала я отвечал и за решение срочных проблем — забастовки таможенников, переговоры с медсестрами, с докерами, учителями, с пользователями интернета и с военной промышленностью, которая ни разу не забастовала. Через общественные консультации и Сейм надо было проводить законы о пенсионных фондах и азартных играх, декреты в связи с наводнением. Я уже не говорю о таком драматическом опыте, как смоленская катастрофа. Так что, как видите, трудно утверждать, что мне преподнесли магический кристалл, в который остается только вглядываться и живописать увиденное.

— ***В наше время нельзя доверять даже магическому кристаллу. В докладе «Польша-2030» одним из образцов названа Ирландия, — сегодня никто из нас не хотел бы жить в стране, оказавшейся на грани банкротства. Что еще надо изменить в положениях доклада?***

— Пожалуй, не надо менять сам диагноз: что в Польше удалось, а что не удалось выполнить после 1989 года. Не изменился список задач, гарантирующих максимальный цивилизационный скачок.

Я бы, однако, поменял акценты. Мы писали, например, что наибольшая угроза для Польши — остановка в развитии. Сейчас я вижу две дополнительных угрозы. Первая и самая большая — периферизация. Некоторые страны задыхаются во время кризиса в петле стагнации, а другие всё нагнетают темпы развития — Бразилия, Мексика, Турция, Индонезия, даже Россия, которая подписала с «Эксоном» контракт в 500 млрд. долларов на добычу нефти на арктическом шельфе. Польша вместе с Европой может оказаться на периферии мира. Вторая угроза — это вызванное кризисом неравновесие государственных финансов, то есть растущие долг и дефицит. Мы должны урезать расходы, не забывая о необходимых инвестициях.

— ***На чем экономить?***

— В государственных расходах есть большие резервы. Я думаю, что важно поискать резервы в правильной адресации и выдаче денег. Надо также увеличить число трудящихся, которые платят налоги и отчисления, то есть бороться с теневой экономикой.

— ***Возвратимся к вопросу о моменте, когда текущие политические интересы берут верх над долгосрочными планами.***

— Как раз в правительстве Туска есть хорошие предпосылки для такого мышления и действия, когда долгосрочное умело сочетают с текущим. Предыдущие правительства приняли, ни много ни мало, 240 разного рода стратегий. Это значит, что принимались никудышные планы. Наша команда перепахала завалы этих мертвых документов, и сейчас мы заканчиваем шлифовку десяти крупных интегрированных стратегий — как долгосрочных (до 2030 г.), так и среднесрочных (до 2020 г.). Если поглубже задуматься над тем, какого рода энергия движет сотнями людей, работающими над этими стратегиями, то это любовь к людям и к миру, выражающаяся в том, что является ключевым для смысла деятельности администрации, — в практической полезности.

Но вернемся на землю. Вопрос, будет ли шанс продолжить миссию построения будущего Польши в период более продолжительный, чем одно поколение, сегодня особенно существен. Во-первых, за четыре прошедших года окончательно завершилась трансформация нашей страны после 1989 года. Польша должна набрать разгон для нового цивилизационного скачка, а вместе с тем считаться с мировым кризисом. Я чужд высокопарности, но скажу так: каждый, кто желает добра Польше, будет следовать выработанным нами направлениям цивилизационных действий.

— ***Между вами и премьером Туском есть взаимопонимание?***

— Есть. Мы умеем спорить, мои взгляды премьер верифицирует вопросами о деталях. Это не пустые разговоры о всеобщем благе. Речь идет о конкретных проектах. Вот взгляните на наш подход к вопросу сланцевого газа. Мы хотим, чтобы с самого начала это был флагманский проект, поскольку он объединяет в себе два аспекта безопасности: может создать условия для энергетической безопасности, а одновременно — для демографической, если прибыль и государственные дивиденды от этого проекта мы направим на поддержку стабильности будущих пенсий в условиях демографического кризиса. В предвыборной программе «Гражданской платформы» написано...

— ...Это вы писали?

— Не только я... что к 2015 г. в гминах появится тысяча так называемых окошек в свет — мест, где можно сделать уроки, воспользоваться библиотекой и интернетом, поdiscутировать. Это фантастика: каждый день полно посетителей с просьбой построить Коперниковский научный центр в их воеводстве. Все это поможет полякам накопить энергию для упомянутого цивилизационного скачка.

— *С точки зрения премьера, у вас есть еще одно достоинство: вы не организуете свой кооператив, не всаживаете нож в спину.*

— Я по природе своей не употребляю нож иначе, чем за столом. Я не знаток политических игр и, к счастью, не должен ими заниматься. Я могу привнести в политику знания, навыки анализа и синтеза, умение общаться с разными группами. Политика как борьба — это другая область. Надо быть бойцом, вдобавок благородным (если говорить о политике высокой пробы), а также обладать такой гениальной политической интуицией, как Дональд Туск. У Туска совершенная и достойная политическая интуиция. Наше правительство действовало в крайне трудных обстоятельствах: вначале институциональная несогласованность между президентом и премьером, потом Смоленск, природные катаклизмы, кризис. Оценка правительства должна исходить из того, что мы сделали в этих условиях. Я считаю, что мы выдержали экзамен.

— *Вы стараетесь защитить последнее четырехлетие, но, может быть, стоит расширить границы самоанализа. Доклад «Молодежь-2011» исходит из утверждения, что потенциал поколения «Солидарности» себя исчерпал. Вы построили демократическое государство и свободный рынок, ввели Польшу в НАТО и Евросоюз, за что большое спасибо. Но в одном вы потерпели неудачу.*

— В чем?

— *Политическая культура на жалком уровне. Поэтому поляки безразличны к общественным делам, а к политике даже враждебны. Почему такой провал — у вас, людей, которые с сентября 1980-го были носителями уникального чувства общественного блага?*

— Несмотря на уже явные в те годы противоречия, тогдашнюю общность удалось сохранить в течение целого десятилетия, в крайне трудных условиях, с 1980 по 1990 год. Потом демократический процесс потребовал дифференциации. А дифференциация, если она должна быть творческой, а не деструктивной, требует опыта плюрализма, демократии. Этого у нас не было. Нормальные при демократии споры, которые позволяют строить, одновременно сохраняя отличия, в Польше преобразовались в борьбу, насыщенную дурными эмоциями и фатально персонализированную. У нас был сильный общественный капитал выдержки, во время трансформации мы учились адаптивности, но на будущее необходим общественный капитал развития. Об этом мы тоже написали в «Польше-2030».

— *Это типичный ответ, который не проясняет одного: если причиной была нехватка опыта, то с течением времени отечественная политика изменилась бы к лучшему, а она все хуже, жестче, глупее.*

— Все политические завихрения не изменили пути преобразований, намеченного с самого начала Мазовецким, Бальцеровичем и Белецким. Это успех. Точно так же и кризис, и экстремальные условия не подорвали премьерство Туска. Но в будущем нужен новый климат... Поэтому мы должны передать эстафету следующему поколению. В «Молодежи-2011» я фактически выдвигаю такой тезис: поколение «Солидарности» получило великий подарок судьбы, ибо в течение более 20 лет свободы могло реализовать — в различных группировках — свою общественную миссию. Сейчас пришло время плавного перехода. Вопрос только в том, располагает ли младшее поколение большим опытом демократии, чем их матери и отцы. Я полагаю, что есть такой шанс.

— *Да-да, существует ли шанс?*

— Не знаю. У молодых есть потенциал, но это можно проверить только на практике. Когда я смотрю на молодых в бизнесе (а там смена поколений произошла быстро), я вижу силу индивидуальностей, острое противоборство и конкуренцию, а одновременно — навык сотрудничества. А сотрудничество, общественный капитал — это ключевые слова для будущего. Я уже говорил об этом. В период разделов, во время оккупации, при коммунизме мы сумели собрать общественный капитал выдержки. А после 1989 г. выявился капитал адаптации, который позволил развиваться в условиях демократии и капитализма. В 90-х годах политический спор тоже был грубым, но разве хоть в какой-то мере он нарушил

модернизацию страны? Нет, потому что действует определенный предел деструкции. С энтузиазмом уничтожался мир политики, общественная жизнь стала отвратительной, но это не воспрепятствовало развитию общества и экономики.

— *Слава Богу.*

— Согласен, слава Богу. Молодые, я надеюсь, привнесут еще другой, новый общественный капитал, капитал развития. Если мы сравним по потребительской панели старшее и молодое поколение, то окажется, что после 1990 г. мое поколение стало судорожно потреблять. Мы потребляли, потому что столько лет были голодны. Честно говоря, многие из нас думали только о том, чтобы иметь; предались потреблению. Молодые же хотят иметь, чтобы быть. Есть — я повторю — шанс, что все активы молодого поколения реализуются в общественной жизни.

Впрочем, острота политических споров рождается, по моему мнению, не только из политики: эту остроту порождают подстрекатели. Если журналисты спрашивают, что бы дурного я мог сказать о политике N, это значит, что их интересуют не мои взгляды или решение общественных проблем, а исключительно борьба.

Я не говорю, что все польские СМИ потеряли зрение, слух и вкус, что политики прекрасны, а виноваты журналисты. Наступила роковая напряженность политики, которая не занимается решением проблем, а стала игрой озлобления, при убежденности СМИ, что именно драка привлекает публику. Политики стали узниками журналистов, ибо думают, что журналисты ожидают подстрекательства, а журналисты стали узниками политиков, ибо считают, что только самые грубые привлекут внимание. Надо в конце концов выйти из этой тюрьмы.

— *А разве молодые не хотят растить только собственный садик? В своем докладе вы признаёте, что воспитали нас индивидуалистами.*

— Точнее говоря: все мы создали условия для развития индивидуализма, ибо его, в хорошем смысле, требовал строившийся с нуля свободный рынок. Но в докладе говорится также о двух ветвях поколения возраста до 34 лет. Старшие в значительной мере впали в крайний индивидуализм, восхищаясь молодым капитализмом. Младшая ветвь движется в другом направлении — объединяет индивидуальные запросы, такой здоровый эгоизм, с убеждением, что многих целей можно достичь только в кооперации с другими. Эти люди не столь заражены завистью, как предыдущие поколения. Они не страдают из-за того, что у соседа новый автомобиль, а задумываются, не основать ли с ним фирму, чтобы и самому такой купить. Они идут по пути индивидуального развития, но никого пинать по дороге не обязаны. Польская ментальность переживает большие перемены; мы выходим из колеи феодального мышления.

— *Одновременно у молодых нарастает разочарование, ибо они поверили, что, например, высшее образование — это окно в лучшую жизнь, а сейчас у них нет работы и они снимают угол у родителей.*

— Ну и хорошо, что в середине 90-х поверили, ибо это обеспечило образовательный бум, столь нужный Польше, чтобы отработать задолженности в этой сфере. И, кстати, образование давало конкурентные преимущества молодым в 1995-2006/2007 годах. Но мы показываем в докладе, как изменилась образовательная стратегия, особенно в семьях с более низким культурным и материальным капиталом. Некоторые уже уяснили, что, возможно, лучшим выбором для будущего рынка труда была бы профессиональная школа, а не высшая. Это тоже важная черта молодых. При высоких запросах они умеют рационализировать выбор. Поэтому правительство должно быстро улучшить условия функционирования профессиональных школ.

— *А разве нынешний кризис не показал, что запросы молодых ужасно раздуты? Вы возьмете на себя смелость заявить: «В течение долгих лет множество людей жило будущим, а правда такова, что не каждый может иметь хороший автомобиль и два раза в год ездить на каникулы за границу»?*

— Не государство, а жизнь прокалывает воздушный шарик запросов. Государство — не для прокалывания шариков. Разумное правительство знает: чем выше запросы граждан, тем лучше перспективы на будущее. Запросы окрыляют. Правительство должно только создавать такие условия, в которых люди могли бы реализовать как можно больше из своих ожиданий и целей. Если люди говорят, что хотят перепрыгнуть горы, то пусть прыгают. Если не получится, можно подумать, не вернуться ли из Альп в Татры.

— *А вы не боитесь, что не в Татрах, а под окнами канцелярии премьера увидите польских «разгневанных»?*

— Нет. Вы пользуетесь тезисом, который возник в развитых обществах. Посмотрите на протесты в Мадриде, на горящие магазины в Лондоне. Там актуален вопрос: будет ли поколение детей иметь еще более комфортную жизнь, чем родители? В Польше, учитывая, что в цивилизационной гонке мы всё еще движемся далеко за лидирующей группой, смело можно сказать, что молодое поколение по сравнению с моим окажется на шаг впереди. Конечно, это не будет такой скачок, как от прилавков с одним уксусом до супермаркетов с двумя десятками сортов французского сыра или от двух цензурируемых телепрограмм до неограниченного доступа к СМИ через телевидение или интернет, но изменение будет ощутимым.

Открытым остается вопрос о будущем детей ваших детей. Пока нам еще слишком многое предстоит сделать и исправить. Мы отметили решительное улучшение в создании каналов связи, у 97% поляков есть сотовые телефоны, но повсеместный доступ к широкополосному и быстрому Интернету — эту задачу еще предстоит решить.

— *Вы представляете молодое поколение как рационалистов, которые соизмеряют намерения с силами и знают, что нельзя иметь всё. Но ведь в 2007 г. голосовать за «Гражданскую платформу» их убедили обещания, а сегодня, согласно исследованиям, они потихоньку перетекают к «Праву и справедливости», потому что там получили новые обещания.*

— Четыре года назад никакие пустые обещания молодежь не притягивали, а притягивало обещание, что мы покончим с опасной патологизацией государства, с превращением его в структуру, стоящую выше ответственности, с бессмысленным вмешательством в жизнь людей. Мы слово сдержали. Исчезло ощущение угрозы. Кроме того, двум третям молодых близки установки self-made man'a, они хотят быть кузнецами своей судьбы. Только одна треть — с иждивенческими претензиями.

— *Мало кто доволен тем, чего удалось достичь в Польше за четыре года.*

— У меня здесь чувство вины...

— *Я весь внимание.*

— Чувство вины, ибо не получается достаточно убедить, что мы идем правильным путем и что надо сделать с нами следующий шаг.

— *«Следующий шаг. Вместе» — это заголовок предвыборной программы «Гражданской платформы». Но граждане видят это вот как: мы или слишком часто останавливаемся, или слишком медленно идем.*

— Я с самого начала разговора старался разъяснить, что мы оказались как раз на таком этапе развития, где должны совершить скачок.

И еще одно. Мы не идем слишком медленно. Мы идем со скоростью, которую позволяют внутренние условия, экономический кризис в мире, какого не было восемьдесят лет. Можно ли идти чуть быстрее? Да, это требует хорошей формы, которая приобретается, как и опыт.

Недавно мы провели анализ, показавший, что было бы, если бы рост нашего ВВП в последние четыре года достигал не 15 с лишним процентов, а был как средневропейский, т.е. 3,5%. Оказалось, что уровень риска обнищания был бы в два, даже в два с половиной раза выше. В 2002-2007 гг. на валоризацию пенсий было направлено 15,3 млрд. злотых, а в 2008-2011 — уже 30,5 миллиардов! Это значит, что, возможно, не у всех в кармане стало больше, но и не стало меньше, тогда как все вокруг Польши теряют.

Другой пример: за последние четыре года число рабочих мест выросло на миллион, в 2006 г. безработных среди молодежи было — при экономическом росте — более 6%, 690 тысяч, а сегодня, в период кризиса, — около 360 тысяч. Мы — одна из пяти стран в мире, где за последние три года достигнут максимальный прирост ВВП на душу населения. И это не правительственные данные, а из-за рубежа, так что прошу меня не подозревать в пропаганде. А вас не интересует, как всё это удалось?

— *Интересует.*

— Самые жесткие ограничения государство взяло на себя, не урезая, например, ревалоризации пенсий. Я принимаю участие в различных дебатах, где мне все кричат, как страшно выросла безработица. Потом я еду в Брюссель, и все говорят, чтобы я взглянул на данные и увидел, насколько хорошо Польша держится.

— *А в этих выкладках можно найти ответ на вопрос, почему за двадцать лет мы не построили автострад с севера на юг и с востока на запад?*

— Была одна неудачная попытка, когда мы дорого заплатили за варшавский участок, хотя за его качество нам в Европе, конечно, не придется краснеть. Второй проблемой был спор с китайцами.

Хочу, однако, напомнить, что имелось два сценария на выбор.

Первый: строить, как предшественники, то есть, собственно, не строить. Жить себе в убеждении, что какой-то черт всё время нам мутит — и ничего с этим не поделаешь. Вариант второй: потратить год на упорядочение жуткой правовой неразберихи на всём огромном инвестиционном фронте, а потом резко взяться за работу. В результате Польша перекопана, но три года назад мы выделяли на строительство дорог 2 миллиарда в год, а сейчас — 28 миллиардов. Так что проблема не только в том, насколько быстро и эффективно государство распоряжается этими деньгами, но и в том, как их осваивают строительные фирмы. Я выбираю второй вариант.

Пусть лучше Польша будет перекопана, чем блаженно спит. Потому что через два-три года у нас будет скелет системы очень хороших дорог.

— *Но впусую ушло 22 года.*

— Хотите знать, почему в Чехии и Венгрии быстро построили сеть автострад, а у нас — нет? В 90-е годы мы не сумели понять, насколько важны государственные инвестиции в этой сфере, не смогли создать законодательство, упрощающее строительство. У нас не хватило смелости сказать себе, что надо направить на это государственные средства, потому что Лешек Бальцерович, при всем моем уважении, повторял, как мантру, что мы должны экономить и душить дефицит. Это всегда важно, но дефицит и так не удалось уменьшить, а дороги не появились. Политика того периода не ориентировалась на инвестиции в развитие, отчасти полагая, что что-то само по себе произойдет с инфраструктурой. В последние годы был отмечен рост инфраструктурных инвестиций (в том числе из средств Евросоюза) с уровня около 13% ВВП до 16,8%, то есть в среднем ежегодно на 50 млрд. злотых! Вот ключ к развитию на сегодня и на завтра — не снизить этот уровень.

Равновесие — это не ценность сама по себе, ценность — это развитие. Равновесие должно служить, в частности, тому, чтобы под меньший процент заимствовать деньги на инвестиции. Из этого порочного круга нас вырвал как раз денежный поток из Евросоюза. Короче говоря, на наше правительство обрушилось почти двадцатилетнее опоздание, и повторю: каким бы ни был итог выборов, я предпочитаю Польшу перекопанную, которая через три года будет приведена в порядок, Польше неперекопанной.

— *В 2030 году моей дочери будет 21 год, сыну — 18. Как будет выглядеть их жизнь?*

— Черный сценарий: до 2020 г. мы не сумеем разумно выделить деньги на проекты развития — автомобильные и железные дороги, выравнивание условий в регионах. Одновременно не приспособим образование к требованиям цифрового мира. Мы попадем в замкнутый круг, политика будет все более и более патологической. Будет расти число людей, уезжающих из Польши — не временно, а навсегда. И оптимальный сценарий: мы высвободим достаточно энергии, чтобы после периода преобразований осуществить новый скачок. Мы реформируем образование и пенсионную систему, построим автострды и модернизируем железные дороги, которые, подчеркну, в еще худшем состоянии, чем автомобильные. Увеличим инновационность и участие в культуре. Улучшим демографические показатели; убедим людей, что 2 + 2 — это семья-минимум.

— *Благодарю за совет.*

— Здесь, разумеется, нет никакого принуждения, только ясная постановка вопроса. Сила населения, энергия, которую дает численность граждан, — этого нельзя переоценить.

— *Большим планам не привыкать разбиваться о мелочи. Вот правительство захотело подарить ученикам ноутбуки, а один из экспертов вынужден был указать правительству на... отсутствие розеток в классах. Розетки должны быть в полах, у каждого стола, чтобы дети не цеплялись за провода. Надо перебрать полы в тысячах школ, — этого не получится.*

— Получится. В управлении мы должны наконец перейти к проектным задачам. Назначить, например, начальника проекта «Цифровая школа», чтобы он изучил все препятствия и предложил решение. Пусть этим не занимается министр.

— *То есть — вскрываем полы?*

— Если наши дети должны быть конкурентоспособны, следует, наверное, пережить период под названием «раскопанная школа». Или «класс со вскрытым полом». Очень недолгий, при хорошей организации общего проекта и тысяч малых проектов это все можно сделать за каникулы.

— *А вы случайно не сошли с пьедестала независимого специалиста и не внедрились ли крепко в политику? Есть такой момент, когда человек начинает понимать, что без политической поддержки немного возможно?*

— Я остаюсь максимально осторожным по отношению к миру, в котором происходит партийная борьба. Но для будущего Польши очень важно качество руководства и руководителя, и я вижу, что нынешний лидер — лучший для достижения стратегических целей. Это не автоматический перенос, а рациональное решение. Впрочем, я в 2005 г. помогал Яну Роките в работе над программой будущего правительства. В 2007 г. писал некоторые разделы программы «Гражданской платформы», а потом объединял всё воедино. То есть я уже давно не остаюсь стопроцентно неангажированным. Но я люблю ангажироваться в хорошую политику, а не в политику вымыслов.

Сыграло свою роль и кое-что личное: смоленский опыт укрепил во мне чувство покорности судьбе, а вместе с тем показал, как важно то, что я называю государством без швов, то есть учреждения и чиновники, которые не красуются публично, а выполняют тяжелую работу. Но и что-то во мне дало трещину: как раз тогда появились голоса, которые всё твердят, кто имеет право встать под бело-красный флаг. Да, я в этом случае эмоционален, но я не выношу, когда других исключают из сферы общих ценностей.

В нашем правительстве мы не вывесили никаких белых флагов, мы с самого начала шли под бело-красным, и хотим так идти следующие четыре года. Здесь есть место для всех.

Беседу вел Марек Зайонц

TYGODNIK POWSZECHNY
KATOLICKIE PISMO SPOLECZNO-KULTURALNE

Тадеуш Ружевич

Перевод
Андрея Базилевского

СТИХОТВОРЕНИЯ

Мелкие объявления и предсказания

меняю зрение на осязание
осязание на обоняние
обоняние на вкус
вкус на пикантные палочки
с беконом в цветном перце
меняю палочки на стишки
Опиши мне нежность
а я тебе скажу
будешь ли ты графоманом
опиши мне счастье
которое тебе выпало и
несчастье
которое на тебя свалилось
а я скажу тебе кто ты
скажи мне в стихотворении
предельно кратком
чем отличается любовь
от ненависти
чем отличается
чёрный квадрат от белого
а я тебе скажу
будешь ли ты Малевичем
или только рамой к картине
скажи мне чем отличается
вторник от среды
а я скажу тебе кто ты
футуролог или футуро-
брехун
скажи мне когда мир кончится
а я тебе скажу когда
он не кончится

Элегия

Памяти Ч.М.

без пяти двенадцать!

спрашиваю себя
когда ты напишешь Элегию
о вине и хлебе?

хотел отделаться рифмой
ответить «в небе»
да провалился сквозь землю
от стыда

жизнь крота веду я давным-давно
уже не помню
что такое песня
женщина и вино

на зелёном лугу
чёрные бугорки
мои тоскующие по солнцу
памятники
и больше нет никаких следов
от бесконечных трудов

а что с нами?
с нашими спорами
дружескими
Ты уже умер не спросишь
что со мной?
я старые формы и облаченья
швырну куда-то

Врата смерти

Памяти Генрика Берески

когда я начинал писать стихи
ещё были живы «все»
потом они стали уходить

труднее всего
пройти сквозь врата смерти
без помощи Ангела

верующий проходит
сквозь врата смерти
с закрытыми глазами
после перехода
у него на губах улыбка

у меня позади дорога
которая с каждым часом
всё длиннее
а путь предо мной
всё короче

вера в то что существует
это не вера а знание
вера в то чего нет —
вот истинная вера

тому кто верит что Бог есть
чудеса не нужны
сама его вера — чудо

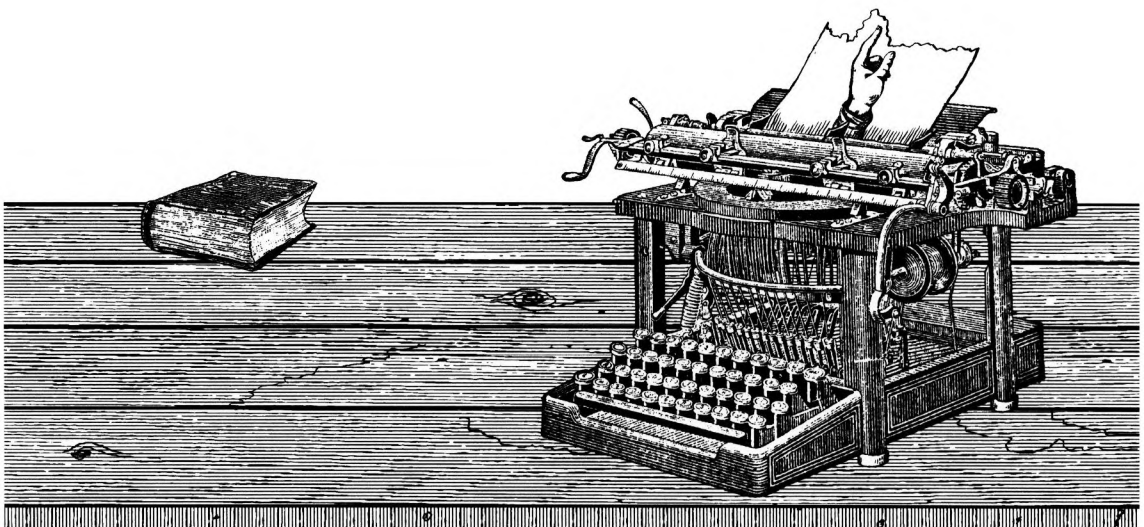
тот кто знает что любовь существует
обязан её описать
открыть другим её лик

Врата смерти
Загадка их конструкции в том
что врат этих нет
и в то же время они
широко открыты для всех

они так узки
что человек протискивается сквозь них
в поте лица
продирается с кровью
годами пища
или рыча от страха

счастлив тот кто умирает
во сне
а его держит за руку
Эвридика
которая смертна
и плачет оттого что ей придётся дальше
жить одной

Вроцлав, 2005

Исполняется 150 лет со дня смерти Мицкевича

Дух (смеясь) А знаешь ли ты,
что будет с Польшей через двести лет?

знаю вижу Адам
первый Ты мой Человек

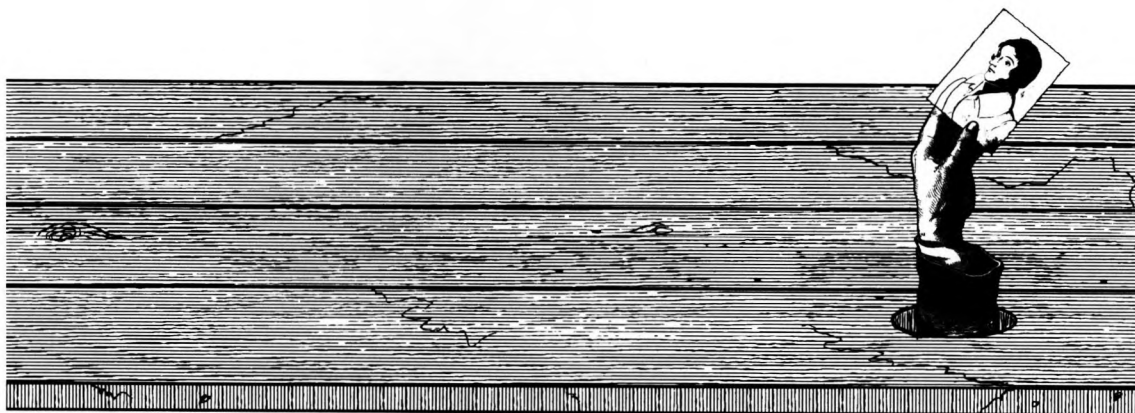
знаю вижу чувствую
сердце сжимается
«сердце разрывается»
на старинный лад

«скажи моим детям
пусть любят
друг друга»...
это было Твоё завешание

но дети
друг друга не любят
людей мир себя калечат
утратив разум...
плюют друг на друга и жрут друг друга!

из Стамбула из печального дома
из тёмной клетушки
ещё сочится твой шёпот
«пусть любят друг друга»

шёпот течёт стихает
не дошёл он до нас
до нашего Дома
сердце болит замирает
я очнулся

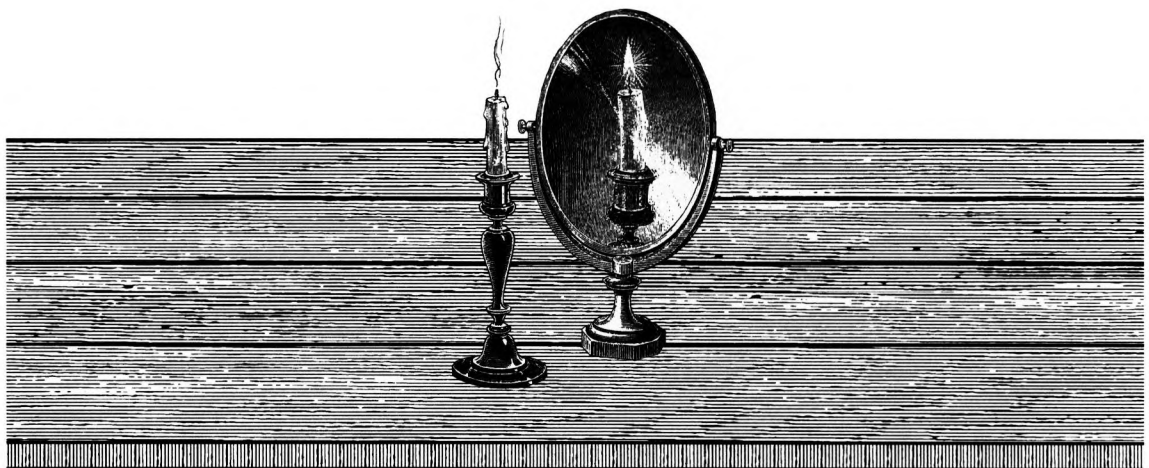
какая вокруг тишина

«пусть любят друг друга»
выветрившиеся слова
много лет доносятся до Польши
из Рима Стамбула

постепенно слабеют
гаснут
ищут новых уст
которые их повторяют

но где спрятать слёзы
что делать со слезами
в ноябре
лучше всего спрятать слёзы
в улыбке
удрать душой на листок

ноябрь 2005

Философский камень

надо усыпить
этот стих

прежде чем он начнёт
философствовать
прежде чем он начнёт

озираться
ожидаая комплиментов

слишком чуткий к словечкам
взглядам
он ищет спасенья
у философского
камня
прохожий ускорь шаги
не поднимай этот камень

там стишок
белый голый
превращается
в пепел

2002-2003

Лешек Шаруга

УСЫПЛЕНИЕ СТИХА

(О стихотворении Тадеуша Ружевича «Философский камень»)

Тадеуш Ружевич

В поэзии Ружевича много отсылок к понятию «философский камень»; пожалуй, самая прямая содержится в посвященном Целану стихотворении «Der Tod ist ein Meister aus Deutschland». Овеянный таинственностью разговор автора «Фуги смерти» с Хайдеггером сопровождается вопросом комментатора: «какой вопрос / поэт задал философу / какой философский / камень / лежит у дороги / к лесной избушке». Еще один важный контекст дает стихотворение «Философы». В нем осмыслены позиции Хайдеггера и Ясперса по отношению к нацизму во времена, когда он еще не обнаружил своих последствий, описанных

в финале произведения-аллюзии к знаменитой максиме Иммануила Канта: «над Германией и Европой / хрустальная ночь / погасло звёздное небо / умер нравственный закон». Нет ничего удивительного в том, что стремление стиха к «философствованию» может показаться опасным, поскольку философы — а именно традиция немецкой философии служит в поэзии Ружевича основной точкой отсчета — ведут в освобожденное от нравственных законов пространство «хрустальной ночи».

Какие философы? Да те, которые начинают «озираться / ожидая комплиментов». Такое случается и со стихом: «белый голый» — белизна имеет в этой поэзии особый смысл — он «ищет спасенья / у философского / камня». Однако что же это может значить? И что такое — этот камень (философский)? Поднят ли он для того, чтобы им ударить? Или это надгробный камень с сообщением о героической смерти (ассоциация с Фермопилами в анализируемом стихотворении очевидна)?

Интересней всего было бы разобраться, что означает «там» в финале стихотворения. Там — то есть где? Проще всего — придерживаясь текста — сказать, что «там» означает пространство, где стих «начинает философствовать» и «озираться / ожидая комплиментов». Там — то есть «у философского камня», которым, похоже, обозначен центр данного пространства. Стих там «ищет спасенья», поскольку он «слишком чуток к словечкам / взглядам». Однако стих, что кажется очевидным, по своей природе должен быть «чуток к словечкам». К словечкам? Скорее, к словам. «Словечки» в этом стихотворении — то же, что «комплименты», то есть «милые словечки» и только. Стих, чуткий к словечкам, даже тогда, когда он ищет спасенья «у философского камня» — а может быть, более всего тогда — подозрителен, возможно, даже опасен. Ведь это стих философский — начинающий философствовать: тем самым он предает свою поэтическую природу, изменяет себе самому. Он уже не стих, а — «стишок».

В начале текста речь идет о стихе, в конце — о стишке. Что значит эта перемена? Вместо поэтического Слова появились «словечки», которые в конце концов превратили стихотворение в жертву, привели к его испепелению. Таким образом, определение «стишок» отмечено не только снисходительностью, но и сочувствием к судьбе стиха, который «начал философствовать». То есть философствование — по

крайней мере, так тут написано — это для поэзии своего рода ловушка. Стих, предметом которого становится философский камень, следует усыпить, прежде чем он оуклится и станет «стишком», прежде чем он захиреет, утратит силу и чистоту выражения. Определение «стишок», кстати, можно прочесть и в контексте замечаний Ружеви́ча о том, что поэзия сегодня уже не может пользоваться «языком муз», а должна говорить на «человеческом языке». В этом случае поиск спасения у философского камня можно понимать как отказ от «человеческого языка».

Если принять такую трактовку, можно понимать «поиск спасенья» как попытку уберечься от вторжения «человеческого языка» — языка вещественного и жесткого, свободного от «приукрашиваний» и философских «обоснований», ведущих в мертвый пейзаж пепла, в пространство Гибели, в котором «погасло звёздное небо / настала хрустальная ночь». Спасти стих может только его правда: суровая, не связанная ни с какими «системами», не опирающаяся на веру в возможность найти «философский камень» (такая вера лежит в основе убеждения, что мир можно упорядочить согласно единому, универсальному принципу).

Если стих — стремясь скрыться от правды жизни, выраженной в «человеческом языке», — ищет веры в тоталитарную по сути формулу всеобщей гармонии, его «надо усыпить». Причем этот оборот следует понимать по крайней мере в двух основных значениях. Первое направляет стих в пространство сна — свободной, по сути сюрреалистической игры воображения. Второе более резко и беспощадно: «усыпить» стих — это то же, что лишить его жизни (так часто поступают с домашними животными). «Усыпить», наконец — это то же, что приостановить активность. Применительно к стиху, вознамерившемуся философствовать, а значит, неизбежно стремящемуся к переходу в «стишок», правомерны обе интерпретации. Однако правомерны они при одном условии: при условии, что будет определено понятие «философствования», прояснено, что есть для этой поэзии «философский камень».

По-видимому, одно не подлежит сомнению: в пространстве данного текста философствование — активность, для поэзии небезопасная, даже губительная — особенно тогда, когда она устремлена к поиску «философского камня», который, как-никак, о чем следует помнить, есть субстанция магическая, позволяющая добыть дающий бессмертие эликсир жизни. Так что здесь философствование — по существу род алхимии, реализованной в «чуткости к словечкам / взглядам». Такое «алхимическое» понимание поэзии, выражаемое горациевой формулой «*non omnis moriā*», — дань опасной фантазии. Ружеви́ч возражает ему в посвященном Целану стихотворении: «Знаю, что весь умру / и отсюда / то слабое утешение // что даёт силу / жить вне поэзии»: силу, повелевающую просто жить.

Жизнь — единственная ценность, которая выше, чем метафизика и мистика. В стихотворении, посвященном мастеру Якобу Бёме, сапожнику, искавшему универсальный язык — *lingua adamica*, важнее всего не его поэтическое мудрствование («это не мой мастер», — говорит Ружеви́ч), но факт, что этот «*philosophus teutonicus*» был (как вновь указано в скобках) умелым ремесленником: «это был хороший сапожник». А в стихотворении «Тайна философа» упор сделан на признание, сделанное в «тайных дневниках» Витгенштейна, и цитируется его знаменитая финальная формула из «Логико-философского трактата»: «*Wovon man nicht sprechen kann / darüber muss man schweigen*» («О чем невозможно говорить, о том следует молчать»). Автор заявляет: опубликовавшие эти записки «злые люди / продали философа / и его великую тайну / что он о... / как мальчишка / как рекрут как миллион сто миллионов мальчишек», — и комментирует: «всё это страшно и смешно / как тигр в цирке / или обезьянка, которая онанирует в зоопарке / на глазах / своих больших братьев / из вымирающего вида / “*Homo sapiens*”».

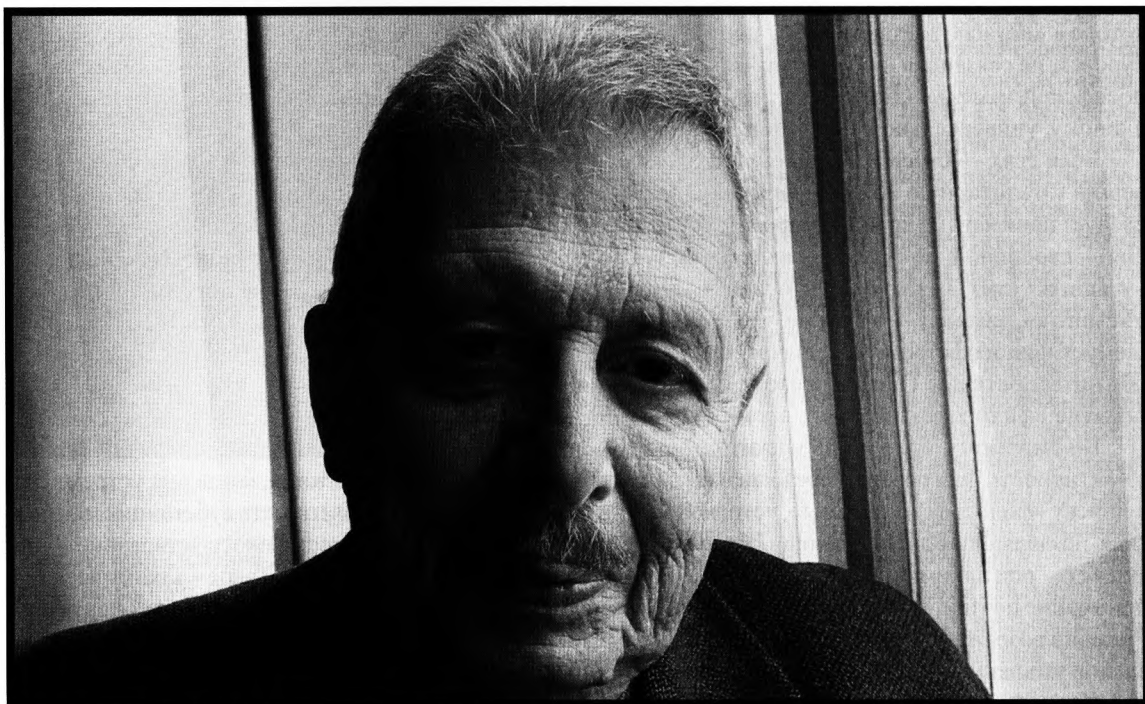
В этом контексте стих, который начинает философствовать, не дает силы жить вне поэзии, не дает и утешения, даже слабого, позволяющего жить по-человечески, он наконец становится смешон, когда — в поисках спасения «у философского камня» — раскрывает жалкую и прозаическую «тайну философа». Поэтому прежде чем он незаметно — или по чьей-то невнимательности — перейдет в «стишок» (между прочим, это одно из ключевых понятий поэзии Ружеви́ча) и, обнаженный, превратится в пепел, следует его «усыпить». Таков, как кажется, один из возможных вариантов «смерти поэзии» и таково решение дилеммы из «Сезона 1966»: «вот проблема достойная поэта: / как не писать стихов / как не написать / ещё один стишок».

Эльжбета Савицкая

ПУСТОЙ ПЕРРОН

Прощание с Анджеем Мандальняном

От нас ушел Анджей Мандальян, человек огромного личного очарования и небывалого чувства иронии. Поэт, прозаик, сценарист и переводчик, многими нитями связанный с Россией и ее культурой.

В России, прежде чем поселиться в Польше и стать польским писателем, он провел детство и юность, по-русски писал первые стихи. В Советском Союзе юнцом он уверовал в коммунизм и мечтал о мировой революции. Наконец, спустя годы, когда он уже расстался с мифами своей молодости, русская литература нашла в нем чуткого и преданного переводчика. Он перевел на польский, в частности, стихи Осипа Мандельштама, Марины Цветаевой, Иосифа Бродского, рассказы Василия Аксенова, «Путешествие дилетантов» Булата Окуджавы и его стихи и баллады, а также воспоминания Евгении Гинзбург. Он был составителем нескольких антологий русской поэзии, а в силу памяти об армянских предках — и антологии древнеармянской поэзии.

Анджей Мандальян родился 6 декабря 1926 года в Шанхае. Его родители, армянин и полька, агенты Коминтерна, участвовали в революции в Армении, в Китае, а позже — в испанской гражданской войне. Во время «большой чистки» отца расстреляли, мать посадили. Мальчика растили тетка и комсомол. Во время Второй Мировой войны он учился в механическом техникуме в Москве, потом в медицинском институте. В Польшу репатриировался в 1947 году.

Он входил в молодежное литобъединение при «Комсомольской правде» и первые стихи писал по-русски. В Варшаве дебютировал в 1950 г. в «Новой культуре» стихотворением «Сверчевский».

Трудно себе представить этого необычайно умного, мягкого человека ярким представителем агитационно-производственной лирики. Увы, так было. Вместе с Виктором Ворошильским и Анджеем

Брауном он выпустил «Весну шестилетки», один из поднятых в ПНР как знамя сборников соцреалистической поэзии. В начале 1950-х он стал известен как автор, например, «Песни о классовой борьбе» и стихотворения «Товарищам из госбезопасности». Свою ангажированность он спустя много лет объяснял журналисткам, писавшим книгу «Лавина и камни. Писатели перед лицом коммунизма»:

«Я считал, что здесь, в Польше, всё иначе и всё будет иначе, что все ошибки системы именно здесь будут исправлены, что Великая Утопия здесь будет осуществлена. Почти все, кто репатриировался в Польшу одновременно со мной и активно включился в строительство новой системы, прошли тюрьмы и лагеря. Для меня это было залогом: они не допустят, чтобы в Польше произошло то же самое, что в СССР. Кстати, прошу не забывать, что из страны страшного порабощения я перебрался в страну дикой свободы»

После смерти Сталина Мандальян пережил шок. Зачитывая на открытом собрании Союза польских писателей доклад Хрущева, он дошел до фамилии некоего Родоса, следователя-палача, в 1939 г. пославшего на расстрел отца Мандальяна. Очевидцы помнят, что в этот момент он не выдержал. Как поэт он замолчал на многие годы, занялся переводами.

От прежних политических взглядов окончательно он отошел в 70-е годы, положил партбилет и включился в действия оппозиции. В 80-е годы, уже в самиздате, он выпустил роман «Операция Карфаген», а несколько лет спустя — сборник рассказов «Красный оркестр». Рышард Матушевский назвал этот сборник попыткой автора разгадать абсурд своей юношеской веры и рассчитаться с ней. По словам Матушевского, это отличная проза, «из гоголевской шинели»: «она искрится не только иронией, но время от времени и невероятным черным юмором».

Однако прежде всего Анджей Мандальян останется в нашей памяти как выдающийся поэт, чуткий к красоте слова. Еще в 70-80-е годы выходили сборники его стихотворений («Пейзаж с кометой», «Экзорцизмы»), но только в двух последних книгах стихов, написанных после смерти жены, славистки Иоанны Рапацкой, он поднялся на вершины лирики.

В 2003 г. он выпустил посвященный памяти жены сборник «Лоскут плащаницы» («Я думал, это рубчик платья, а это был лоскут плащаницы...» — писал он). Поразительная книга плачей. Жалобы и ламентации, однако лишенные пафоса:

*Ищет старик свою Покойницу.
— Как мне узнать тебя среди стольких прахов,
лишенную тела?
Он и сам уже горстка пепла
от обугленной памяти,
что по-прежнему тлеет; в здоровье и в болезни,
пока смерть нас не...*

«Лирика Мандальяна — глубоко личная, тихая, полная раздумья. Это поэт, говорящий о своей экзистенциальной ситуации, о жизни и — прежде всего — о смерти самого близкого человека», — писал тогда на страницах «Газеты wyborczej» Михал Гловинский.

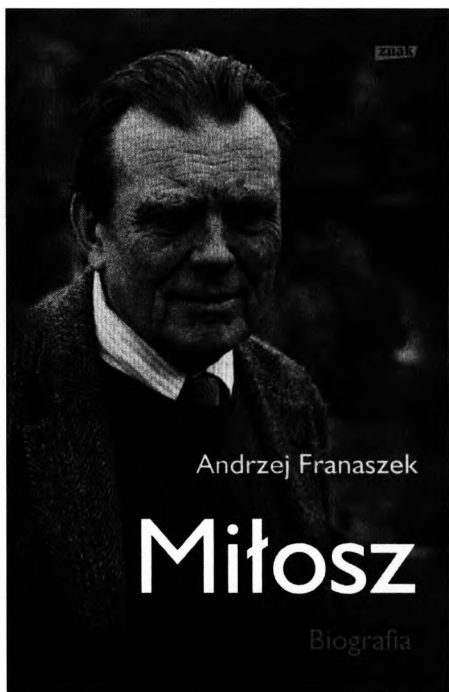
В 2008 г. Мандальяна выдвинули на литературную премию «Нике» за сборник стихов «Поэма отъезда». Их действие происходит на фоне варшавского Центрального вокзала, по которому движутся «вынесенные за скобки» — нищие, бомжи, проститутки. Место реальное и в то же время символическое — с него уезжают только в одну сторону. «Так вот он, перрон, с которого скоро уеду», — писал поэт, готовясь к последнему путешествию.

Анджей Мандальян умер в Варшаве 24 ноября 2011 года на 86-м году жизни. Похоронен 1 декабря на воинском кладбище в Повонзках.

Ярослав Клейноцкий

МИЛОШ ПОД ЛУПОЙ

Почти тысячестраничная биография Чеслава Милоша, принадлежащая перу Анджея Франашека, включает в себя собственно текста «всего лишь» чуть более семисот страниц (остальное — это примечания и библиография, превосходящие по своему объему несколько дипломных работ о творчестве нобелевского лауреата). Книгу можно прочесть даже меньше, чем за месяц, так что все, кто, узнав, насколько обширен этот труд, уже со страхом отказались взяться за чтение, должны пересмотреть свое решение. Потому что — и об этом следует сказать сразу — работа Франашека прекрасно читается. Автор нашел верный тон и стиль — умеренно отстраненный и одновременно по-своему доверительный, что делает чтение истинным удовольствием.

К счастью, это не «биография-расследование» (как, например, известная работа Артура Домославского о Рышарде Капустинском), а «биография-понимание». Здесь нет болезненной погони за скандалом, за разоблачительством, срыванием масок или разрушением мифа. С другой стороны, Франашек, хотя и признается в конце своего труда в преклонении перед Милошем, не создает и жития — какие бы то ни было попытки идеализации ему чужды. В результате удастся найти ту золотую середину между крайностями,

которая позволяет разворачивать откровенное повествование о творчестве и жизни Милоша. При этом биограф вполне добросовестен: он не скрывает и не закрывает неясных вопросов (касающихся как жизни, так и творчества его героя), однако пишет о них с позиции наблюдателя, стремясь скорее истолковывать, чем оценивать. И это безусловное достоинство книги.

Некоторые академисты (разумеется, не все) будут слегка морщиться. Ибо Франашек объединяет (кто-то скажет «смешивает») дискурсы разного порядка. Он приводит письма, а также неопубликованные тексты (имея доступ к архиву поэта) и литературные произведения (в особенности — и главным образом — стихи), которые толкует «центростремительно», т.е. относя их собственно к биографии. В польской исследовательской традиции творчество чаще толкуется «центробежно»: произведения относятся к внебиографической действительности или к различным контекстам — философским, историческим, эстетическим. Концепцию Франашека, усматривающую в литературных произведениях объяснение (иллюстрацию? демонстрацию?) жизненных позиций писателя, можно, с одной стороны, отнести на счет психоаналитических склонностей комментатора, а с другой — объяснить воздействием англосаксонской, например, биографической школы.

По сути своей книга Франашека — это соединение биографии и монографии. Сам автор указал на эту черту (иные, вероятно, скажут: изъян), в которой можно усмотреть также неповторимый композиционный ход, сформулировав собственные конечные намерения: «Ты хорошо знаешь, что на тему так называемого труда уже написаны Гималаи текстов, здесь не прибавишь много. Это его жизнь, без сравнения менее известная, фраппирующая, необычайная, это твой рассказ, — должен был сказать я себе в конце концов». Что же следует из этой методы? Безусловно, какой-то недостаток с точки зрения профессиональных исследователей литературы, но и радость для читателей. Да и что сказать: книга

Франашека — это «обязательная программа» для всех, кто интересуется жизнью и творчеством Милоша. Как для простых любителей, так и для тех, кто намеревается углубить собственное изучение творчества писателя. Посмею заявить, что это уже каноническое чтение для тех и для других.

И все же есть одно «но». Ясно видна определенная диспропорция в построении книги. Труд Франашека чрезвычайно подробен, скрупулезно детален, когда касается периода «до Нобелевской». Последние годы жизни и творчества Милоша — это скорее конспект и набросок. Думаю, это результат стремления, чтобы биография нобелевского лауреата увидела свет в юбилейном году, в момент празднования. Одновременно это означает, что труд требует продолжения в следующем, расширенном издании. Возьмем, к примеру, фразу Франашека, описывающую активность Чеслава Милоша в девяностые годы XX века: «Он давал интервью, принимал участие в радиопередачах и телевизионных программах, высказывался в документальных фильмах, участвовал в различных акциях, публичных дискуссиях, подготовил десятки лекций, создал и присуждал собственную литературную премию, участвовал в организации очередных американско-польских поэтических семинаров, хранил память об умерших поэтах, отыскивал и пропагандировал книги молодых писателей». Сколько здесь сюжетов, проблем, событий! Вот лишь несколько: в то время Милош принимал весьма активное участие в горячей дискуссии о (мнимом?) возрождении идей национал-демократов, выступая, например, на страницах «Газеты выборчей» в числе тех, кто предостерегал от этого (мнимого?) ренессанса национал-демократической мысли. А популяризаторская деятельность? Ведь если бы не статья Милоша о романе Томека Трызны «Госпожа Никто» (как о первой польской постмодернистской книге, — между прочим, далеко не бесспорный тезис), вряд ли бы кто об этом романе услышал, а Анджей Вайда не снял бы (увы, неудачный) фильм по его сюжетной канве. Обо всем этом хотелось бы прочесть больше, так же как хотелось бы узнать о личной жизни нобелевского лауреата, о его браке с Кэрол столь же детально (и одновременно столь же взвешенно), как описан первый брак Милоша и его художественно-публицистическая деятельность «до Нобеля».

Впрочем, чрезмерные претензии были бы несправедливы. Анджей Франашек откликнулся на, безусловно, серьезнейший вызов и, следует признать, победил. Биография выполнена с размахом, и остается лишь удивляться труду и мастерству автора.

Однако же какой Милош вырисовывается со страниц этой и в самом деле капитальной книги? Прежде всего подготовленная Франашеком биография отвергает общепринятый миф, что автор поэтического трактата — это баловень судьбы, человек непрестанного успеха. Рассказ о периодах бедности или даже настоящей нищеты (довоенной или эмигрантской — во Франции), о многочисленных личных и семейных драмах (болезнь и смерть первой жены, смерть второй, психическая болезнь младшего сына Петра) произведет на читателя большое впечатление, в особенности потому что, как уже было сказано, Франашек ничего не стремится скрыть, но одновременно пишет о щекотливых ситуациях столь же тактично, сколь и объективно. То же относится к тем вопросам биографии Милоша, которые остаются нераскрытыми, непонятными и не до конца еще выясненными, как, например, дело с литовским оккупационным паспортом, обстоятельства выбора эмигрантского пути в начале пятидесятых или романтических, что скрывать, отношений поэта со многими, часто весьма известными женщинами.

Чеслав Милош появляется в этой биографии как полнокровный человек и утонченный интеллектуальный писатель. Занятый в своем творчестве преимущественно возвышенными философскими, экзистенциальными и религиозными дилеммами, но одновременно сталкивающийся в реальной жизни с тяжкими конкретными проблемами. Книга Франашека — это труд о необычайном человеке, жизнь которого может быть для нас, читающих, уроком. Если только мы хорошо, внимательно и с пониманием ее прочитаем.

Franaszek Andrzej. *Milosz: biografia*. Kraków: Znak, 2011.

NOWE
KSIĄŻKI

Эльжбета Савицкая

КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

» В новом правительстве Дональда Туска портфель министра культуры и национального наследия вновь получил Богдан Здроевский.

» 9 ноября в Варшаве в одиннадцатый раз вручалась премия имени Ежи Гедройца «за деятельность на благо польской государственности», учрежденная газетой «Жечпосполита». Премию получил Томаш Петрасевич, главный режиссер люблинского центра «Городские ворота — Театр NN», вместе с труппой. Премией отмечен вклад люблинского центра в распространение знаний об истории люблинских евреев. Возглавляемый Петрасевичем «Театр NN» — один из важнейших центров, занимающихся сбором сообщений свидетелей и участников современной истории, в том числе лиц, спасавших евреев во время Второй Мировой войны.

«Жечпосполита» учредила премию в 2001 г., в первую годовщину кончины Ежи Гедройца, создателя «Культуры» и «Института литератцкого» в Париже. В нынешнем торжестве в Станиславовском театре в Лазенках приняли участие три главных редактора «Жечпосполитой»: новый, недавно назначенный на эту должность Томаш Врублевский, а также два бывших — Гжегож Гауден и только что оставивший пост Павел Лисицкий. В прежние годы лауреатами премии имени Ежи Гедройца были Ежи Клочовский, Збигнев Глюза и Центр «Карта», Анджей Пшевозник, Марек Карп и Центр восточных исследований, Наталья Горбаневская, Ежи Помяновский, Богдан Осадчук, Кшиштоф Чижевский, Зигмунт Бердыховский; в прошлом году премией был отмечен коллектив телеканала «Белсат» во главе с Агнешкой Ромашевской-Гузы.

Почетный покровитель премии — президент Бронислав Коморовский.

» Януш Гловацкий стал лауреатом премии имени Чеслава Милоша, присуждаемой с 2006 г. посольством США в Варшаве за вклад в американо-польское сотрудничество.

«Януш Гловацкий по обе стороны Атлантики достиг статуса «икон» как в литературе, так и в театре. По мнению поляков, пожалуй, никто не показал с подобной иронией и юмором жизнь эмигрантов из Восточной Европы в такой земле обетованной, как Нью-Йорк», — отмечено в официальном сообщении о присуждении премии.

Гловацкий — автор многих пьес, в числе которых «Замарашка», «Охота на тараканов», «Антигона в Нью-Йорке», «Четвертая сестра», романов «Последний сторож», «Из головы», и «Good night, Джежи» (о Ежи Косинском), сценариев «Охота на мух», «Надо убить эту любовь», соавтор культового фильма «Рейс». В настоящее время работает над сценарием фильма Анджея Вайды о Лехе Валенсе.

В прошлые годы лауреатами премии были Анджей Вайда, Адам Загаевский, Юлия Хартвиг и другие.

» В нынешнем году лауреатом литературной премии имени Юзефа Мацкевича, традиционно присуждаемой правыми общественными группами в День независимости 11 ноября, стал Войцех Венцель за сборник стихов «De profundis». Венцель (1972 г.р.) — поэт, эссеист, литературный критик и фельетонист еженедельников «Гость недзельный» («Воскресный гость») и «Газета польска», а также сотрудник выходящего раз в два месяца журнала «Аркана».

— Наконец мы дождались от него сборника стихов, в своей глубинной сути политического, награждаемого в нынешнем году «De profundis», — сказал Рафал Земкевич в официальной речи в честь лауреата. — Это поэзия патриотическая, гражданственная, вырастающая из мицкевичевской традиции.

В последнее время богобоязненный поэт из Гданьска чаще всего эксплуатирует сюжет смоленской катастрофы. В Интернете он администрирует страницу wierszeosmolensku.blogspot.com, а на собственной странице Венцель поместил манифест «Гражданская борьба-2010». Манифест

рассматривает Кшиштоф Варга на страницах «Газеты wyborчей»:

«У «Гражданской борьбы-2010» несколько принципов. Первый — «бойкот любых действий, направленных на ослабление духа общества, в особенности попыток преуменьшить ранг смоленской катастрофы и предать забвению память героев, которые 10 апреля 2010 г. пали за родину». Фраза «герои пали за родину» в контексте смоленской катастрофы уже известная и заигранная, но каждый раз повергает меня в столбняк и будит удивительную досаду: мне уже не хочется прояснять, насколько страшным она является злоупотреблением, — я попробую сказать о другом злоупотреблении. Венцель буквально иллюстрирует свой манифест «якорем» — символом сражающейся Польши времен немецкой оккупации».

Варга может быть недоволен и может возмущаться сколько угодно, но именно такой автор нравится жюри премии Мацкевича с ее гордым девизом «Только правда интересна».

» С 3 по 6 ноября в Кракове прошла XV Книжная ярмарка, которую посетили 34 тысячи читателей. В ярмарке приняло участие свыше 500 экспонентов и 400 авторов, среди которых профессор Владислав Бартошевский, Петр Биконт, Михал Витковский, Мирослав Гермашевский, Януш Гловацкий, Мануэла Гретковская, Яцек Денель, Игнаций Карпович, Лешек Мазан, Мария Нуровская, Мариан Пилот, Юлия Хартвиг. Не приехал, вопреки обещаниям, очень ожидавшийся в Кракове Мишель Уэльбек.

В первый раз присуждался титул «Посол Краковской книжной ярмарки». Им отмечены свящ. Мечислав Малинский, Марек Кравчик (бывший председатель Общества попечения над архивом «Института литерацкого» в Париже), Тадеуш Скочка (директор Музея Независимости в Варшаве), Анна Дымная и Кшиштоф Ожеховский (создатели Краковского салона поэзии), а также Иоанна Сулек, автор идеи книжной ярмарки и ее многолетний комиссар.

» В ходе Краковской ярмарки присуждается премия имени Яна Длугоша за лучшую книгу в области гуманитарных исследований. Премией за 2010 год отмечена профессор Ханна Свида-Земба за работу «Молодежь ПНР. Портреты поколений в контексте истории» («Выдавництво литерацке»).

— Книга профессора Ханны Свида-Зембы должна войти в обязательную программу чтения сегодняшней молодежи. Это внимательный анализ нескольких поколений предшественников нынешних молодых со времен Второй Мировой войны, живших в обществе, разгромленном в послевоенные годы, не вполне своем, поработанном чужой империей. Поколений, внутренняя эволюция которых привела к медленной агонии, а затем и краху тоталитаризма и в результате открыла преемникам пространства свободы и материального благополучия, — сказал один из членов жюри, профессор Петр Штомпка.

» В третий раз в Варшаве вручалась учрежденная «Агорой» (издателем «Газеты wyborчей») и Национальным центром культуры премия имени Казимежа Мочарского за лучшую историческую книгу года. Премию получил профессор Анджей Фришке за 900-страничный труд «Анатомия бунта. Куронь, Модзелевский и командос».

— Книга показывает, — сказал на церемонии профессор Генрик Самсонович, — корни бунта, который после многочисленных перемен стал зачатком наших системных преобразований. Две фамилии в заголовке, Яцека Куроня и Кароля Модзелевского, сегодня нами воспринимаются как лозунг. Эти имена стали известны не только поколению «командос», но всем следующим поколениям поляков, а также людям, боровшимся за свободу за нашими границами.

Профессор Самсонович выразил также убеждение, что автор поразительных «Бесед с палачом» Казимеж Мочарский, чье имя носит премия, был бы удовлетворен решением жюри. Мы тоже так считаем.

» 11 ноября, в День Независимости, торжественным концертом в Национальной филармонии в Варшаве завершилось первое концертное турне «I, Culture Orchestra» — коллектива, собравшего молодых музыкантов из Польши и стран «Восточного партнерства». Оркестр под управлением Павла Котли исполнил «Скифскую сюиту» Сергея Прокофьева и Первый скрипичный концерт Кароля Шимановского с талантливой и очень симпатичной солисткой Аленой Баевой. Во второй части вечера прозвучала Пятая симфония Дмитрия Шостаковича, а на бис молодые музы-

канты исполнили мазурку из «Гальки» Станислава Монюшко и увертюру к «Руслану и Людмиле» Михаила Глинки.

Слушатели встретили выступление оркестра овацией. Стоя аплодировала также первая дама Польши Анна Коморовская (президент Бронислав Коморовский не смог посетить филармонию из-за напряженной ситуации после уличных беспорядков в Варшаве).

» 12 ноября минул год со дня смерти Генрика Миколая Гурецкого. По этому случаю Силезской филармонии в Катовице присвоено имя выдающегося композитора. Торжественная церемония состоялась в ходе сессии Силезского воеводского сеймика.

Гурецкий родился 6 декабря 1933 г. в Силезии — в Чернице близ Рыбника. Всемирную славу ему принесла Третья симфония «Траурные песни», на которую его вдохновила народная песня силезских повстанцев. Написанная в 1975 г. симфония вошла в число признанных шедевров симфонической музыки XX века. Запись произведения в исполнении оркестра «London Sinfonietta» разошлась по всему миру тиражом более миллиона экземпляров. Генрик Миколай Гурецкий был лауреатом многих международных композиторских конкурсов, был отмечен званием доктора honoris causa польских и зарубежных университетов. За три недели до смерти, в октябре 2010-го, он получил высшую польскую награду — орден Белого Орла.

» 18 ноября на экраны польских кинотеатров вышел «Кульбит», фильм Грега Зглинского (1968 г.р., ученик Кшиштофа Кеслёвского), награжденный в этом году на фестивале в Гдыне за сценарий. Фильм, с необычной ролью Роберта Венцкевича, — это повествование о двух братьях, жизнь которых замкнута в треугольнике «дом — семья — работа». Рутинное бытие прерывает неожиданный несчастный случай: младший брат, Ежи, жестоко избит. Старший, Альфред (его играет Венцкевич), оказывается свидетелем, но не встает на защиту. В реальную историю вплетается едва ли не библейская — предание о Каине и Авеле.

«В очень подходящий момент нам пришлось посмотреть «Кульбит» — самую заметную польскую премьеру нынешнего сезона, — написал в «Газете выборчей» Тадеуш Соболевский.

— Хотя сценарий написан раньше и не содержит никаких аллюзий на текущие события или настроения в Польше, этот фильм символически вписывается в атмосферу безнадежной братоубийственной борьбы».

» Такого еще не было! На прославленную сцену варшавского Национального театра вторглись темные силы. Страх наводят окровавленные вампиры. Легендарный режиссер молодого поколения Гжегож Яжина показывает «Носферату» — спектакль, вдохновленный готическим романом Брэма Стокера «Дракула». Премьера состоялась 12 ноября. На роль измученного бессмертием вампира ангажировали звезду венского «Бургтеатра». «Вольфганг Михаэль показал вампира, но также и чужого, — пишет Яцек Цесляк в «Жеч-посполитой» в рецензии, озаглавленной «Девы, жаждущие насилия». — Артист классно коверкает наш язык и ломает польские шеи. Это представитель цивилизации, лишенной надежды. Он ищет поживы в стране, «где еще есть девы», то есть наивные идеалисты. Он срывает у женщин крестики с груди, убеждая, что уже несколько сот лет не встречал Бога».

Рядом с инфернальной красоты немцем — знаменитые польские актеры: Ян Фрыч, Ян Энглерт, Сандра Коженяк. Они играют в такт тревожной музыке Джона Зорна, гурзу нью-йоркского авангарда. И всё впустую. Публика разочарована, критики воротят нос. Самое большее — хвалят гипнотическое настроение спектакля. Иоанна Деркачев на страницах «Газеты выборчей» иронически резюмирует впечатления от спектакля Яжины: «Вирус ретро и основательная тоска по прошлому могут затронуть только рафинированную публику. Меланхолия легко превращается в позу. А в «Носферату», кроме со вкусом инсценированной меланхолии, нет почти ничего».

» До конца года в варшавском Музее литературы имени Адама Мицкевича можно посмотреть выставку «Леонор Фини и Константы Еленский. Двойной портрет». Она представляет две выдающихся фигуры европейской культуры XX века: Леонор Фини — итальянской художницы, иллюстратора, сценографа, дизайнера костюмов для кино (в частности «8½» Феллини) и ее спутника жизни — польского литератора Константы Александра Еленского (Кота), связанного с парижской

«Культурой», неформального посла польской культуры на Западе, эссеиста, переводчика, популяризатора творчества Витольда Гомбровича и Чеслава Милоша.

Выставка включает работы Леонор Фини и произведения «круга друзей Леонор и Кота», в том числе Яна Лебенстайна, Макса Эрнста, Пабло Пикассо, Мана Рея. Показаны также небольшие картинки Кота, который называл себя «художником выходного дня». Исключительно интересны

фотографии — по преимуществу из архива Леонор Фини в Париже. Леонор любила маски и переодевания, охотно ходила на костюмированные балы. Кураторы варшавской выставки во время подготовки экспозиции сделали необычайное открытие в коллекции Еленского: оригинальную египетскую маску с саркофага, возраст которой свыше 3500 лет. Быть может, Леонор танцевала в ней на балу в Венеции...

Прощания

» 11 ноября в Париже умер польский живописец и график Изаак Цельникер. Ему было 88 лет. Родившийся в 1923 г. в Варшаве, он в 30-е гг. был воспитанником детского дома, возглавлявшегося Янушем Корчаком. В начале войны бежал с семьей в Белосток. В 1941-м попал в гетто и пережил его ликвидацию, затем прошел через несколько лагерей — Штуттоф, Биркенау, Маутхаузен, Флоссенбург, Дахау. После войны изучал живопись в Праге, в 1952 г. вернулся в Польшу, но через несколько лет выехал в Париж и остался там. Его эмиграция была реакцией на нараставший тогда в Польше антисемитизм. В своем творчестве неоднократно поднимал тему страдания еврейства. Картина Цельникера «Гетто», напоминающая по композиции Пьету, была одним из главных событий на знаменитой выставке «Против войны — против фашизма» в варшавском «Арсенале» в 1955 году.

В 2005 г. краковский Национальный музей обратился к творчеству Цельникера, показав свыше ста его картин, от самых ранних, созданных еще в Праге, до самых новых. Художник приезжал в Краков на открытие своей выставки. Сюжет Катастрофы, лагерей, смерти, гетто и страдания присутствовал в его творчестве до конца.

» 20 ноября в Варшаве на 89-м году жизни умер Ольгерд Будревич, знаменитый журналист, писатель, путешественник, который посетил и описал свыше 160 стран. Выпускник юридического факультета Варшавского университета, во время войны он был солдатом Армии Крайовой и участником Варшавского восстания. После войны сотрудничал в журналах, в том числе в «Пшекруе», «Тыгоднике варшавском», «Слове повсехном». Как вспоминает Нестор польской журналистики Стефан Братковский, Будревич «был одним из лучших в Польше зарубежных репортеров до времен Зеленского и Капустинского, отличался тем, что никогда в своих текстах не угодничал, а это тогда кое-что значило...» И в своей работе был очень смелым — отправлялся в места, из которых мог не вернуться, как позже Рышард Капустинский. Ольгерд Будревич был автором сотен зарубежных репортажей, собранных в нескольких десятках книг, телевизионных программ, сценариев и комментариев к документальным фильмам. Издал также много книг, посвященных истории и современности столицы Польши. Написал, в частности, «Варшавский бедкер», «Путешествие на четыре стороны света», «Я был везде».

Варшава занимала в его сердце особое место. «Она всегда была моим городом, городом, близким мне, который я люблю и о котором пишу», — сказал он в феврале нынешнего года во время представления своей книги «Варшавский словарь Ольгерда Будревича». Он говорил также, что путешествует затем, чтобы возвращаться — всегда в Варшаву.

Лешек Шаруга

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Последний номер журнала «Новые ксёнки» («Новые книги», 2011, №11) знакомит читателя с обширным интервью, озаглавленным «Польские выборы между республиканством и сарматством», которое дал Ирене Яновской и Анджею Бернату католический публицист, многолетний редактор журнала «Венз» Анджей Велёвский, участвовавший в 1988 г. в организации Гражданского комитета при Лехе Валенсе и подготовке переговоров «круглого стола». Поводом для беседы стала опубликованная Велёвским историко-политическая книга «На перекрестках прошлого. Истории действительные и альтернативные», основные установки которой автор излагает следующим образом:

«Я останавливаюсь (...) на нескольких переломных моментах нашей истории, когда принимались существенные решения и вообще не было понятно, как пойдут дальнейшие события. (...) Стоило присмотреться к тому, как вождям, а иногда и целым группам людей удавалось ответить на вызовы своего времени и как они неоднократно предопределяли ход истории. В этом отношении история может быть до определенной степени *magistra vitae*, ибо объясняет нам, каковы мы. В давней истории Польши я уделяю большое внимание несомненным и ценным республиканским достижениям. Наша шляхетская республика XVI века была довольно эффективной и сравнительно прочной, мы тогда внесли существенный вклад в историю Европы как общество живое, активное, с широким гражданским опытом. Эти республиканские достижения были в значительной мере утрачены из-за войн и разрушений XVII века. (...) А в XVIII веке магнаты подорвали попытки и возможности спасти Речь Посполитую (...) Оголтелое сарматство и полная неспособность различных политических сил договориться положили конец государству. Это было в значительной мере предопределено около 1770 года. Мы не сумели проявить элементарный здравый смысл — как в Англии на 80 лет раньше, когда был заключен знаменитый Ковенант. Слишком велика была ненависть и злоба по отношению к королю Стасю [Станиславу Понятовскому] и партии Чарторыйских — во имя народа и защиты веры. Оказывается, определенные стереотипы демонстрируют необычайную прочность или легко возрождаются. Очень похожие предпосылки у современных «конфедератов», поющих в 2011 г. в костелах «Помоги нам, Боже, вернуть свободное отечество»».

То же самое пели во время разделов и коммунизма; сегодня в ходу, как в межвоенные годы, вариант «Помоги нам, Боже, сохранить свободное отечество». Удивительно, что более чем двадцать лет спустя после нового обретения независимости находятся люди (в контексте выводов Велёвского — продолжатели сарматства), которые демонстрируют свою уверенность в том, что Польша сегодня не свободна и не суверенна. Тем не менее такие люди есть: ненависть и озлобленность, а также угрюмая слепота всё еще не остаются исключительно на обочине нашей политической жизни, и хватает утверждений, что вступление в Евросоюз равнозначно переходу под чужую гегемонию, а «зависимость» от Брюсселя — то же самое, что когда-то зависимость от Москвы. На одну из причин такого положения вещей Велёвский указывает в интервью:

«Не было выразительного символа конца коммунизма и восстановления независимости; образно говоря, мы не взяли и не разрушили никакой Бастилии. Не получив такого типа сатисфакции, мы не интериоризировали чувство победы. Жаль, это был бы хороший повод для укрепления нашего чувства собственной ценности. Мы добились большого успеха, у нас ценные достижения, ценное наследие».

Масштаб этой победы измерим:

«Несколько месяцев назад мы дебатировали в Польском экономическом обществе на тему нашего «золотого десятилетия», т.е. 2011-2020 гг. Возможно, это для поляков последний шанс присоединиться к европейским лидерам, так как позже ряд объективных факторов, таких как ста-

рение общества и потеря выгод, которые мы сегодня имеем от Евросоюза, приведет к тому, что мы окажемся в значительно более трудной ситуации. Почему? Профессор Кшиштоф Рыбинский когда-то сказал, что в течение двадцати лет трансформации мы наверстали триста лет экономических опозданий. По его оценке, в XVI веке уровень жизни в Польше достигал 60% от стандартов Западной Европы. К XIX и XX веку по разным причинам этот показатель снизился до 30%. Зато в течение двадцати последних лет мы сумели вновь вернуться к 60% от стандартов Запада. То есть наверстали потери трех столетий. Однако мы сильно устали, и не совсем понятно, что могло бы подтолкнуть нас к большему усилию. Но все-таки у нас много шансов, в том числе сильное, деятельное поколение людей среднего возраста, которое осуществило преобразования и до сих пор остается активным и динамичным. У нас, в общем-то, неплохое соотношение между профессионально активными и пассивными людьми, у нас есть молодежь, запросы которой надо стимулировать и поддерживать, да еще мы получаем большую помощь от Евросоюза. Учитывая всё это, мы должны еще дальше продвинуться вперед, недостает лишь, так сказать, морального вдохновения, новой общественной энергии».

Важными кажутся рассуждения Велёвейского, связанные с оценкой Польши межвоенного периода, тем более что идеализирующий страну миф Второй Речи Посполитой по-прежнему сильно воздействует на общественное сознание:

«Межвоенная Польша была слабой страной, абсолютно зависимой от расклада сил в Европе. Вспомним, что тогдашняя нищета и тяготы развития были обусловлены, в частности, тем, что в течение долгих лет обе границы — и западная, и восточная — были плотно закрыты. Через Гданьск [который в межвоенный период был вольным городом] проходило 80% польского импорта и экспорта! Такова правда, только мы в течение десятилетий закрывали на нее глаза, потому что тогдашняя Польша была независимой, а ПНР — это было порабощение. (...) Несмотря на то, что конструирование вокруг тех времен какого-то идеального мифа Независимой и Суверенной Польши, когда существовала постоянная, смертельная угроза, когда необходимо было заключать тягостные и заведомо неэффективные союзы, — это что-то смешное и чудаческое, оно используется для манипуляции исторической памятью. Именно сегодня, в единстве с почти тридцатью другими странами Европы, у нас есть возможность предохранить себя и от внутренних трудностей, и от внешних угроз. Несерьезны предостережения об уничтожении национальных традиций и национального сознания в результате союза с объединенной Европой, о национальном вырождении, доминировании европейской памяти над национальной и т.д. В Брюсселе не выдвигают постулатов построения «европейской памяти». Европа хочет опираться на историческую память каждого из народов, которые должны хорошо понимать друг друга, уважать и познавать. Я полагаю, что если бы мы могли спросить мнение политиков-реалистов межвоенного двадцатилетия (а к таким я отношу Пилсудского), то услышали бы, что в современной европейской системе они чувствовали бы себя намного увереннее, чем в свое время».

К межвоенному периоду обращается и директор формирующегося в Гданьске Музея Второй Мировой войны Павел Махцевич в интервью, озаглавленном «Жаль, что Вторая Речь Посполитая много лет отсутствует в политической дискуссии», которое он дал Ярославу Залесинскому для «Таймс-Польша» (2011, №90). Махцевич подчеркивает, что межвоенный период не столько идеализируется, сколько забывается:

«В самом деле, межвоенное двадцатилетие и рассуждения о нем оказались на обочине политической дискуссии в Польше. Кроме того, мы встречаемся не только с идеализацией, но и с несправедливой критикой. Я бы хотел напомнить известный текст министра Радослава Сикорского, опубликованный в «Газете wyborczej» в канун 1 сентября 2009 года. Министр Сикорский написал, что Вторая Речь Посполитая была государством, неспособным к развитию и модернизации. Тем не менее Польша тридцатых годов при всей ее ущербности была государством, находившимся на уровне цивилизационного развития, сравнимом с уровнем Испании или Португалии. Разрыв не в нашу пользу начал увеличиваться значительно позже, во времена ПНР. (...) Вторая Речь Посполитая имела во многих направлениях значительные и очевидные достижения, о которых следует помнить. Но в

сегодняшних оценках недостает критических суждений, которые отделили бы то, что ценно, от поражений или черных пятен (...) Темные стороны были в разных сферах. Мы, например, по сей день не подвергаем углубленной рефлексии майский переворот [осуществленный Пилсудским в 1926 году]. О нем говорят слишком обобщенно, избегая вопроса, не является ли использование армии против демократической власти только потому, что состав этой власти не нравился Пилсудскому и его окружению, действием, которое мы должны оценивать решительно негативно. Особенно если живем в демократических реалиях. Это касается и ужесточения курса по отношению к оппозиции, начавшегося с 1930 года. Другая область темных дел — это, безусловно, антисемитизм значительной части Национально-радикального лагеря [НРЛ]. (...) Как бы то ни было, язык прессы Национальной партии, в особенности ее радикального крыла, или НРЛ — это язык ненависти по отношению к евреям, который вел к насилию. Это одна из самых мрачных страниц Второй Речи Посполитой. Очень близорукой была и политика по отношению к национальным меньшинствам. Действительно, столкновение с украинским национализмом было неизбежным, но, например, разрушение православных церквей в 1938 г. было делом самоубийственным, которое оказало влияние на отношение украинцев к полякам во время войны».

Махцевич подчеркивает:

«Уже с добрый десяток лет Вторая Речь Посполитая почти отсутствует в дискурсе. А жаль. (...) Думаю, мы теряем что-то важное. Если бы мы были в курсе дискуссии, которая велась во Второй Речи Посполитой, то, возможно, сформировали бы более зрелый взгляд на Третью Речь Посполитую и ее изъяны. Стоит напомнить хотя бы совершенно забытый сегодня роман «Генерал Барч» Кадена-Бандровского. Это очень горькая картина первых лет независимости. И одновременно очень мудрая. В романе нет отвержения польской независимости, есть только горькая констатация того, что есть и иначе быть не может. Так выглядела демократия, так выглядело, собственно, любое государство. Мы должны действовать в его пользу, несмотря на то, что переживаем большое разочарование. Поток критики Третьей Речи Посполитой и проект Четвертой, который из этой критики следует, абстрагируется от того, что и в межвоенное двадцатилетие государство не было идеальным. Это свидетельствует об отсутствии последовательности в размышлениях о польской государственности и ее недостатках».

Эту последовательность пытается восстановить Велёвейский, указывая в своей книге на определенные аналогии между ситуацией межвоенной Польши и ситуацией, возникшей в результате переговоров «круглого стола». В упоминавшемся выше интервью он говорит:

«Когда Пилсудский вывел Польшу к независимости, «отвоевал Польшу» (...), то сразу заявило о себе сарматство, [выразившееся] в соглашениях между национал-демократами и частью социал-демократов (...). Этот пакт отражал сознание и интересы большинства поляков. Пилсудский ответил государственным переворотом. Подобная ситуация имела место в наше время. Надо сказать, что наряду с группами интеллигентов, оппозиционными по отношению к строю ПНР, существовала прежде всего Церковь с двумя выдающимися кардиналами. Несмотря на определенные симпатии примаса Вышинского к национальному движению, к идеям национальной сплоченности и единства, он в конфронтации с коммунистами встал на либерально-демократические позиции, как и еще более решительный кардинал Войтыла. Таким образом, Церковь поддерживала нас в полной мере, выражением чего стал исходящий от примаса запрет в отношении проекта коммунистов о католических профсоюзах: «Ибо мы боремся за нечто большее». Оба сотрудника примаса, архиепископ Домбровский и отец Оршулик, выполняли этот наказ, как и их последователи. Когда не стало этих лидеров, произошел возврат. Сегодня в свободной Польше, несмотря на укрепление светских начал и моральный плюрализм, Церковь в определенной мере выражает консервативные чувства и убеждения большинства, идет за ним, а не старается вывести общество на новые пути. (...) Нашим успехам в шестидесятых и семидесятых годах мы обязаны тому, что Церковь решительно приняла тогда либерально-демократическую, а не сарматскую ориентацию. А сейчас, что ж, направляемся к «нормальности». (...) Девяностые годы принесли столкновения с вновь пробуждающимся (...) нашим польским сарматством: привязанностью к национальной идее, недоверием к чужим, боязнью

чрезмерной открытости и каких-либо новаций с Запада, больших перемен и т.д. Возрождению сарматства способствовали все (понятные, впрочем) издержки становления демократии и болезненность преобразований. (...) Ну и Церковь очень быстро на эту волну настроилась. Иоанну Павлу II пришлось лично вмешаться, чтобы склонить чашу весов на референдуме о вступлении в Евросоюз».

Как видим, оценка государственного переворота, осуществленного Пилсудским в 1926 г., отнюдь не однозначна. Согласно анализу, осуществленному Велёвейским, это было действие, направленное на блокирование убийственного для государственности политического сарматства. Мацкевич не подходит к этому столь радикально: он ставит вопрос о правомочности подобных, определенно диктаторских, политических акций в демократической системе. Имеет смысл в заключение напомнить, что в восьмидесятые годы на страницах «Культуры» Ежи Гедройц писал, имея, конечно же, в виду майский переворот, что в определенных обстоятельствах подобные решения бывают необходимы, против чего в письмах в редакцию протестовали профессор Кристина Марек и Адам Михник.

Клавдия Ротманова

ОСКОЛКИ ПАМЯТИ НА ЗИМНЕМ СНЕГУ

В свое время я коллекционировала... впечатления. Мне казалось, что нет ничего надежнее, чем человеческая память. Я во многом ошиблась. Но тот морозный, декабрьский, яркий воскресный день до сих пор стоит перед глазами. Я поднялась по скрипучей лестнице очень старого рижского дома. Тогда, на рубеже семидесятых и восьмидесятых годов прошлого века, в Риге я часто приходила туда, к Лиле и Валере Сулимовым, под самую крышу дома на улице Театра, 3. Это был очень открытый дом. А номер телефона Сулимовых: 210030 — знали далеко за пределами Риги. Время от времени Валерий передавал информацию о преследованиях диссидентов московским правозащитникам или на Запад. Конечно, телефон был «на прослушке», но внешне это ничего не изменяло в поведении хозяина дома — такова была форма проявления его собственной свободы. Иногда, пока Лиля угощала меня кофе с бутербродами, а рядом лежали машинописные листки со свежотпечатанными ею же статьями или стихами, Валера возникал в дверях. Зимой руки его были замерзшими до синевы — я и не знала тогда, что этажом ниже, в неотапливаемой кладовке у тещи, у него была целая фотолаборатория.

Итак, был полдень. Радиоприемник что-то говорил по-польски — скорбно и как-то вкрадчиво. От этого голоса веяло недобрым! Глушилки в то время особенно усердствовали. Сквозь их треск и шум ни Би-Би-Си, ни «Голос Америки», ни «Свободу» на русском языке слушать было невозможно. На других языках, в том числе и на польском, которому у нас в школах не учили и знания которого явно не предполагалось, было полегче.

А нас вполне конкретно интересовала Польша и всё, что с ней связано. Мы жили в эпоху позднего брежневского застоя, а в Польше происходили невероятные вещи: власти признали независимый профсоюз «Солидарность», журналы и газеты были полны новостей, о которых у нас и не слыхивали. А подпольная пресса, которую Лилин муж откуда-то добывал, рассказывала о забастовках в разных концах страны, о нехватке продуктов в магазинах, о голодных рабочих семьях.

Еще недавно в киоски «Союзпечати» (аналог польского «Руха») приходила польская пресса. Тираж был мизерный, всё приходилось «доставать», договариваться с киоскерами. Постепенно польская пресса исчезала. А осенью 1981 г. во всем СССР отменили и подписку на следующий год. Предчувствие каких-то нехороших событий повисло в воздухе. И наступило 13 декабря 1981 года!..

Лиля оторвалась от радиоприемника, очень серьезно посмотрела на меня.

— В Польше сегодня ночью введено военное положение. Слышишь, «Wolna Europa» передает выступление генерала Ярузельского, — сказала она и пошла звонить мужу на работу, передать ему эту тревожную новость.

* * *

Оказалось, что и на собственную память лучше не полагаться! Даже названия многих прочитанных там книжек испарились из памяти. Но зато я четко помню целый стеллаж, уставленный книгами на польском языке. Они были мне тогда недоступны, поскольку язык я не знала, но дразнили названиями и фамилиями авторов. Там была польская классика, было множество переводной литературы: исторической, научно-популярной А еще детективы — большей частью переведенные с английского! И даже что-то — в переводе с русского. А на полочке ниже обычно лежала целая стопка газет и журналов на польском языке. Кстати, эту полку на обысках не трогали. Зато выгребали то, что Валера переводил из этих журналов на русский язык. А переводами он в то время занимался активно.

* * *

Совсем недавно, уже в Дюссельдорфе, я спросила Валеру:

— Помнишь, как мы все или стояли в очередях за хорошими книгами на русском языке, как доставали их через знакомых? Это же был страшный дефицит! А откуда у тебя тогда в Риге было столько прекрасной литературы на польском?

— О, с иностранной литературой все тогда было иначе! — сказал он. — Во-первых, в магазин иностранной литературы «Глобус» книги на польском языке приходили каждые два месяца — мы, постоянные покупатели, знали об этом заранее. А раз в году, обычно в июне, проводились выставки-продажи польской литературы. Помню, за неделю до выставки уже висели объявления. Открывали эти выставки представители министерств иностранных дел и культуры. Приезжали польские писатели.

— А кто в Риге знал польский язык?

— В основном, конечно, это были рижские поляки, но не только. Приходили и латыши, и русские. Удивительно много людей тогда в Риге читало по-польски! У них были разные интересы — и книги приходили разные. Один собирал литературу по авиации. Другой интересовался всеми новинками по кораблестроению. В то время в Польше еще не зажила память об уничтожении ее воздушного и морского флота во время Второй Мировой войны, и таких книг издавалось довольно много. А какая богатая научно-популярная литература приходила к нам! Было всё: от истории до сексологии! И, естественно, народ раскупал художественную литературу — и польскую, и мировую в переводе на польский. Те ежегодные книжные выставки были для нас чем-то большим, чем просто торговля книгами. Там люди встречались, знакомились, обменивались литературой и новостями, услышанными по радио на польском языке.

* * *

Вечером 13 декабря 1981 года я снова слушала радио на польском. Вместе с художником Николаем Уваровым. И нам казалось тогда, что генерал нашел не наихудший выход, что он спас свою страну от советского вторжения. Откуда мы могли в тот момент знать, что уже почти сутки в Польше идут аресты оппозиции, что людей, захваченных врасплох на улицах ночных городов, уже отлавливают, как зверей, и избивают зомовцы? Что началась война, в которой многие поляки потеряют своих близких, а судьбы еще большего числа будут изувечены? И что тридцать лет спустя Польша будет разбираться, чем же было для нее введение военного положения и все ли произошедшее тогда запланировал генерал?!

* * *

Тогда, тридцать лет назад, мне казалось, что если не весь мир, то во всяком случае мои знакомые в Латвии, знают приблизительно то же, что и я, и интересуются тем же. Недавно, уже в этом году, я позвонила этим людям и обнаружила, что введение военного положения в соседней Польше прошло как бы мимо сознания большинства из них. Почему? Во-первых, советская официальная пресса старательно обходила все, что касалось польских событий. А неофициальная, подпольная, была в СССР доступна совсем небольшому количеству людей — ее тираж был, как правило, крохотный. И предназначалась она для тех, кого можно было, хоть и с натяжкой, считать «своими». Уж слишком суровыми были репрессии даже для читателей! В тюрьму, правда, в 1981 году за это не сажали, но вызвать в КГБ на допрос, выгнать с работы или из вуза — запросто! Да и собственная жизнь большинства моих тогдашних соотечественников была так трудна и наполнена заботами о хлебе насущном, что не оставляла места для раздумий о том, что непосредственно этой жизни не касалось.

Лишь один из моих знакомых, Алнис Зандерсонс, в то время известный в Латвии телережиссер и оператор, сказал:

— Когда в 1981-м в Польше было введено военное положение, я понял, что это катастрофа! Я подумал, что повторяется чехословацкий сценарий, но только без ввода советских войск. Ярузельский сделал это своими руками. Но мне так же, как и вам тогда, показалось это умным ходом. Ведь что такое «чехословацкие события», я знаю из первых рук — мои ровесники как раз в 1968-м там служили!..

* * *

Когда-то я была уверена, что если и не могу «вычислить» свое будущее, то уж наверняка знаю, чего именно со мной произойти ни в коем случае не может. Я и в этом ошиблась. И вот я — в маленькой темноватой квартире в Дюссельдорфе, где тридцать лет назад никак не предполагала оказаться. Рядом — человек, с которым я тогда, в Риге, была хорошо знакома. Я дружила с ним и его женой. Но я никак не могла знать, что раскаленным летом 1995 года Лиля умрет от инфаркта в Ольштыне, что Валерий указом президента Польши получит польское гражданство, что со временем он разыщет меня в Германии и в этой другой жизни мы будем праздновать юбилей нашей супружеской жизни.

В прошлом году мы съездили в Латвию — без виз, без таможенного досмотра. И Латвия, и Польша, и Германия — в Евросоюзе и в Шенгене, что стало так обычно, что и не вызывает больше эмоций. Центр Риги похоронен до неузнаваемости. Правда, дом на улице Театра полностью перестроен. И верхнего этажа там нет. Так что воспоминания о прежней жизни остались только в памяти! А вот книжный магазин, возле которого собирались когда-то любители польской литературы, стоит на своем месте! И те же каменные Атланты, поддерживающие земной шар, смотрят вниз на прохожих. Вот только польская литература ни в этом магазине, ни в других не продается — так же, как и любые книги на каких-либо, кроме русского, иностранных языках. А польской прессы в Риге вообще больше не продают, как говорят те самые рижане, которые когда-то толпились возле этого магазина!

Похоже, всё это кануло в лету — вместе с введением военного положения тридцать лет назад. И по сей день больше не возродилось.

Клавдия Ротманова

Мы пели: «За нашу и вашу свободу!»
Мы пили за нашу и вашу свободу.
Нас били — за нашу и вашу свободу.
И мы уходили, как в мерзлую воду,
В молчанье...
Мы встретились, словно воскресли.
Пряатель сидит в председательском кресле.
Другой — тоже в кресле. Увы, в инвалидном.
А третьего друга и вовсе не видно
Мы судьбы свои, как умели, лепили.
Что думали — пели. Что было, то пили.
Мы не уклонялись — и не уступили.
Вы нас не забыли?
Мы были, мы были...

2008-2009

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ

З. Буяк: Солидарность по отношению к тоталитаризму

Н. Иванов: Репрессии против поляков в 1938 году

И. Мельников: Тайна белорусского катынского списка

В. Мастеров о советских военнопленных 1920 г.

«Третий сектор» - неправительственное движение в Польше

Интервью с:
Гаем Перри
Николаем Вахтиным

Стихотворения:
Станислава Стабро
Кристины Милобендзкой

Журнал «Новая Польша»
допущен к распространению на территории Российской Федерации
Решением Министерства Российской Федерации по делам печати,

телерадиовещания и средств массовых коммуникаций

(Свидетельство регистрации средства массовой информации **ПИ №77-1063** от 3 ноября 1999 года)

Приглашаем всех читателей посетить интернет-сайт «Новой Польши»:

www.novpol.ru

**Вы можете подписаться на «Новую Польшу»,
перечислив деньги на наш счет и отправив нам по почте,
факсу или электронной почте копию подтверждения оплаты
с пометкой: *prenumerata*.**

Наш адрес:

Nowaja Polska
Instytut Książki
al. Niepodległości 213
02-086 Warszawa

Подписка в Польше:

Название банка: BANK MILLENNIUM S.A.
Номер счета: 79 1160 2202 0000 0000 4272 2741
Цена 1 экз. — 8 зл.
Цена годовой подписки — 96 зл.

Подписка за границей:

Название банка: BANK MILLENNIUM S.A.
Номер счета: 79 1160 2202 0000 0000 4272 2741
SWIFT CODE: BIGBPLPW
Цена годовой подписки — 70 евро или 100 долларов

Информация о подписке за границей:

Тел. +48 22 608-27-95
Факс: +48 22 608-25-05
e-mail: nowpol@instytutksiazki.pl

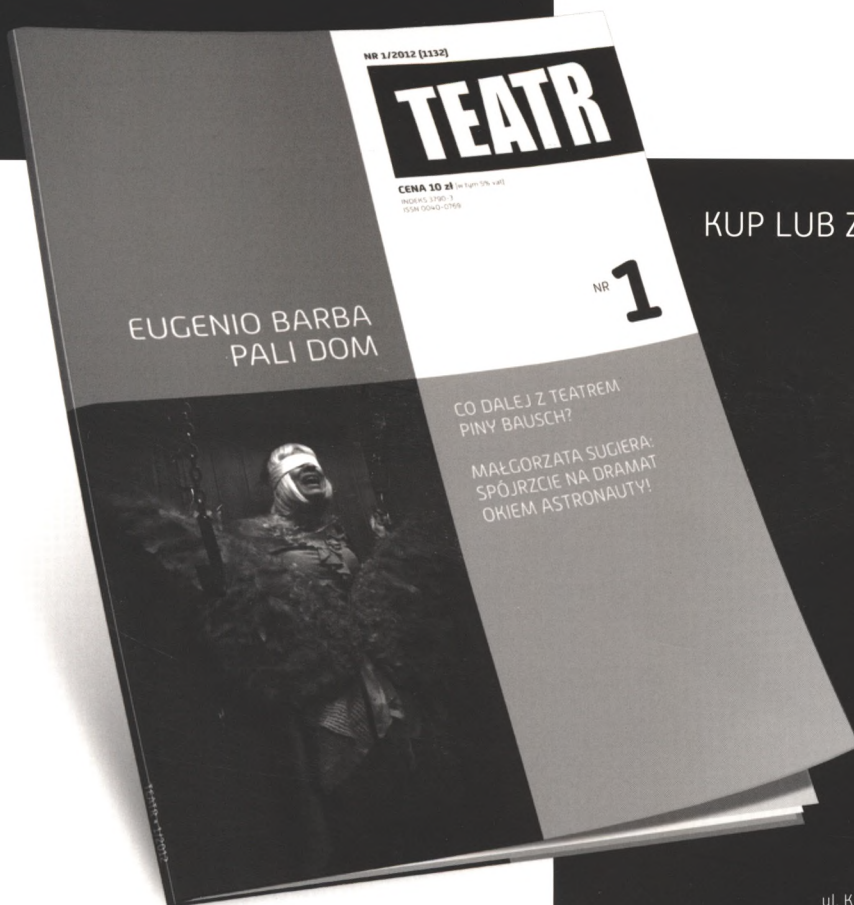
Информация о подписке в Польше:

Тел./факс: 22 608-24-88, 22 608-23-74
e-mail: czaspatron@instytutksiazki.pl

ВСЕ ЦВЕТА ТЕАТРА

ЛЕГЕНДАРНЫЙ «ТЕАТР»
В ЦВЕТЕ И НОВОМ ДИЗАЙНЕ
УЖЕ В ЯНВАРЕ

TEATR

KUP LUB ZAPRENUMERUJ

Redakcja miesięcznika TEATR
ul. Kozia 3/5 m. 6, 00-070 Warszawa
tel./fax (22) 692 88 19, tel. (22) 692 88 19
teatr@teatr-pismo.pl

Cena 8 zł w tym 5% VAT

ISSN 1508-5589

9 771508 558119

